

Генеральная Ассамблея

Distr.: General
18 July 2014
Russian
Original: English

Шестьдесят девятая сессия

Пункт 23(с) предварительной повестки дня*

**Искоренение нищеты и другие вопросы
развития: женщины в процессе развития**

Мировой обзор по вопросу о роли женщин в развитии

Доклад Генерального секретаря

Гендерное равенство и устойчивое развитие

Резюме

В *Мировом обзоре по вопросу о роли женщин в развитии* основное внимание уделяется анализу возникающих проблем в сфере развития, оказывающих влияние на роль женщин в экономике, и этот обзор представляется на рассмотрение Второго комитета Генеральной Ассамблеи каждые пять лет. Настоящий доклад является седьмым *Мировым обзором по вопросу о роли женщин в развитии*. В своей резолюции 64/217 Генеральная Ассамблея просила Генерального секретаря подготовить обновленный вариант *Мирового обзора* для его рассмотрения Генеральной Ассамблеей на ее шестьдесят девятой сессии. Настоящий обзор посвящен теме «Гендерное равенство и устойчивое развитие». В обзоре объясняется, почему достижение гендерного равенства должно играть центральную роль в обеспечении устойчивого развития, и выносятся рекомендации в отношении конкретных стратегических мер по созданию устойчивого в экономическом, социальном и экологическом отношении будущего, в котором будут соблюдаться права человека всех женщин и девочек и мужчин и мальчиков.

---

* A/69/150.

Содержание

	<i>Стр.</i>
I. <i>Мировой обзор по вопросу о роли женщин в развитии: общая информация</i>	4
A. Гендерное равенство и устойчивое развитие: позитивное и негативное взаимодействие	5
B. Выводы настоящего <i>Мирового обзора</i>	8
II. Гендерное равенство и устойчивое развитие	12
A. Введение	12
B. Время проблем и возможностей	15
C. Устойчивое развитие в условиях гендерного равенства: определения и понятия	21
D. Оглядываясь назад, двигаться вперед: извлечение уроков из действий по обеспечению гендерного равенства и устойчивого развития	23
E. На пути к устойчивому развитию и гендерному равенству: последствия для действий в области политики	29
III. «Зеленая» экономика, гендерное равенство и уход	35
A. Введение	35
B. Более общий взгляд на развитие и проводимую политику	36
C. Поиск альтернативных вариантов: «зеленая» экономика и гендерное равенство	42
D. Альтернативные меры реагирования на проблему неустойчивости: инвестирование в общественные блага и «экономику ухода»	49
E. Расширение повестки дня, посвященной экологизации экономики	57
IV. Продовольственная безопасность и гендерное равенство	57
A. Введение	57
B. Отсутствие продовольственной безопасности: последние тенденции	60
C. Структурные сдерживающие факторы и составляющие продовольственной безопасности	64
D. Новые проблемы: глобальная продовольственная система	71
E. Национальные усилия по обеспечению права на питание	75
V. Народонаселение, устойчивое развитие и гендерное равенство	80
A. Введение	80
B. Демографическая динамика	82
C. Народонаселение и окружающая среда: политика и последствия	87
D. Расширение повестки дня в области народонаселения	94
VI. Инвестиции в устойчивое развитие с учетом гендерного фактора	95
A. Введение	95

В. Оценка инвестиций с высоким преобразующим потенциалом в ракурсе гендерного равенства	97
С. Категории инвестиций в устойчивое развитие с учетом гендерного фактора	100
Д. Институциональный контекст инвестиционной деятельности	115
Е. Финансирование инвестиций в устойчивое развитие	118
VII. Выводы и стратегические рекомендации	121
Библиография.	130

I. Мировой обзор по вопросу о роли женщин в развитии: общая информация

1. Никогда прежде тесно связанные между собой проблемы разработки способов обеспечения устойчивого развития и достижения гендерного равенства не стояли столь остро. Поскольку сейчас мировое сообщество работает над созданием повестки дня в области развития на период после 2015 года, в этом Мировом обзоре разъясняется не только то, почему обе эти проблемы имеют исключительно важное значение, но и то, почему они должны решаться совместно и таким образом, чтобы при этом обеспечивалась полная реализация прав человека женщин и девочек, а странам оказывалась помощь в процессе перехода к устойчивому развитию.

2. Доминирующие модели производства, потребления и распределения становятся крайне нерациональными (см. A/CONF.216/PC/7). Главной причиной процессов, происходящих в земной системе, является деятельность человека, и факты чрезмерной эксплуатации природных ресурсов, утраты основных ареалов обитания и биологического разнообразия и загрязнения почв, морей и атмосферы становятся все более очевидными. Благодаря научным объяснениям формируется более четкое представление о том, с какими колоссальными экономическими, социальными и экологическими проблемами сопряжены такие угрозы, как изменение климата и утрата важнейших экосистемных услуг, возникающие в связи с тем, что человечество приближается к так называемым «планетарным границам» или уже их переступило (Intergovernmental Panel on Climate Change, 2013; Rockström and others, 2009). Взаимодействие человека с окружающей средой уже привело к различного рода беспрецедентным экологическим потрясениям, которые служат причиной наводнений, засух, разрушения городов и сел и лишения людей источников средств к существованию, при этом многие люди и районы испытывают воздействие сразу нескольких кризисов: продовольственного, энергетического, экологического и финансового. Эти нерациональные модели способствуют распространению нищеты и неравенства в современном мире, что особенно заметно сказывается на трети мирового населения, благополучие которого напрямую зависит от природных ресурсов, а также создают серьезную угрозу для будущих поколений (Unmüßig, Sachs and Fatheuer, 2012).

3. Последствия использования нерациональных моделей развития усугубляют гендерное неравенство, поскольку от различных экономических, социальных и экологических потрясений зачастую в гораздо большей степени страдают женщины и девочки (Neumayer and Plümper, 2007). Причины и основополагающие факторы расточительности и гендерного неравенства теснейшим образом связаны друг с другом. И то, и другое является следствием использования моделей развития, которые благоприятствуют конкретным типам в недостаточной степени регулируемого роста при ведущей роли рынка, а также сохранению неравного статуса женщин и мужчин (Wichterich, 2012). Такие модели развития характеризуются наличием гендерного неравенства, практики эксплуатации женского труда и неоплачиваемой работы по уходу и способствуют их дальнейшему распространению. Помимо этого, такие парадигмы развития порождают экологические проблемы, поскольку участники рынка ищут пути извлечения прибыли и получают ее за счет чрезмерной эксплуатации природных ресурсов и загрязнения атмосферы, почв и океанов. Такие модели, где до-

минирующую роль играет рынок, развиваются по пути, который не является рациональным в социальном, экологическом и — в итоге — экономическом отношении и ограничивает возможности для будущего прогресса.

4. В настоящее время в рамках становящейся все более широкой международной дискуссии подчеркивается необходимость использования в экономике и в обществе более устойчивых моделей независимо от того, для чего они предназначены — предотвращения кризисов и катастроф или обеспечения процветания за счет создания «зеленой» экономики. В рамках стратегических инициатив, осуществляемых в настоящее время, не всегда учитывается то, что такие усилия должны опираться на принцип соблюдения прав человека, и не всегда необходимость ликвидации гендерного неравенства выделяется в качестве приоритетной задачи. В таких дискуссиях зачастую не учитывается тот факт, что соответствующие усилия неизменно сопряжены с принятием компромиссных решений. Об устойчивости часто говорят так, как если бы стратегические решения были однозначными. Тем не менее возникает множество противоречивых вопросов, например следующие: в пользу каких низкоуглеродных источников энергии сделать выбор при выделении средств; использовать ли землю для выращивания продовольственных культур или культур для производства биотоплива; и сохранять ли леса для смягчения последствий глобального изменения климата или использовать их для удовлетворения потребностей местного населения в средствах к существованию. И это лишь некоторые из них. Во многих случаях стратегические подходы, направленные на содействие устойчивому развитию или создание «зеленой» экономики, могут препятствовать реализации прав женщин и обеспечению гендерного равенства. От того, как решаются эти вопросы, в значительной степени зависит и то, кто от этого выиграет, а кто проиграет, причем как среди социальных групп, так и на местном, национальном и глобальном уровнях.

5. И все же это время новых возможностей. Имеется множество примеров тому, как в различных странах мира используются альтернативные способы достижения устойчивого развития при одновременном обеспечении гендерного равенства. Гендерное равенство и устойчивое развитие могут в значительной степени подкреплять друг друга (Agarwal, 2002; Buckingham-Hatfield, 2002; Cela, Dankelman and Stern, 2013; Johnsson-Latham, 2007).

А. Гендерное равенство и устойчивое развитие: позитивное и негативное взаимодействие

6. В последние десятилетия все больше и больше признается центральная роль гендерного равенства, расширения прав и возможностей женщин и реализации прав женщин в обеспечении устойчивого развития. Это прослеживается в ряде международных норм и соглашений, в том числе в принципе 20 принятой в 1992 году Рио-де-Жанейрской декларации по окружающей среде и развитию¹, в котором говорится о том, что всестороннее участие женщин необходимо для достижения устойчивого развития. В Пекинской декларации и Плат-

---

¹ Доклад Конференции Организации Объединенных Наций по окружающей среде и развитию, Рио-де-Жанейро, 3–14 июня 1992 года, том I, Резолюции, принятые на Конференции, (издание Организации Объединенных Наций, в продаже под № R.93.I.8 и исправление), том I: резолюция 1, приложение I.

форме действий², принятых государствами-членами в 1995 году, к правительствам обращен призыв обеспечивать учет гендерных аспектов и проблематики в стратегиях и программах устойчивого развития. О центральной роли гендерного равенства также говорится в принятом в 2012 году итоговом документе Конференции Организации Объединенных Наций по устойчивому развитию, озаглавленном «Будущее, которого мы хотим», где также признается важность гендерного равенства и расширения прав и возможностей женщин в рамках всех трех компонентов устойчивого развития — экономического, социального и экологического — и говорится о решимости содействовать достижению гендерного равенства и обеспечивать полноценное участие женщин на всех уровнях в стратегиях, программах и процессах принятия решений, касающихся устойчивого развития (резолюция 66/288 Генеральной Ассамблеи, приложение).

7. Рассматривать вопросы гендерного равенства и устойчивого развития совместно важно по нескольким причинам. Во-первых, это необходимо по нравственным и этическим соображениям: достижение гендерного равенства, осуществление прав человека, обеспечение достоинства и реализация потенциала различных групп женщин является одним из основных требований справедливого и рационального мироустройства. Во-вторых, крайне важно решить проблему непропорционально тяжелого воздействия на женщин и девочек различных экономических, социальных и экологических потрясений, препятствующих реализации их прав человека и выполнению ими своей жизненно важной роли, заключающейся в оказании поддержки своим семьям и общинам. В-третьих, — что наиболее важно — необходимо укреплять потенциал женщин и их возможности для обеспечения более ощутимого взаимоусиливающего эффекта от достижений в области гендерного равенства и устойчивого развития.

8. Появляется все больше свидетельств наличия взаимосвязи между гендерным равенством с одной стороны и экономической, социальной и экологической устойчивостью — с другой. Например, когда женщины имеют более значительное влияние и возможность участвовать в государственном управлении, вероятность того, что государственные средства будут выделяться на приоритетные цели развития человеческого потенциала, включая укрепление здоровья детей, питание и обеспечение возможностей трудоустройства, выше (Chattopadhyay and Duflo, 2004). Предоставление женщинам доступа к сельскохозяйственным и производственным ресурсам и контролю над ними имеет важное значение для обеспечения продовольственной безопасности и средств к существованию на устойчивой основе (Food and Agriculture Organization of the United Nations (FAO), 2011). Знания женщин, их поддержка и коллективные действия играют центральную роль в поиске, выявлении и разработке более рациональных в экономическом, социальном и экологическом отношении способов организации жизнедеятельности на местах, адаптации к изменению климата, производства и обеспечения доступа к продовольствию и обеспечению услуг в области водоснабжения, санитарии и энергоснабжения на устойчивой основе.

---

² Доклад четвертой Всемирной конференции по положению женщин, Пекин, 4–15 сентября 1995 года (издание Организации Объединенных Наций, в продаже под № R.96.IV.13), глава I, резолюция I, приложения I и II.

9. Все более широко признается центральная роль участия женщин в разработке стратегий. Например, их активное участие в деятельности местных органов управления лесным хозяйством способствует как рационализации лесопользования, так и гендерному равенству (Agarwal, 2010). Кроме того, некоторые аспекты гендерного равенства, например обеспечение женщинам образования и их трудоустройство, могут положительно сказаться на экономическом росте, хотя такое воздействие зависит, помимо прочих факторов, от характера стратегий роста, структуры экономики, отраслевой структуры занятости женщин и положения с сегрегацией на рынке труда (Kabeer and Natali, 2013).

10. Вместе с тем, хотя гендерное равенство может играть стимулирующую роль в достижении экономической, социальной и экологической устойчивости, его отсутствие не всегда предполагает обратное. Таким образом, нельзя утверждать, что наличие гендерного равенства гарантирует устойчивое развитие и наоборот. Более того, некоторые модели экономического роста основываются на сохранении гендерного неравенства, которое проявляется, например, в сохранении разницы в заработной плате мужчин и женщин и закреплении норм, ценностей и институтов, сопряженных с гендерной дискриминацией (Seguino, 2000; Kabeer and Natali, 2013). Помимо этого, поскольку правительства и учреждения-доноры все больше воспринимают женщин как важных участников усилий по адаптации общин к изменению климата, мелких собственников и основную движущую силу рационального производства продовольствия и ограничивают их репродуктивные права, видя в этом решение проблем в области народонаселения и экологии, существует опасность того, что гендерные стереотипы и неравенство будут глубоко укореняться.

11. Стратегические инициативы, в рамках которых женщины рассматриваются как «опора устойчивого развития», основываются на стереотипных представлениях о роли женщин, связанной с семьей, общиной и окружающей средой, и закрепляют эти представления. Такие инициативы зачастую приводят к тому, что женщинам, и без того в значительной степени обремененным необходимостью выполнять неоплачиваемую работу, приходится трудиться еще больше, не получая при этом никаких прав, ресурсов и выгод. Властный баланс между мужчинами и женщинами определяет, будут ли усилия и деятельность женщин приводить к реализации их прав и возможностей. Хотя участие женщин имеет исключительно важное значение, их привлечение к реализации стратегических мер по обеспечению устойчивого развития не гарантирует улучшения положения с гендерным равенством, особенно в тех случаях, когда не меняются структурные основы гендерного неравенства.

12. Существует, однако, ряд альтернативных подходов, способствующих одновременно обеспечению устойчивого развития и гендерного равенства. Некоторые из них основываются на установившихся нормах, согласно которым женщины и мужчины получают доступ к природным ресурсам и контроль над ними, используют их и распоряжаются ими таким образом, чтобы обеспечить постоянное наличие средств к существованию и благосостояние. В рамках совместных инициатив с участием государства и жителей бассейна реки Амазонки, например, потенциально можно сохранить биологическое разнообразие, смягчить последствия изменения климата и одновременно обеспечить средствами к существованию местных женщин и мужчин на устойчивой основе (Rival, 2012). Другие подходы формируются благодаря движениям и общественным организациям, многие из которых возглавляют женщины, и направ-

лены на получение суверенного права на продовольственные и другие ресурсы и создание устойчивых общин и городов. Например, в Южной Азии сообщество женщин-руководителей низовых организаций принимает меры к укреплению потенциала в целях уменьшения факторов риска и уязвимости перед изменением климата в своих общинах и формирования культуры противодействия³.

В. Выводы настоящего *Мирового обзора*

13. Цели настоящего *Мирового обзора* состоят в том, чтобы разъяснить, почему и каким образом гендерное равенство должно стать центральным элементом устойчивого развития, и наметить меры, которые необходимо принять для достижения устойчивого развития при одновременном обеспечении гендерного равенства. В целом выводы, содержащиеся в докладе, сводятся к следующему:

а) при определении способа достижения устойчивого развития — как на этапе разработки его концепции, так и на этапе его практического применения — необходимо в обязательном порядке соблюдать принципы обеспечения гендерного равенства, расширения прав и возможностей женщин и реализации прав женщин;

б) обеспечение устойчивого развития предполагает признание взаимосвязи между гендерным равенством и устойчивостью, а также устранение противоречий и принятие компромиссных решений по вопросам, которые неизбежно возникают на стыке трех компонентов устойчивого развития и при интеграции аспекта гендерного равенства;

с) принятие компромиссных решений и оптимальное урегулирование противоречивых стратегических вопросов в целях достижения устойчивого развития и гендерного равенства требует проведения обсуждений с широким кругом участников и разработки механизмов контроля исключений и компромиссов. В таких обсуждениях крайне важную роль играют активное участие, инициативность и творческий подход со стороны гражданского общества и женских организаций, общин и заинтересованных лиц.

14. В обзоре не предпринимается попытка осветить весь чрезвычайно широкий круг важных и неотъемлемых аспектов устойчивого развития при одновременном обеспечении гендерного равенства. В нем тщательно рассматривается лишь конкретная группа вопросов, которые играют центральную роль в жизни женщины, имеют стратегическое значение для достижения гендерного равенства и тесно связаны с экономическими, социальными и экологическими аспектами устойчивого развития: модели роста, создание рабочих мест и предоставление «общественных благ»⁴; производство, распределение и потребление продовольствия; народонаселение и физическая неприкосновенность женщин; и водоснабжение, санитария и энергоснабжение. Таким образом,

³ См. <http://huairou.org/south-asian-network-grassroots-womens-leaders-community-resilience-formally-launched-kathmandu-nepal> (по состоянию на 26 июня 2014 года).

⁴ Общественными считаются блага, доступ к которым не может быть просто ограничен и предоставлен одному «покупателю» или потребителю; общественное благо доступно и другим людям. Это блага, которыми люди пользуются коллективно, а не индивидуально, например окружающая среда, в которой отсутствует риск заболевания малярией, чистый воздух, образование, водопровод и канализация.

главы доклада посвящены различным конкретным аспектам, связанным с устойчивыми источниками средств к существованию для женщин, но объединенным общей темой обеспечения устойчивого в экономическом, социальном и экологическом отношении развития с учетом гендерных аспектов.

15. В главе II поясняется, что означает устойчивое развитие при одновременном обеспечении гендерного равенства для разработки политики: это экономическое, социальное и экологическое развитие, при котором обеспечены благополучие человека и его достоинство, сохранность окружающей среды, гендерное равенство и социальная справедливость в текущий момент и на будущее. С учетом того, что правительствам необходимо будет проанализировать многоплановые возможные стратегии, в рамках которых будут неизбежно возникать противоречия и придется находить компромиссные решения, в обзоре предлагаются критерии, на которые могут ориентироваться директивные органы и которые будут служить им подспорьем при проведении оценки стратегий обеспечения устойчивого развития и гендерного равенства.

16. В каждой последующей главе показано, как нерациональные модели развития благоприятствуют гендерному неравенству и наоборот. В главе III, посвященной «зеленой» экономике, гендерному равенству и уходу, более подробно говорится о взаимосвязях между моделями роста и растущим неравенством и особое внимание уделяется вопросам эксплуатации женского труда, проявляющейся в низкой заработной плате и использовании в значительном объеме неоплачиваемого труда, связанного с уходом.

17. В главе IV о продовольственной безопасности и гендерном равенстве рассказывается, каким образом динамика систем мировой экономики и рынков касается гендерных отношений и какие пагубные последствия она имеет для продовольственной безопасности домашних хозяйств и для гендерного равенства. Тем не менее доминирующие воззрения, в данном случае это подход, ориентированный в первую очередь на отстаивание интересов производителей, который занимает главенствующее место в мировой системе взглядов и политике с 1980-х годов, оттесняют вопрос о праве на питание на второй план. В этой главе показано, каким образом неустойчивость мировых рынков зерна, низкая заработная плата и нестабильность источников средств к существованию связаны с наличием обусловленных гендерными факторами ограничений в правах на ресурсы, доступе и контроле. Из-за последствий изменения климата и выделения крупных земельных участков для культивации экспортных культур и культур для производства биотоплива такие ограничения становятся еще более ощутимыми. Женщины-фермеры играют центральную роль в производстве продуктов питания для своих семей и сохранении необходимой для этого окружающей среды, но зачастую вынуждены делать это в условиях все более жестких ограничений.

18. В главе V, посвященной вопросам народонаселения, устойчивого развития и гендерного равенства, приводятся свидетельства того, что господствующее положение — которое к тому же стало упрочиваться — занимают стратегические установки, в рамках которых ухудшение состояния окружающей среды и возникновение экологических угроз объясняются ростом населения. Эти установки отвлекают внимание и таким образом способствуют сохранению практики использования нерациональных моделей производства и потребления и существованию неравенства, которые на самом деле играют более существенную

роль в возникновении экологических проблем, чем большая численность населения. В этой главе рассматриваются угрозы, порождаемые недальновидными стратегиями в области народонаселения, согласно которым причиной и решением проблемы ухудшения состояния окружающей среды считается женская фертильность и которые могут реализовываться в порядке принуждения и наказания, без оказания при этом содействия и, по сути, зачастую препятствуют осуществлению прав женщин, обеспечению им достоинства и контролю над своим телом.

19. В каждой главе также показано, что существуют и альтернативные подходы к обеспечению устойчивого в экономическом, социальном и экологическом отношении развития. В их основе лежат альтернативные концепции и ценностные установки, в соответствии с которыми внимание уделяется не только извлечению прибыли и обеспечению роста, но и важной роли устойчивого развития, гендерного равенства, принципа всеобщей социальной интеграции и социальной справедливости. Как правило, они предполагают участие различных групп государственных и частных учреждений и организаций гражданского общества и требуют решительных действий со стороны государства. Как уполномоченные субъекты государства играют центральную роль в выполнении обязанностей по обеспечению гендерного равенства, разработке соответствующих стратегий, установлению стандартов и регулированию использования ресурсов, привлечению частных лиц к ответственности и — что особенно важно — оказанию государственных услуг и выделению средств на цели обеспечения социальной и экологической устойчивости. Ключевую роль в выдвижении предложений и требований относительно использования таких альтернативных подходов и в определении форм коллективных действий, которые позволяют их осуществлять, играют социальные движения.

20. Таким образом, в том, что касается оплачиваемого труда и общественных благ (см. главу III), особый акцент делается на новые частно-государственные альянсы, которые требуют перехода к «зеленой» экономике и экологизации и содействуют им. При этом появляются способы обеспечить финансирование, применение технологий и привлечение инвестиций в таких областях, как использование низкоуглеродных и возобновляемых источников энергии, в целях создания моделей роста, учитывающих экологические ограничения. С учетом существующей практики и стратегических предложений в этой главе особое внимание уделяется экономическим, социальным и экологическим выгодам и преимуществам для обеспечения гендерного равенства в плане повышения заработной платы и улучшения условий труда для работников, занимающихся оказанием таких экологических услуг, как сбор и утилизация отходов, а также для лиц, предоставляющих индивидуальные услуги, связанные с уходом. Что касается питания, (см. главу IV), то в обзоре подчеркивается необходимость уделения особого внимания реализации права на питание. Это предполагает осуществление соответствующих стратегий и оказание государственной поддержки мелким фермерам, особенно женщинам, которая позволит им выращивать сельскохозяйственные культуры, не нанося урона окружающей среде, сохранить плодородие почвы и обеспечит им источники средств к существованию. Во многих подобных инициативах, оказавшихся успешными, используются знания местного населения о состоянии окружающей среды, почве и посевах, производственно-сбытовые кооперативы и такие средства поддержки, как выдача кредитов более бедным фермерам для обеспечения им доступа к

необходимым материалам. Государственные меры, например установление минимальной заработной платы и регулирование цен, а также международные переговоры по таким вопросам, как субсидирование экспорта и поддержание резервных запасов для смягчения воздействия колебаний цен, также способствуют обеспечению доступа к продовольствию и осуществлению прав на питание.

21. В главе, посвященной инвестициям для обеспечения устойчивого развития с учетом гендерных аспектов (см. главу VI), говорится о том, каким образом наиболее бедные женщины и девочки могут добиться реализации своих прав на получение продуктов и услуг, необходимых для удовлетворения основных повседневных потребностей в водоснабжении, санитарии, экологически чистых способах приготовления пищи и электроэнергии. Эти инвестиции в значительной степени способствуют как обеспечению экологической устойчивости, так и расширению возможностей людей, обеспечению их достоинства и здоровья. Принципиально важное значение для таких инициатив имеют не только государственные инвестиции, но и новаторские способы поиска надлежащих технологий и их адаптации к местным социальным и экологическим условиям. Знания местного населения и нестандартные подходы и деятельность организаций низового уровня в этой связи также играют принципиально важную роль. Задача состоит в том, чтобы на справедливой основе увеличить их объемы, не смещая при этом фокус внимания с вопросов гендерного равенства и устойчивости.

22. В каждой главе подчеркивается, что для многих из этих способов обеспечения устойчивого развития принципиально важное значение имеет поддержка со стороны женщин. Они часто оказываются в авангарде общественных движений, выступая против использования нерациональных моделей и требуя альтернативных решений. Их знания, новаторские подходы, деятельность и поддержка играют исключительно важную роль в поиске, выявлении и разработке более рациональных в экономическом, социальном и экологическом планах способов обеспечения экологического равновесия на местах, адаптации к изменению климата, производства продовольствия и обеспечения доступа к нему, а также оказания надлежащих услуг в области водоснабжения, санитарии и энергоснабжения на устойчивой основе. Чтобы эти способы были действительно рациональными и содействовали обеспечению гендерного равенства и расширению прав и возможностей женщин и девочек, чья жизнь и благополучие зависят от этого, необходимо привлекать к принятию решений и руководству этими процессами через общественные группы, женские организации и посредством других форм коллективных действий и взаимодействия.

23. В заключительной части обзора даются рекомендации в отношении конкретных стратегических мер по обеспечению устойчивого развития и гендерного равенства. Поскольку директивные органы работают в самых разнообразных контекстах, в обзоре не дается никаких предписаний, а определяются критерии для оценки того, будут ли стратегии, программы и действия, осуществляемые в интересах устойчивого развития, способствовать обеспечению гендерного равенства и соблюдению прав женщин, особенно прав маргинализированных групп, которые, как правило, больше всего страдают от экономической, социальной и экологической неустойчивости. В целом в *Мировом обзоре* выражается оптимистичный взгляд и надежда на то, что мир сможет создать более устойчивое в экономическом, социальном и экологическом отношении бу-

дущее, в котором женщины и девочки, мужчины и мальчики смогут пользоваться своими правами человека в полном объеме.

II. Гендерное равенство и устойчивое развитие

A. Введение

24. Настоятельная необходимость достижения гендерного равенства и обеспечения устойчивого развития однозначно признается в итоговом документе Конференции Организации Объединенных Наций по устойчивому развитию:

«Мы признаем значение гендерного равенства и расширения прав и возможностей женщин для обеспечения устойчивого развития и построения нашего общего будущего. Мы подтверждаем нашу приверженность обеспечению равных прав женщин и предоставлению им равного доступа и равных возможностей для участия в экономической, общественной и политической жизни и выдвижения на руководящие должности... Мы особо отмечаем, что женщины призваны играть жизненно важную роль в обеспечении устойчивого развития. Мы признаем ведущую роль женщин и преисполнены решимости способствовать достижению гендерного равенства и расширению прав и возможностей женщин и обеспечивать их полноценное и эффективное участие на всех уровнях в стратегиях, программах и процессах принятия решений, касающихся устойчивого развития» (резолюция 66/288 Генеральной Ассамблеи, приложение, пункты 31 и 45).

25. В *Мировом обзоре* определяется, что именно устойчивое развитие при одновременном обеспечении гендерного равенства может означать для «стратегий, программ и принятия решений на всех уровнях» в нынешних глобальных условиях. При этом в нем излагаются соображения относительно глобального контекста в XXI веке, в котором укоренившиеся проблемы нищеты и голода, рост неравенства, разрушение экосистем и изменение климата, являющиеся по большей части следствием использования доминирующих экономических моделей и парадигм, создают беспрецедентные препятствия для осуществления прав женщин и грозят нанести еще больший ущерб устойчивости их домохозяйств, общин и общества. Доминирующие модели развития не только привели к укоренению гендерного неравенства, но и оказались нерациональными в применении ко многим областям, затронутым в обзоре, включая экономический рост и занятость, народонаселение и репродукцию, питание и сельское хозяйство, а также водоснабжение, санитарию и энергоснабжение. Тем не менее в целом в обзоре выражается надежда на то, что благодаря интенсивным демократическим обсуждениям с участием государств, женщин и мужчин, организаций гражданского общества, частного сектора и международных учреждений могут быть созданы альтернативные модели развития, в рамках которых гендерное равенство и устойчивое развитие будут выступать в качестве взаимоукрепляющих компонентов.

26. Международные нормы и стандарты, касающиеся прав человека женщин и девочек и достижения гендерного равенства, обеспечивают прочную основу для содействия усилиям по укреплению жизненно важной роли женщин в обеспечении устойчивого развития. В соответствии со всеми основными международными документами в области прав человека дискриминация по при-

знаку пола запрещена. Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин⁵ обязывает государства-участники принимать все необходимые меры для обеспечения всестороннего развития женщин и улучшения их положения. Благодаря конвенциям Международной организации труда (МОТ) обеспечивается непрерывное расширение прав женщин на труд и их прав на рабочем месте, в том числе — благодаря недавно принятой конвенции — женщин, работающих в качестве домашней прислуги.

27. Благодаря ряду конференций Организации Объединенных Наций, проходивших в 1990-е годы, удалось добиться прогресса в принятии международных норм и соглашений, касающихся устойчивого развития и гендерного равенства, расширения прав и возможностей женщин и прав человека женщин и девочек.

28. Конференция Организации Объединенных Наций по окружающей среде и развитию, состоявшаяся в 1992 году, стала знаковым мероприятием, на котором был достигнут прогресс в отношении глобальной стратегической программы по устойчивому развитию. На этой конференции было объявлено о начале осуществления Повестки дня на XXI век, олицетворяющей приверженность курсу на устойчивое развитие, и трех глобальных природоохранных конвенций — Рамочной конвенции Организации Объединенных Наций об изменении климата⁶, Конвенции о биологическом разнообразии⁷ и Конвенции Организации Объединенных Наций по борьбе с опустыниванием в тех странах, которые испытывают серьезную засуху и/или опустынивание, особенно в Африке⁸. Принцип 20 Рио-де-Жанейрской декларации по окружающей среде и развитию гласит, что всестороннее участие женщин необходимо для достижения устойчивого развития. В Конвенции о биологическом разнообразии признается, что соблюдение прав женщин и обеспечение гендерного равенства не только играет жизненно важную роль в сохранении и устойчивом использовании биоразнообразия, но также может способствовать повышению отдачи от мероприятий, программ и ресурсов.

29. Всемирная конференция по правам человека, проходившая в 1993 году в Вене, в Венской декларации и Программе действий подтвердила, что «права человека женщин и девочек являются неотъемлемой, составной и неделимой частью всеобщих прав человека» (A/CONF.157/24 (Part I), глава III).

30. Программа действий Международной конференции по народонаселению и развитию⁹, принятая в 1994 году, ознаменовала собой начало нового периода, в котором признается взаимосвязь между народонаселением, правами человека и устойчивым развитием. В итоговом документе говорится о том, что достижение гендерного равенства и расширение прав и возможностей женщин являются глобальными приоритетами, а также подчеркивается, что обеспечение благополучия отдельных лиц должно быть основной задачей глобальной повестки дня в области народонаселения и устойчивого развития. В Программе действий выделяется ряд важнейших областей, в которых необходимо добиться гендер-

⁵ United Nations, *Treaty Series*, vol. 1249, No. 20378.

⁶ United Nations, *Treaty Series*, vol. 1771, No. 30822.

⁷ United Nations, *Treaty Series*, vol. 1760, No. 30619.

⁸ United Nations, *Treaty Series*, vol. 1954, No. 33480.

⁹ Доклад Международной конференции по народонаселению и развитию, Каир, 5–13 сентября 1994 года (издание Организации Объединенных Наций, в продаже под № R.95.XIII.18), глава I, резолюция 1, приложение.

ного равенства, включая обеспечение всеобщего доступа к услугам по планированию семьи и охране сексуального и репродуктивного здоровья и репродуктивных прав, обеспечение равного доступа к образованию для девочек и равное распределение обязанностей по уходу и по дому между женщинами и мужчинами.

31. Пекинская декларация и Платформа действий², принятые в 1995 году, стали исторически важной глобальной программой действий по обеспечению прав человека женщин, гендерного равенства и расширения прав и возможностей женщин. В Декларации говорится, что «улучшение положения женщин и обеспечение равноправия мужчин и женщин — это вопрос прав человека и одно из условий обеспечения социальной справедливости, и... это единственный способ построения устойчивого, справедливого и развитого общества». В Платформе действий к правительствам обращен призыв обеспечивать учет гендерных соображений и перспектив в стратегиях и программах устойчивого развития. Предстоящее проведение 20-летнего глобального обзора и оценки осуществления Пекинской платформы действий станет прекрасной возможностью для возобновления обязательств по активизации усилий.

32. В Римской декларации о всемирной продовольственной безопасности и Платформе действий Всемирной встречи на высшем уровне по проблемам продовольствия¹⁰, принятых в 1996 году, к правительствам обращен настоятельный призыв «обеспечить благоприятную политическую, социальную и экономическую среду с целью создать оптимальные условия для искоренения нищеты и установления прочного мира на основе полноценного и равного участия мужчин и женщин, что в наибольшей степени способствовало бы достижению устойчивой продовольственной безопасности для всех».

33. Декларация тысячелетия Организации Объединенных Наций, принятая в 2000 году, разработана на основе итоговых документов крупных саммитов и международных конференций 1990-х годов. В Декларации государства-члены подтвердили шесть основополагающих принципов, играющих крайне важную роль в международных отношениях, включая свободу, равенство, солидарность, терпимость, уважение к природе и общую ответственность, и призвали к принятию мер в ключевых областях, включая развитие и искоренение нищеты, обеспечение мира и безопасности, а также демократию и права человека. Правительства также подтвердили свою решимость способствовать равенству мужчин и женщин и расширению прав и возможностей женщин как эффективным средствам борьбы с нищетой, голодом и болезнями и стимулирования устойчивого развития (резолюция 55/2 Генеральной Ассамблеи).

34. В последнее время важная роль участия женщин в принятии решений, касающихся изменения климата, получила признание на глобальном уровне. Конференция Сторон Рамочной конвенции Организации Объединенных Наций об изменении климата на своей восемнадцатой сессии в 2012 году приняла решение содействовать достижению цели обеспечения гендерного баланса в составе органов и делегаций на сессиях Конференции Сторон и добавить вопрос о гендерных аспектах и изменении климата в качестве постоянного пункта в повестку дня Конференции (см. FCCC/CP/2012/8/ADD.3, решение 23/CP.18).

¹⁰ Доклад Всемирной встречи на высшем уровне по проблемам продовольствия, 13–17 ноября 1996 года (WFS 96/REP), часть первая, приложение.

35. В резолюциях, недавно принятых Генеральной Ассамблеей, вновь подтверждается центральная роль, которую гендерное равенство играет в устойчивом развитии. В своей резолюции 68/139 об улучшении положения женщин в сельских районах, принятой на ее шестьдесят восьмой сессии, Генеральная Ассамблея настоятельно призвала государства-члены обеспечивать учет гендерных аспектов при управлении природными ресурсами и участие и влияние женщин в сфере управления рациональным использованием природных ресурсов. В этой резолюции также содержится призыв к правительствам оказывать поддержку женщинам-мелким фермерам посредством расширения доступа к службам распространения знаний и финансовым службам, сельскохозяйственным вводимым ресурсам, очистке воды и орошению, рынку и инновационным технологиям. В резолюции 68/227 Генеральной Ассамблеи о женщинах в процессе развития, принятой на той же сессии, Ассамблея призвала правительства принимать меры по обеспечению равноправного доступа к полной и продуктивной занятости и к достойной работе.

36. Согласованные выводы Комиссии по положению женщин также способствовали продвижению вперед глобальной стратегии по обеспечению гендерного равенства и устойчивого развития. На своей пятьдесят восьмой сессии Комиссия настоятельно призвала правительства поощрять полноценное и равноправное участие женщин и мужчин в качестве инициаторов и бенефициаров устойчивого развития в интересах ориентированного на людей устойчивого развития (см. E/2014/27). Комиссия подчеркнула также необходимость надлежащей оценки, сокращения масштабов и перераспределения неоплачиваемого труда на основе первоочередного осуществления мер социальной защиты, оказания доступных и недорогих социальных услуг и развития инфраструктуры, включая доступ к экологически чистым, энергосберегающим и экономящим время технологиям.

В. Время проблем и возможностей

37. Становится все более очевидным, что доминирующие модели развития и роста являются нерациональными в экономическом, социальном и экологическом планах (ILO, 2012; A/CONF.216/PC/7). Их использование обусловило усиливающуюся нестабильность источников средств к существованию: 1,2 миллиарда человек живут в условиях крайней нищеты (United Nations, 2013a), в то время как многие другие не имеют доступа к основным услугам и механизмам социальной защиты. Текущие тенденции роста перекликаются с растущим неравенством с точки зрения распределения богатства, доходов и возможностей во всем мире, внутри стран и между странами (United Nations, 2013b; United Nations Development Programme (UNDP), 2013a). Хотя некоторые развивающиеся страны, в которых отмечается рост доходов, догоняют развитые страны, доходы в последних все еще значительно выше, чем в первых. Беднейшие 5 процентов населения в развитых странах с высоким уровнем дохода, как правило, богаче двух третей населения в развивающихся странах с низким уровнем дохода. Доход по-прежнему «зависит от гражданства и места проживания» (United Nations Research Institute for Social Development (UNRISD), 2012a). В этом контексте гендерное неравенство по-прежнему широко распространено в экономической, социальной и экологической областях.

38. Деятельность человека превратилась в ключевой фактор, оказывающий влияние на процессы, происходящие в земных системах, и в настоящее время проявляется в истощении и деградации природных ресурсов; утрате ключевых экосистем, мест обитания и биологического разнообразия; загрязнении земель, Мирового океана и атмосферы; и в изменении климата, сопровождающемся серьезными и непредсказуемыми природными явлениями, обусловленными приближением человечества к так называемым «планетарным границам» или выходом за их рамки (Intergovernmental Panel on Climate Change, 2013; Rockström and others, 2009). В последние годы подобные процессы стали причиной беспрецедентных экологических потрясений и перегрузок, проявляющихся в наводнениях, засухах, запустении городов и сел и лишении людей средств к существованию, при этом большое число людей и многие районы испытывают на себе воздействие сразу нескольких кризисов: продовольственного, экологического и финансового. Эти кризисы, вызванные неустойчивым развитием, потенциально влияют на всех и несут в себе серьезные риски для будущих поколений, как об этом говорилось в 1987 году в докладе Всемирной комиссии по вопросам окружающей среды и развития «Наше общее будущее» (A/42/427, приложение).

1. Модели неустойчивого развития и гендерного неравенства

39. Первопричины и следствия неустойчивого развития и гендерного неравенства тесно взаимосвязаны и коренятся в доминирующих экономических моделях (Fukuda-Parr, Heintz and Seguino, 2013). В частности, речь идет об экономической либерализации и концентрации производственной и финансовой деятельности, направленной на получение краткосрочных выгод; неограниченном материальном потреблении; беспрецедентных уровнях милитаризации; и приватизации общественных благ и услуг в ущерб государственному регулированию и перераспределению. Эти процессы во многих странах негативно отразились на способности людей проявлять заботу и понимание, иными словами, отдельные лица, семьи, общины и общества утратили способность самостоятельно удовлетворять свои потребности, заниматься самовоспитанием и воспитывать потомство и заботиться о себе и о будущих поколениях, что не позволяет им осуществлять свои права человека и рассчитывать на достойную жизнь (United Nations Entity for Gender Equality and the Empowerment of Women (UN-Women), 2014).

40. Финансовые кризисы и экономические спады, затронувшие многие страны и повлекшие за собой тяжелые последствия во всем мире, выявили риски и факторы уязвимости, заключенные в рыночных моделях, основанных на принципах либерализации и финансиализации. Эти риски и факторы уязвимости подрывают жизнеспособность рыночных моделей даже при благоприятных для их реализации условиях. Плоды экономического роста также распределяются неравно. На протяжении последних трех десятилетий экономическое неравенство увеличилось как между странами и регионами, так и внутри них. Одному проценту богатейших людей мира принадлежит примерно 40 процентов всех активов, тогда как бедная половина населения планеты владеет лишь 1 процентом общемировых активов (UNDP, 2013a). В странах с наиболее быстрыми темпами роста экономики в мире, в числе которых страны Азии, юга Африки и Латинской Америки, также отмечается быстрый рост неравенства. Неравенство уже само по себе создает угрозу для экономической устойчивости, провоциру-

ет беспорядки и конфликты и негативно сказывается на стабильности, равных возможностях и потребительском спросе, от которых зависит рост (Stiglitz, 2012).

41. Доминирующие экономические модели являются нерациональными не только в экономическом, но и в социальном и экологическом планах, усугубляя тем самым гендерное и другие виды неравенства и нанося ущерб экосистемам и биоразнообразию (ILO, 2012; A/CONF.216/PC/7). Ориентированные на экспорт модели роста во многих отраслях промышленности и сельского хозяйства способствовали повышению представленности женщин на рынке труда, о чем говорится в *Мировом обзоре* 1999 года (A/54/227)¹¹. Тем не менее в силу гендерной дискриминации и сегрегации на рынке труда, а также слабого регулирования этих рынков женщины вынуждены ограничиваться низкооплачиваемой работой, характеризующейся неудовлетворительными условиями труда и не предполагающей социальной защиты. Эти факторы закрепляют положение женщин в качестве второстепенных кормильцев семей (Chen and others, 2005).

42. Кроме того, рынки могут продолжать функционировать так же, как это происходит сейчас, благодаря использованию неоплачиваемого труда, связанного с уходом за детьми, больными и престарелыми и выполнением домашней работы, на которой держатся домохозяйства и целые общины (UNRISD, 2010). Экономический рост был бы невозможен без этого неоплачиваемого и зачастую незаметного труда. Следует также отметить, что доминирующие модели экономического роста основаны на подходе к эксплуатации природных ресурсов, предполагающем неограниченность их запасов. Экологические издержки производства, такие как загрязнение, выброс токсичных отходов и парниковых газов, экстернализируются. Иными словами, «факторы, приводящие к изменению климата, как и другие экологические проблемы, сопряжены с перекладыванием субъектами хозяйствования части своих издержек на чужие плечи: выбросы парниковых газов наносят ущерб другим сторонам, тогда как для самого субъекта, ответственного за эти выбросы, никаких негативных последствий не возникает» (Stern, 2006). Такие модели развития приносят прибыль, нанося ущерб окружающей среде в результате применения укоренившихся систем использования ископаемых видов топлива в промышленности, энергетике и на автомобильном транспорте, влекущего за собой выбросы парниковых газов и изменение климата, либо задействования промышленных методов ведения сельского хозяйства, которые приносят краткосрочные выгоды, но влекут за собой снижение плодородия почв и истощение водных ресурсов. Модели такого рода являются нерациональными, ибо ставят под угрозу будущее производство и потребление и угрожают целостности и устойчивости экосистем и биоразнообразия (Millennium Ecosystem Assessment, 2005).

43. Сокращение экосистемных услуг и производственных мощностей отрицательно сказывается на наличии средств к существованию и состоянии здоровья людей как в настоящее время, так и в том, что касается будущих поколений. В погоне за прибылью социальные и экологические издержки производства перекладываются на государство, частные домохозяйства и местное население или же на природную среду. Издержки и последствия социально-

¹¹ См. также *Мировой обзор по вопросу о роли женщин в развитии: глобализация, гендерная проблематика и труд* (издание Организации Объединенных Наций, в продаже под № R.99.IV.8).

экологических изменений находят свое проявление в различных формах гендерного неравенства. Стихийные бедствия, в том числе связанные с изменением климата, особенно сильно отражаются на положении малоимущих женщин (Neumaier and Plümper, 2007). Женщины зачастую несут основное бремя преодоления потрясений и стрессов от загрязнения воздуха в помещениях и городах, и это еще более отягощает выполняемые ими обязанности по уходу за другими. Земельные, лесные и водные ресурсы, бывшие когда-то общими, все чаще ограждаются, приватизируются или «захватываются» в коммерческих целях, в результате чего местное население и коренные народы, особенно женщины, чьи средства к существованию зависят от этих ресурсов, маргинализируются и вынужденно покидают места своего проживания (White and White, 2012; Levien, 2012; FAO, 2012). Вследствие этого под угрозой оказываются устойчивость средств к существованию, здоровье, права и достоинство — будь то в сельских или городских районах, скотоводческих, земледельческих и лесных общинах (Unmüßig, 2014).

2. Реагирование на проблемы

44. Растущее международное внимание и все более широкие международные дискуссии свидетельствуют о явной необходимости использования в экономике и в обществе более рациональных моделей независимо от того, для чего они предназначены — предотвращения кризисов и катастроф или обеспечения процветания за счет «зеленой» экономики. В целях регулирования выбросов парниковых газов углеродные выбросы стали измеряться в денежном выражении, а квоты на них продаваться на мировых рынках. В соответствии со схемами борьбы с потерей биоразнообразия, уничтожение биоразнообразия может быть компенсировано созданием аналогичных ареалов обитания в других местах. Платежи за экосистемные услуги позволяют общинам и отдельным лицам сохранять и защищать такие основные источники средств к существованию, как вода и леса. Посредством таких схем устанавливается цена на природный капитал, позволяя проводить экономические расчеты. Вместе с тем соответствующие операции и рынки на практике работают против интересов бедных слоев населения и коренных народов и препятствуют равному доступу к ресурсам и получению выгод от их использования мужчинами и женщинами, что обусловлено неравными возможностями и участием их в процессах принятия решений и переговорах (McAfee, 2012; UNRISD, 2012b) (см. вставку 1). Эти схемы также усиливают давление на природные ресурсы за счет захвата земель, водных ресурсов и лесов (Unmüßig, 2014; Fairhead, Leach and Scoones, 2012; Mehta, Veldwisch and Franco, 2012).

45. Знания женщин, их способности и коллективные действия играют исключительно важную роль в поиске, выявлении и разработке более рациональных в экономическом, социальном и экологическом планах способов обеспечения экологического равновесия на местах, адаптации к изменению климата, производства продовольствия и обеспечения доступа к нему, а также гарантии наличия услуг в области водоснабжения, санитарии и энергетики без ущерба для окружающей среды. В растущей степени признается центральная роль женщин в процессах принятия решений и политике, например их решающий голос в органах общинного лесного хозяйства приносит положительные результаты с точки зрения неистощительного лесопользования и гендерного равенства (Agarwal, 2010) (см. вставку I). Так, правительства и учреждения-доноры все

больше воспринимают женщин как важных участников усилий по адаптации общин к изменению климата; как мелких фермеров, являющихся основной движущей силой устойчивого производства продовольствия; а ограничивая их репродуктивные права, — как ключ к решению проблем в области народонаселения и экологии. Действительно, подходы, в соответствии с которыми женщины рассматриваются исключительно как «опора устойчивого развития», очевидны во многих областях — от сохранения биологического разнообразия, водных ресурсов и почв до создания услуг на социально и экологически устойчивой основе.

Вставка I

Неистощительное лесопользование и гендерное равенство

На примере лесов прекрасно демонстрируется взаимосвязь экономических, социальных и экологических процессов в формировании изменений. Растительный покров и его качество отражают динамичное взаимодействие экологии и возможностей получать средства к существованию. Одни и те же леса и деревья могут оцениваться разными людьми по-разному: в качестве древесины и продукции, собирательства источника создания тени и защиты экосистем или в качестве культурных ценностей.

В отношении лесов осуществлялись стратегии и мероприятия, оказывавшие различное воздействие на гендерное равенство. Еще с колониальных времен сменяющие друг друга государственные, донорские и неправительственные программы были посвящены различным целям — от устойчивых поставок древесины и недревесной продукции леса до защиты водосборных бассейнов и биоразнообразия. Последняя серия мероприятий направлена на смягчение последствий изменения климата. Цель заключается в управлении лесным хозяйством в целях защиты и повышения поглощения углерода лесными массивами в качестве средства компенсации выбросов, производимых в промышленно развитых странах. Появившиеся в большом количестве схемы, по-разному связанные с Программой сотрудничества Организации Объединенных Наций по сокращению выбросов, обусловленных обезлесением и деградацией лесов в развивающихся странах (процесс СВОД), Механизмом чистого развития, Проверенным углеродным стандартом или неаккредитованными частными договоренностями, — все рассматривают леса как средства поглощения углерода, услуги которых можно продавать в странах с формирующейся рыночной экономикой. Эти лесные, действующие на местах, углеродные проекты направлены на удовлетворение потребностей, касающихся глобального устойчивого развития, однако при этом зачастую они исключают местных лесопользователей и лишают их средств к существованию, отказывая им в праве владения (Corbera and Brown, 2008; Corbera and Schroeder, 2010). В результате нередко эти схемы лишь усугубляют неравенство и несправедливость по отношению к местным жителям по сравнению с внешними структурами и глобальными субъектами. Согласно данным проведенного недавно исследования по проекту СВОД-плюс*, женщины не являются «ключевыми заинтересованными сторонами или бене-

фициарами СВОД-плюс вследствие их незаметной роли в секторе лесного хозяйства, в котором, как считается, задействованы в основном мужчины» (Women Organizing for Change in Agriculture and Natural Resource Management and others, 2013).

Альтернативные проекты были посвящены вопросам совместного и общинного управления лесным хозяйством. Такие подходы способны поощрять и поддерживать права и возможности местного населения, в том числе женщин. Тем не менее результаты общинного управления лесным хозяйством, касающиеся гендерного равенства, существенно различаются. Во многих случаях гендерные интересы и ценности в области лесопользования были подчинены общей концепции «общины», действующей посредством институтов, в которых доминируют мужчины и общинные лидеры. Вместе с тем, как свидетельствует деятельность по проектам в Непале и в Гуджарате, Индия, гендерное равенство в процессах совместного управления лесным хозяйством обуславливает положительные результаты в отношении экологии лесов и равенства между мужчинами и женщинами (Agarwal, 2010). Гендерное неравенство (если только оно не сокращается за счет конкретных мер) часто ассоциируется с недостаточным сотрудничеством в рамках комитетов лесного хозяйства или отсутствием такого сотрудничества. В случаях, когда женщины являются полноправными участниками процесса, имеют влияние и полномочия в структуре комитетов, их равный доступ к ресурсам обеспечивается за счет более справедливого распределения выгод и повышения уровня неистощительности лесопользования.

* Программа по сокращению выбросов, обусловленных обезлесением и деградацией лесов (СВОД), является инициативой, направленной на создание стоимостного эквивалента содержания углерода в лесах и стимулирующей развивающиеся страны сокращать выбросы углерода за счет лесных районов и инвестировать в низкоуглеродные программы устойчивого развития. Программа СВОД-плюс выходит за рамки борьбы с обезлесением и деградацией лесов и включает меры по сохранению лесных ресурсов и устойчивому управлению ими, а также совершенствованию системы торговли углеродными акциями. См. www.un-redd.org (доступ 29 июня 2014 года)

46. Однако отношение к женщинам как к опоре устойчивого развития может таить в себе опасность. Такие подходы основаны на предположении о том, что времени у женщин «бесконечно много» (Elson, 1996) и что они обладают неограниченными ресурсами, которые можно использовать для ухода за людьми и природой без должного учета состояния здоровья и благополучия самих женщин и конкурирующего спроса на их время. В стратегиях, основанных на стереотипных представлениях о женщинах, ухаживающих за семьей, обществом и окружающей средой, женщины рассматриваются как некая однородная категория. Эти стратегии не учитывают важной взаимосвязи с другими видами неравенства, которые определяют интересы, знания, ценности, возможности и потенциал женщин. Отсутствие равноправия в отношениях между мужчинами и женщинами с точки зрения осуществления прав, доступа к ресурсам и контроля над ними или участия в процессах принятия решений, позволяет определить, гарантируют ли занятия и работа женщин получение выгод, т.е. расшире-

ние их прав и возможностей, достоинство и физическую неприкосновенность. Таким образом, участие женщин в политических мероприятиях, официально направленных на достижение устойчивого развития, автоматически не означает расширения гендерного равенства; напротив, усиление рабочей нагрузки женщин в интересах местной общины и окружающей среды может закрепить и усугубить гендерное неравенство.

47. Несмотря на некоторые недостатки методов реагирования политических субъектов на проблемы устойчивого развития, все же наше время — это время возможностей. Имеется множество примеров того, как в различных странах мира используются альтернативные пути обеспечения устойчивого развития и гендерного равенства. Некоторые из них основываются на примерах повседневной практики обеспечения доступа женщин и мужчин к лесным, земельным и водным ресурсам и городским ландшафтам, пользования ими, контроля над ними и управления ими, позволяющей им обеспечивать себя средствами к существованию и повышать свое благосостояние.

48. Женщины играют и могут играть центральную роль в подходах к обеспечению устойчивого развития и экологизации. Вместе с тем, что крайне важно, это не должно означать, что к неоплачиваемому труду женщин должны добавиться обязанности по сохранению окружающей среды. Это означает признание и уважение их знаний, прав, возможностей и физической неприкосновенности и обеспечение того, что их роль гарантирует им права, контроль над ресурсами и полномочия на принятие решений. Гендерное равенство и устойчивое развитие могут существенно подкреплять друг друга, а разработка соответствующих подходов и конкретных областей для принятия стратегических мер является одной из главных задач *Мирового обзора*.

С. Устойчивое развитие в условиях гендерного равенства: определения и понятия

49. Для целей настоящего обзора понимание устойчивого развития соответствует определению, которое было предложено в 1987 году в знаковом докладе Всемирной комиссии по вопросам окружающей среды и развития и в соответствии с которым устойчивое развитие является развитием, которое «удовлетворяет потребности настоящего времени, но которое не ставит под угрозу способность будущих поколений удовлетворять свои собственные потребности» (A/42/427, приложение), и которое предусматривает комплексный учет трех (экономического, социального и экологического) компонентов устойчивости. Это широкое определение составляет основу «Мирового обзора», причем ряд его важных аспектов имеют существенное значение для текущего обсуждения рамочной программы развития на период после 2015 года. Особое внимание в «Обзоре» вновь обращается на нормативные ценности, которые служат отправной точкой для анализа политики с учетом прав и возможностей человека, как об этом говорится ниже, и в нем подчеркивается, что вопросы равенства и справедливости важны как для нынешнего поколения, так и для будущих поколений. Центральное значение для обоих этих аспектов имеет гендерное равенство.

50. Таким образом, устойчивое развитие — это экономическое, социальное и экологическое развитие, которое позволяет обеспечить благополучие и досто-

инство человека, экологическую целостность, гендерное равенство и социальную справедливость как сегодня, так и в будущем.

51. Для целей настоящего обзора в качестве определения гендерного равенства взято определение, разработанное Комитетом по ликвидации дискриминации в отношении женщин, который разъяснил, что «... чисто формального правового или программного подхода недостаточно для обеспечения фактического равенства между женщинами и мужчинами, которое Комитет рассматривает в качестве основополагающего равенства. Кроме того, в соответствии с положениями Конвенции женщинам необходимо обеспечивать равные стартовые возможности и расширять их права и возможности путем создания благоприятных условий для достижения равных результатов» (см. A/59/38, часть первая, приложение I, общая рекомендация № 25). В связи с этим основополагающее или фактическое равенство означает равное осуществление женщинами их прав, особенно в том, что касается результатов и итогов. Для достижения этой цели государства должны не только ликвидировать все формы дискриминации в отношении женщин, включая структурную и историческую дискриминацию, с опорой на формальное или правовое равенство, но и обеспечить осуществление прав женщин.

52. Такое понятие основополагающего гендерного равенства весьма созвучно концепции возможностей, в которой внимание обращается на основополагающие свободы, позволяющие людям «жить той жизнью, которую они ценят и имеют основания ценить» (Sen, 1999). Механизмы, ориентированные на обеспечение прав человека и возможностей человека, объединяет общая ценность, а именно свобода и достоинство человека, и эти механизмы резко контрастируют с доминирующими экономическими подходами, в рамках которых главной целью является увеличение объема валового внутреннего продукта (ВВП) (Vizard, Fukuda-Parr and Elson, 2011). Отсутствие элементарных возможностей, которое может привести к преждевременной смертности, значительным масштабам недоедания и широкому распространению неграмотности (Sen, 1999, p. 20), продолжает омрачать жизнь миллионов людей во всем мире даже в странах с высокими темпами экономического роста. С таким отсутствием прав и возможностей также могут столкнуться женщины и девочки, являющиеся членами домашних хозяйств, которые на агрегатном уровне могут не считаться бедными или обездоленными, что подчеркивает необходимость всегда смотреть дальше средних и агрегатных показателей. Хотя устранение такого неравенства имеет чрезвычайно важное значение для обеспечения базового благополучия, в рамках механизма, ориентированного на обеспечение прав человека, как и в рамках правозащитного подхода внимание также обращается на существенную роль активного участия женщин в связи с тем, что оно ценно само по себе, и тем, что «ограничение активного участия женщин серьезно затрагивает жизнь всех людей — как мужчин, так и женщин, как детей, так и взрослых» (Sen 1999, 191). В рамках механизмов, ориентированных на обеспечение прав и возможностей человека, делается упор на потенциальную взаимосвязь активного участия женщин и положения в плане благополучия и на неделимость прав женщин.

53. Вопрос о справедливости в отношениях между различными поколениями, который является ключевым компонентом определения устойчивости в докладе Всемирной комиссии по вопросам окружающей среды и развития, остается важным и сегодня, особенно в посткризисной обстановке, когда перспективы

реализации прав на достойные и гарантированные источники средств к существованию для молодежи и будущих поколений представляются туманными (United Nations, 2013b). Вопрос о справедливости в отношениях между различными поколениями требует, чтобы действия нынешнего поколения не ставили под угрозу возможность будущих поколений жить полноценной жизнью. Как отмечают Ананд и Сен (2000 год), «тем не менее, было бы явно странно, если бы мы были глубоко обеспокоены обеспечением благополучия будущих — еще не рожденных — поколений, игнорируя при этом тяжелое положение малоимущих сегодня». Это замечание заставляет обратить внимание на существующее сегодня неравенство. Глубина и масштабы многочисленных проявлений неравенства, которое сегодня характерно для многих стран, причем как развивающихся, так и развитых, требуют действий. Неравенство наносит ущерб экономической активности и деятельности по сокращению масштабов нищеты, может вызвать экономические кризисы, приводит к социальному отчуждению и усугубляет политическую напряженность и конфликты. Первоочередное внимание необходимо уделить перераспределительным мерам, направленным на устранение неравенства и осуществление прав и возможностей человека, поскольку эти меры имеют центральное значение для устойчивого развития. Кроме того, крайне важными аспектами являются участие и роль маргинализированных групп населения в процессе принятия решений на различных уровнях (UNDP, 2013a).

D. Оглядываясь назад, двигаться вперед: извлечение уроков из действий по обеспечению гендерного равенства и устойчивого развития

54. С начала 1970-х годов участники социальных и экологических движений в Азии, Латинской Америке и Африке делали основной упор на негативные последствия экономического развития для жизненного уклада, прав и благополучия местного населения и коренных народов. В качестве примеров можно привести движения против строительства крупных плотин и вызванного таким строительством перемещения населения и против добычи природных ресурсов и связанного с этим уничтожения лесов (Doyle, 2005). Движение «Чипко» по борьбе с промышленными лесозаготовками в Гималаях в первую очередь преследовало цель защиты лесов и жизненного уклада. Впоследствии оно стало важным символом ненасильственного экологического протеста и значимости участия женщин. Аналогичную значимость приобрело кенийское движение «Зеленый пояс», которое было основано в 1977 году Вангари Маатаи и целью которого было поощрять сельских женщин к совместной посадке деревьев для сохранения как привычного жизненного уклада, так и лесов.

55. В развитых странах в число основных задач движений входили борьба с загрязнением, истощением ресурсов, утратой среды обитания, милитаризмом и развитием ядерной энергетики и содействие миру. Вместе с такими основными публикациями, как «Безмолвная весна» (Carson, 1962) и «Пределы роста: доклад для проекта Римского клуба по вопросу о затруднительном положении человечества» (Meadows and others, 1972), они подстегнули рост осознания обществом и политическими кругами экологических и социальных недостатков доминирующих моделей.

56. Конференция Организации Объединенных Наций по окружающей среде и развитию, состоявшаяся в 1992 году в Рио-де-Жанейро (Бразилия), стала знаковым событием, в ходе которого правительства, гражданское общество и общественные движения обсуждали различные подходы к устойчивому развитию. Инициатива «Повестка дня на XXI век на местном уровне» предусматривала формирование устойчивости по принципу «снизу вверх» путем осуществления инициатив местными органами власти, общественными группами, женщинами и мужчинами. Эта инициатива привела к осуществлению во всем мире огромного множества проектов и программ обеспечения устойчивого развития, которые реализовывались на уровне общин и совместно государством и местными органами власти и были, в частности, посвящены таким проблемам, как устойчивое сельское хозяйство и землепользование, водные ресурсы, рыболовство, леса, дикая природа и городская среда. Эти инициативы стали проявлением важного факта признания прав на местные ресурсы и коллективных действий. Тем не менее многие из этих инициатив характеризовались чрезмерно однородным взглядом на «общину», в котором не учитывались точки зрения и приоритеты, дифференцированные по социальным и гендерным признакам (Dressler and others, 2010; Leach, Mearns and Scoones, 1999), или предусматривали чисто символическое вовлечение женщин в работу комитетов по вопросам управления проектами. Во многих инициативах по обеспечению устойчивого развития, реализуемых на уровне общин, и сегодня по-прежнему недостаточно внимания уделяется гендерному неравенству и другим проявлениям неравенства (Harcourt, 2012).

57. В ходе подготовки к Конференции Организации Объединенных Наций по окружающей среде и развитию широкая коалиция неправительственных организаций и общественных движений, в том числе Организация женщин по окружающей среде и развитию, организация «Альтернативные пути развития в интересах женщин во имя новой эры» и другие, выступала за учет гендерных аспектов в ходе начинающегося обсуждения проблем устойчивого развития. Вместе с другими группами организация «Альтернативные пути развития в интересах женщин во имя новой эры» призвала преобразовать модели развития, основанные на росте, в модели развития, построенные на учете гендерных аспектов (Wiltshire, 1992). Программа действий женщин на XXI век, которая представляет собой объединение различных групп, подвергла критике существующие пути развития и идеи свободного рынка, поддержав концепцию долгосрочного сохранения традиционного жизненного уклада и подчеркнув необходимость увязки повседневной практики ухода со справедливым использованием ресурсов (Wichterich, 2012). Однако многие варианты, выдвинутые женскими группами и сетями в рамках глобального женского лобби на Конференции, были отодвинуты на задний план широко распространенным оптимизмом по поводу экономической эффективности, технологий и рынков.

58. В Повестке дня на XXI век и в ходе обсуждений, ведущихся с 1992 года, признавалось, что женщины являются важными участницами деятельности по охране окружающей среды и сокращению масштабов нищеты, но подход к женщинам, как правило, носил утилитарный характер. Считалось, что пользуются природными ресурсами, эффективно управляют окружающей средой и сохраняют ее на местном уровне в основном женщины (см. например, Dankelman and Davidson, 1988; Rodda, 1991). Это легло в основу мнения о том, что женщин следует использовать как спасителей устойчивости, что было ос-

новано на предположении о том, что женщины особенно близки к природе. Связь женщин и окружающей среды, особенно в том, что касается обязанностей по дому и таких видов повседневной жизнедеятельности, как сбор дров, воды и возделывание продовольственных культур, зачастую рассматривалось как нечто естественное и универсальное, а не как продукт конкретных социальных и культурных норм и ожиданий. Впоследствии в проектах и стратегиях труд, навыки и знания женщин зачастую использовались в качестве средства, что усугубляло проблему неоплачиваемого труда женщин и не обеспечивало учет их прав, мнений и возможностей в плане контроля над результатами проектов.

59. Для целей разработки политики из этого опыта был извлечен ряд полезных уроков. Во-первых, директивным органам следует избегать широких и стереотипных представлений о связи женщин и мужчин с окружающей средой. В политике скорее должен учитываться конкретный социальный контекст и гендерное соотношение сил. Например, активное участие женщин в сборе продуктов питания из диких растений и животных и других видов лесной продукции может быть проявлением трудовых отношений, форм землевладения и отсутствия у женщин доступа к доходам для закупки продовольствия, а вовсе не отражением их близости к природе (Rocheleau, 1988; Agarwal, 1992). Во-вторых, в политике должны учитываться различия в отношении того, как различные группы женщин и мужчин используют земельные, лесные, водные и другие ресурсы. В-третьих, в политике должно уделяться особое внимание правам женщин на владение и собственность, и контролю над трудом, ресурсами, продукцией и решениями в домашних хозяйствах и общинах. Наконец, политика должна обеспечивать эффективное участие женщин в проектах по обеспечению устойчивого развития и получение ими равных выгод от этих проектов и предусматривать активное устранение укоренившихся дискриминационных стереотипов и проявлений неравенства.

Конференция Организации Объединенных Наций по устойчивому развитию: обсуждение трех важных аспектов политики

60. В ходе подготовки к Конференции Организации Объединенных Наций по устойчивому развитию, которая состоялась в 2012 году, потенциальные пути обеспечения устойчивого развития обсуждались в контексте изменения климата, продовольственного и финансового кризисов. В этой связи в целях обеспечения устойчивого развития многие политики и представители деловых кругов признали наличие несомненной связи между экономическим ростом и экологическими проблемами с помощью таких понятий, как «зеленая» экономика. В то же время общественные движения высказали альтернативные мнения по таким вопросам, как изменение климата, приватизация водных ресурсов, генетически измененные организмы, биоразнообразии и захват земель, и поддержали направления действий, основанные на прочной связи между устойчивым развитием и вопросами социальной справедливости. В этом контексте основные участники продолжили обсуждение вопросов, касающихся изменения климата, планетарных границ и «зеленой» экономики (которые более подробно рассмотрены ниже), с особым упором на их гендерные аспекты.

61. С 1990-х годов изменение климата стало одной из основных проблем современного мира. Относительные успехи и неудачи рамочных договоренностей и переговоров, касающихся глобального изменения климата, трудности с осу-

шествием принципа общей, но дифференцированной ответственности при устранении долгосрочных угроз и бедственное положение и варианты выживания людей, которые должны приспосабливаться к климатическим потрясениям, вызвали активную реакцию общественности¹². Эта реакция привела к появлению новых и глобальных общественных и экологических движений и кампаний местного и общемирового масштаба. В Рамочной конвенции Организации Объединенных Наций об изменении климата вопросы гендерного равенства были учтены мало, и, несмотря на постоянное участие и неустанные усилия сторонников обеспечения гендерного равенства, последующая деятельность по учету гендерной проблематики при обсуждении изменения климата носила фрагментарный характер (UN-Women and Mary Robinson Foundation — Climate Justice, 2013).

62. В рамках мер реагирования на изменение климата, в которых учитываются гендерные вопросы, женщины, как правило, считаются жертвами последствий изменения климата или укрепляется стереотипное представление о роли женщин как прирожденных хранителей благополучия, обеспечивающих выживание своих общин или выбирающих варианты ведения хозяйства с низким уровнем выбросов углерода. Вместе с тем различия в том, что касается уязвимости женщин и мужчин перед изменением климата и их возможностей участвовать в смягчении последствий изменения климата и адаптации к ним, определяются отношениями между полами и классовой структурой, правами и проявлениями неравенства (Agarwal, 2002). В условиях укоренившейся дискриминации, когда возможности для активного участия женщин и принятия ими решений ограничены, официальное включение женщин в состав технических комитетов по низкоуглеродным технологиям может стать первым шагом, но участие женщин может быть эффективным и действенным только тогда, когда основополагающее гендерное соотношение сил будет преобразовано и когда специальные знания и потенциал женщин будут удостоены внимания и получат поддержку (Wong, 2009; Otselberger, 2011).

63. Значительная часть обсуждения гендерных вопросов и изменения климата была посвящена адаптации и местным факторам уязвимости. Лишь в последнее время в дискуссиях, касающихся широкомасштабного применения техники, рыночных инициатив и финансирования деятельности, связанной с климатом, гендерным аспектам стало уделяться меньше внимания (Schalatek, 2013; World Bank, 2011). Обязательства по обеспечению гендерного равенства, подобные тем, которые сформулированы в Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин, в национальных планах адаптации или планах развития по «низкоуглеродной» модели отражены недостаточно (Otselberger, 2011). Недостаточный учет таких обязательств отражает и, в свою

¹² «Государства сотрудничают в духе глобального партнерства в целях сохранения, защиты и восстановления здорового состояния и целостности экосистемы Земли. Вследствие своей различной роли в ухудшении состояния глобальной окружающей среды государства несут общую, но различную ответственность. Развитые страны признают ответственность, которую они несут в контексте международных усилий по обеспечению устойчивого развития с учетом стресса, который создают их общества для глобальной окружающей среды, и технологий и финансовых ресурсов, которыми они обладают». См. принцип 7, *Доклад Конференции Организации Объединенных Наций по окружающей среде и развитию, Рио-де-Жанейро, 3–14 июня 1992 года*, том I, *Резолюции, принятые на Конференции* (издание Организации Объединенных Наций, в продаже под № R.93.I.8 и исправление), резолюция 1, приложение I.

очередь, подкрепляет существующую в политике тенденцию к тому, чтобы уделять основное внимание упрощенным решениям, а не более структурным политическим и экономическим изменениям, необходимым для устранения климатической неустойчивости и гендерного неравенства.

64. Центральной темой второй проходящей в настоящее время дискуссии является понятие планетарных границ. На основе биофизических процессов, которые протекают на Земле и от которых зависит жизнь человека, были выделены девять планетарных границ (Rockström and others, 2009). В своей совокупности эти границы служат для сохранения планеты в рамках так называемого «безопасного пространства для жизни» человечества. Анализ, приведенный в авторитетных научных источниках, свидетельствует о том, что мир вступил в новую эпоху — так называемый антропоцен, когда деятельность человека стала движущей силой многих процессов, протекающих на Земле, в том числе процессов, касающихся климата, биогеохимических циклов, экосистем и биологического разнообразия. Утверждается, что уже в ближайшем будущем могут быть достигнуты потенциально катастрофические пороговые показатели, что придает неотложный характер и убедительность доводам о том, что механизмы роста и развития должны соответствовать способности биосферы выдерживать соответствующую нагрузку (Folke and others, 2011).

65. Хотя соответствующая наука еще продолжает развиваться, концепция планетарных границ приобрела важное значение в дискуссиях по вопросам политики. Вместе с тем эта концепция также подвергается критике. Так, некоторые участники дискуссий считают, что она направлена против роста и развития, в то время как другие полагают, что в рамках мышления, основанного на идее планетарных границ, предпочтение отдается всеобщим глобальным экологическим проблемам, а не различным местным проблемам, и обосновываются мероприятия, которые проводятся по принципу «сверху вниз» и направлены на защиту окружающей среды за счет людей и их средств к существованию. Новые прогнозы о предстоящей нехватке ресурсов и катастрофах, которые сделаны на основе некоторых толкований концепции планетарных границ, могут служить оправданием для политики, которая ограничивает права и свободы человека, подобно тому, как, согласно настоящему *Мировому обзору*, это имело место в отношении народонаселения. Как предложила Рэйворт (2012) в своей концепции «спасательного круга», взяв за основу круг планетарных границ и дополнив его внутренней «социальной основой», руководство процессом развития в рамках планетарных границ не должно ставить под угрозу развитие для всех, при котором уважаются права человека. Между этими слоями находится «безопасное и справедливое пространство для жизни» человечества, внутри которого и должны осуществляться стратегии обеспечения устойчивого развития (International Social Science Council, and United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization (UNESCO), 2013). Следует отметить, что Рэйворт выделила в качестве одного из компонентов этой социальной основы гендерное равенство, однако в ходе других дискуссий и разъяснений, основанных на концепции планетарных границ, по большому счету гендерная проблематика в расчет не принималась.

66. Наконец, правительства, деловые круги и неправительственные организации в настоящее время активно обсуждают «зеленую» экономику. Согласно Программе Организации Объединенных Наций по окружающей среде (ЮНЕП), которая в 2008 году приступила к осуществлению Инициативы «Зе-

ленная экономика», «зеленая» экономика — это такая экономика, которая способствует росту благополучия людей и укреплению социального равенства, значительно сокращая экологические риски и экологические дефициты; она характеризуется низким уровнем выбросов углерода, эффективным использованием ресурсов и социальной интеграцией (UNEP, 2011). В этом общем определении объединены задачи экономического, социального и экологического характера, которые в определенной степени сходны с задачами устойчивого развития. Вместе с тем на практике, как свидетельствует настоящий обзор, существует много вариантов толкования «зеленой» экономики. В доминирующих вариантах предусматривается непрерывный и даже более активный рыночный экономический рост, основанный на осуществляемых «зелеными» предприятиями инвестициях и инновациях, которые повышают эффективность использования энергии и ресурсов и предотвращают утрату экосистемных услуг. Утверждается, что к 2020 году ежегодный объем формирующейся экономики, базирующейся на «зеленых» технологиях, составит 4,2 трлн. долл. США¹³. В других вариантах основное внимание уделяется рыночным подходам к защите окружающей среды посредством финансовой оценки природного капитала, платы за экосистемные услуги и реализации схем торговли квотами на выбросы углерода и сохранение биоразнообразия.

67. Другие участники дискуссий утверждают, что экологические сдерживающие факторы требуют переосмысления подходов к росту и рыночным стратегиям. Согласно концепции разграничения, предложенной ЮНЕП и другими субъектами (Fischer-Kowalski and others, 2011), экономический рост следует отделять от увеличения потребления материальных ресурсов, таких как строительные материалы, ископаемое топливо и биомасса. Джексон (2011) высказывается за перенос акцента на процветание и благополучие при замедлении роста или его отсутствии, при этом ключевое значение имеют инвестиции в сферу услуг и ухода, а также в «зеленую» деятельность, связанную с неистощительным производством продовольствия и чистой энергией.

68. В общепринятых подходах к определению «зеленой» экономики и ее формированию недостаточно внимания уделяется ее различным последствиям для женщин и мужчин (Guerrero and Stock, 2012; Cela, Dankelman and Stern, 2013). Многие исследователи и активисты, занимающиеся гендерными вопросами, критикуют Конференцию Организации Объединенных Наций по устойчивому развитию за то, что на ней была упущена возможность избавиться от инерционной глобальной экономической модели, которая ведет к уничтожению окружающей среды, социальной эксплуатации и неравенству (Schalatek, 2013; Wichterich, 2012; Unmüßig, Sachs and Fatheuer, 2012). Они считают «зеленую» экономику рыночным подходом, который позволяет оправдать превращение ресурсов и общих благ в товары, что разрушает привычный жизненный уклад и лишает собственности местное население, особенно женщин-производителей продуктов питания. Вместо этого сторонники гендерного равенства призывают к «зеленому» развитию, основанному на уважении общего достоинства и традиционного жизненного уклада (Agarwal, 2012), и к признанию ценности ухода при обсуждении проблематики «зеленой» экономики (Vaughan, 2007; Mellor, 2009).

¹³ См., например, <http://nupge.ca/content/%5Bnid%5D/economy-or-environment-its-false-choice>.

Е. На пути к устойчивому развитию и гендерному равенству: последствия для действий в области политики

69. Достижение устойчивого развития и гендерного равенства потенциально сопряжено с компромиссами, которые должны быть открыто обсуждены различными социальными группами (UNDP, 2011). В ходе таких переговоров необходимо обеспечить полный учет социальных аспектов устойчивого развития, о которых слишком часто забывают, а государства и другие влиятельные стороны должны нести ответственность за обеспечение устойчивого развития.

1. Выдвижение социальной устойчивости на передний план

70. Достижение устойчивого развития означает не только увязку экономической и экологической устойчивости, но и акцентирование внимания на социальной устойчивости. Для реализации прав человека женщин, их возможностей и обеспечения их благополучия в настоящее время и в будущем необходимо уделять особое внимание деятельности по предоставлению услуг по уходу, т.е. обеспечению ухода в рамках семьи и/или домашних хозяйств, рынка, некоммерческого сектора и государственного сектора и/или государства, особенно в том, что касается частного нерыночного сектора или неоплачиваемой работы по уходу. Способы организации в обществе работы по уходу имеют решающее значение для социальной устойчивости общества. Директивные органы редко рассматривают вопрос о подготовке людских ресурсов в экономическом контексте, помимо формального образования, роль которого в формировании человеческого капитала широко признана, хотя экономический рост невозможен без этого неоплачиваемого и зачастую невидимого труда (Folbre, 1994; UNRISD, 2010). Во всех обществах женщины, как правило, тратят больше времени на эти нерыночные виды деятельности, чем мужчины, особенно в условиях экологического стресса и отсутствия хорошо развитой инфраструктуры. Таким образом, гендерное разделение труда между оплачиваемым трудом и неоплачиваемым трудом является важным структурным источником гендерного неравенства.

71. Тот факт, что основная часть неоплачиваемой работы по уходу осуществляется женщинами и девочками, имеет существенные последствия для их возможностей в плане реализации их права на образование, оплачиваемую работу, достойный уровень жизни и участие в политической жизни (см. доклад Специального докладчика по вопросу о крайней нищете и правах человека, A/68/293). В этой и других областях гендерное неравенство и другие виды неравенства пересекаются, и именно возможности и права женщин и девочек из маргинализированных социальных групп наиболее часто не обеспечиваются и нуждаются в реализации. Нищета и социальная изоляция увеличивают объем и интенсивность неоплачиваемой работы по уходу, что обусловлено ограниченным доступом к государственным услугам, неразвитостью инфраструктуры и отсутствием средств для оплаты услуг по уходу и использования технологий, позволяющих экономить время. Кроме того, масштабы неоплачиваемой работы по уходу возрастают в случае экономического кризиса, кризиса в области здравоохранения, деградации окружающей среды, стихийных бедствий и при отсутствии надлежащей инфраструктуры и услуг. Справедливое и устойчивое общество — это такое общество, которое признает неоплачиваемую работу по уходу посредством ее включения в статистические данные и обеспечения реа-

лизации мер по ее облегчению с помощью соответствующих государственных инвестиций в инфраструктуру и социальные услуги и по ее перераспределению между женщинами и мужчинами в домашних хозяйствах, а также в более широком плане между домашними хозяйствами и обществом.

2. Противоречия и компромиссы

72. Важно признать, что между различными аспектами устойчивого развития и основополагающим гендерным равенством могут существовать противоречия и возможные компромиссы с точки зрения областей, в которые следует включить устойчивое развитие, и соображений относительно тех лиц, которые воспользуются преимуществами устойчивых подходов (UNDP, 2011). Например, нынешние модели экономического роста позволяют увеличить объем ВВП, но при этом в результате действия многочисленных факторов приводят к углублению неравенства. Хотя такие экономические модели вполне могут продолжать существовать в течение определенного времени и в разных регионах, несомненно увеличивая объем ВВП, тот факт, что они приводят к значительным экологическим и человеческим издержкам, означает, что они не являются устойчивыми и поэтому подрывают усилия по выполнению обязательств в области устойчивого развития.

73. В деле достижения устойчивости центральное значение имеет вопрос о том, какая устойчивость обеспечивается и кто получает связанные с этим выгоды. Вместе с тем соответствующие вопросы часто рассматриваются с технической и управленческой точки зрения в контексте получения необходимых технологий и установления правильных цен и норм, а не с точки зрения необходимой для изменения неустойчивых моделей более глубокой перестройки социальных, экономических и политических систем и дисбаланса сил. От того, как решаются эти вопросы, в значительной степени зависит то, какие социальные группы и местные, национальные и глобальные субъекты выиграют от этого, а какие — проиграют.

74. Для обеспечения учета аспектов, касающихся прав женщин и гендерного равенства, в стратегиях в области устойчивого развития необходимо найти баланс между многими стратегическими дилеммами. Например, строгое соблюдение требований сохранения поглотителей углерода для смягчения последствий глобального изменения климата может поставить под угрозу удовлетворение местных потребностей в средствах к существованию женщин и мужчин, проживающих вблизи лесов, и увеличить масштабы неоплачиваемой работы женщин по уходу. Стратегии в области производства биотоплива могут идти вразрез с местными потребностями в области продовольственной безопасности. Реализация стратегий уменьшения выбросов углерода в странах, которые являются членами Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), например, таких стратегий, которые приводят к росту цен для потребителей, может иметь негативные последствия для менее обеспеченных домашних хозяйств, особенно с учетом того, что они расходуют большую долю своих совокупных доходов на оплату услуг электроснабжения (Gough, 2011). Рыночные инструменты, направленные на обращение вспять или предотвращение ухудшения состояния окружающей среды и смягчение последствий изменения климата путем оценки природных факторов и установления цен на них, могут усугубить те самые проблемы, которые эти инструменты были призваны решить. Для уменьшения таких рисков на глобальном и национальном

уровнях необходимо разработать соответствующие основные принципы управления и нормотворчества и уделять надлежащее внимание местным знаниям и практике женщин и мужчин (Unmüßig, 2014; Fairhead, Leach and Scoones, 2012).

75. В этой связи защитники прав женщин призывают применять подходы, основанные на уважении общего достоинства и традиционного жизненного уклада местного населения, признании факта и ценности ухода, реорганизации структуры производства и потребления и создании условий для «зеленых» преобразований (Agarwal, 2010; Wichterich, 2012; Women's Major Group, 2013). Последние исследования по вопросу о моделях потребления в Европе свидетельствуют о том, что деятельность женщин в среднем оставляет меньший «углеродный след», чем деятельность мужчин, что обусловлено тем, что женщины чаще пользуются общественным транспортом, едят меньше мяса и испытывают больший дефицит энергоресурсов, что отчасти может быть связано с более низкими доходами женщин (European Institute for Gender Equality, 2012). Однако то же исследование также показывает, что женщины в большей степени, чем мужчины, реагируют на проблемы, касающиеся климата, здоровья и окружающей среды. Эти результаты вполне можно экстраполировать на глобальный уровень, в результате чего, например, можно будет расширить обеспеченность оптимальным и недорогим общественным транспортом и предоставить всеобщий доступ к современным энергоуслугам.

3. Подотчетность и новые общественные договоры

76. Для согласования стратегий достижения устойчивого развития с обеспечением гендерного равенства необходимо надежное демократическое пространство для обсуждения, высказывания местных точек зрения и функционирования механизмов подотчетности на различных уровнях. Чрезвычайно важны мнения женщин и их участие в различных форумах, поскольку это обеспечивает справедливость и равенство и поскольку активное участие женщин позволяет включить гендерную проблематику в повестку дня и вносит вклад в коллективные действия, которые более эффективны для выполнения задач по всем трем компонентам устойчивого развития (Agarwal, 2010). Вместе с тем создание условий для реального участия женщин не означает, что женщины несут исключительную ответственность за установление приоритетных задач по обеспечению гендерного равенства в стратегиях достижения устойчивого развития. Ответственность должны нести все лица, принимающие решения, будь то женщины или мужчины.

77. Переход к устойчивому развитию и гендерному равенству потребует принятия мер на многих уровнях самыми разнообразными субъектами и может быть осуществлен лишь на основе заключения демократических союзов между государством, директивными органами, донорами, частным и гражданским секторами и женщинами и мужчинами. Для обеспечения жизнеспособности таких союзов необходимы масштабность деятельности и организационные возможности государства. Стратегии устойчивого развития могут создаваться, разрабатываться и внедряться на экспериментальной основе неправительственными организациями, донорами и частными предприятиями, но лишь государство может осуществлять их в более широких масштабах, обеспечить к ним всеобщий доступ, в том числе малоимущих и маргинализированных слоев населения, и предоставить нормативные и институциональные возможности

для обеспечения устойчивости. Вместе с тем для обеспечения выполнения государством этих задач гражданское общество и общественные движения должны иметь форумы и механизмы для привлечения директивных органов к ответственности, что требует заключения новых общественных договоров между государством и соответствующим народом, в рамках которых государства выполняют свои обязательства в качестве носителя обязательств, а обладатели прав требуют осуществления своих прав человека и их осуществляют.

78. Непременным условием соблюдения таких общественных договоров является благоприятная международная обстановка. В последние десятилетия масштабность глобальной экономической интеграции увеличила влияние и воздействие ряда субъектов (например, многонациональных корпораций и международных финансовых учреждений) на осуществление прав человека во многих странах. Эти субъекты влияют на обеспечение соблюдения трудовых норм, развитие инфраструктуры, доступность государственных услуг, защиту природных ресурсов и доступ к информации, а все эти аспекты имеют серьезные последствия для прав человека женщин и девочек. В связи с этим глобальное управление должно обеспечить, чтобы действия этих субъектов соответствовали усилиям правительств по содействию осуществлению прав, укреплению потенциала и реализации инициатив, направленных на достижение устойчивого развития.

79. Государства должны использовать свои возможности и способность действовать таким образом, чтобы уважать принципы устойчивости и гендерного равенства, а не полагаться на рыночные силы. Для этого необходимы механизмы подотчетности, которые обеспечивают права человека, гендерное равенство и недискриминацию в таких областях, как труд и занятость, здоровье, в том числе репродуктивное здоровье, питание и владение земельными и природными ресурсами. Кроме того, правительства играют центральную роль в деле предоставления общественных благ и услуг, оказания поддержки в области здравоохранения, образования и ухода за детьми, престарелыми и больными, что имеет столь важное значение для возможностей людей, и обеспечении учета социальных аспектов в контексте устойчивого развития и работы по уходу. Кроме того, государственные инвестиции необходимы для формирования и широкого применения важнейших инноваций для предоставления учитывающих гендерные аспекты общественных благ, таких как современные энергоуслуги, услуги водоснабжения и надлежащие санитарные объекты.

80. Как свидетельствуют перспективы формирующейся «зеленой» экономики, у предприятий и частного сектора появляется все больше возможностей для содействия разработке решений в области устойчивого развития. Тем не менее по крайней мере на начальных этапах для обеспечения жизнеспособности этих решений им часто необходима поддержка государства. Кроме того, все больше фактов свидетельствуют о том, что часто наибольшей эффективностью обладают партнерские отношения и механизмы совместного производства, в рамках которых частный и государственный секторы и гражданское общество совместно оказывают медицинские, жилищные услуги или услуги в области энергоснабжения или используют лесные ресурсы, биоразнообразие или водные ресурсы. Для того, чтобы такие механизмы совместного производства эффективным образом способствовали обеспечению гендерного равенства и устойчивости, крайне важно, чтобы женщины играли центральную роль в планировании и осуществлении, и, таким образом, стратегии должны обеспечивать

возможность участия женщин. Помимо этого, для достижения целей устойчивого развития необходимы надлежащие финансовые ресурсы (Schalatek, 2013). Предложения по составлению бюджета на основе широкого участия с учетом гендерных факторов позволят принимать решения относительно распределения финансовых средств с учетом гендерных аспектов и обеспечивать подотчетность при отслеживании выполнения финансовых показателей, касающихся гендерной проблематики, и представления соответствующей отчетности.

81. Национальные стратегии все в большей степени зависят от международных режимов и механизмов, процессов глобализации и обмена стратегиями и знаниями между государствами. Международная нормативно-правовая база в области прав человека содержит важные стандарты для привлечения государств к ответственности. Однако для достижения устойчивого развития, центральным элементом которого является гендерное равенство, необходимо, чтобы в стратегических рамках права женщин учитывались в гораздо большей степени. Результаты глобальных усилий по интеграции гендерного равенства и устойчивого развития на сегодняшний день неоднозначны и варьируются от «отсутствия интеграции до номинальной интеграции» (Cela, Dankelman and Stern, 2013). В текущие международные процессы выработки политики необходимо в гораздо большем объеме включать вопросы гендерного равенства и участия женщин посредством создания союзов между организациями по защите прав женщин и заинтересованными государствами и союзов между женскими движениями и другими движениями, которые занимаются вопросами социальной справедливости, равенства и устойчивости.

82. Все больше данных и результатов анализа показывают, что для достижения устойчивого развития требуются управленческие механизмы и действия как на глобальном, так и на национальном и местном уровнях. Это свидетельствует о необходимости учета вопросов гендерного равенства и представленности интересов женщин учреждениями от местного до глобального уровней. Действия и давление общественных движений играют центральную роль в выявлении и изменении дискриминационной культуры, практики, предрассудков и стереотипов, которые часто существуют в учреждениях и организациях, которые разрабатывают политику.

83. Безусловно, одним из наиболее многообещающих явлений последних лет является увеличение числа движений, занимающихся вопросами гендерного равенства и устойчивого развития. Во многих странах и регионах трудящиеся, занятые в неформальном секторе экономики, производители и потребители объединяются, с тем чтобы поставить под вопрос правильность доминирующих моделей развития, выступить в защиту альтернативных моделей и показать, как эти модели работают на практике. Число подобных примеров быстро увеличивается. Одним из таких примеров является организация «Ла виа кампесина», которая была создана в 1990-х годах и превратилась в глобальное движение по защите прав мелких фермеров от давления крупных агропромышленных предприятий. Защищая концепцию ведения мелкого фермерского хозяйства, предусматривающую использование агроэкологических методов, работу на местных рынках и продовольственный суверенитет (Borras, 2004; McMichael, 2009), некоторые движения, хотя отнюдь не все из них, отстаивают права женщин в качестве мелких производителей продуктов питания. Национальная ассоциация женщин, проживающих в сельской местности, и женщин-представительниц коренных народов в Чили, в которую входят 10 000 человек,

сотрудничает с организацией «Ла виа кампесина» и создает институт агроэкологии для обучения женщин-мелких фермеров в Южной Америке¹⁴. В числе других примеров можно назвать движения, которые создаются по инициативе групп малоимущего городского населения во многих городах в Азии, Африке и Латинской Америке и направлены на увязку благополучия и прав на жилье и средства к существованию с разработкой достойного и устойчивого городского пространства (Satterthwaite, Mitlin and Patel, 2011). В случае международной организации «Жители трущоб» группы, сформированные на основе женских сберегательных и кредитных ассоциаций и кооперативов сборщиков мусора, объединились в сетевую единую глобальную структуру, которая в настоящее время работает в 33 странах, сочетая принятие мер на местном уровне с проведением кампаний, посвященных вопросам глобального характера. Появляется много других движений, которые занимаются вопросами, связанными с альтернативной и солидарной экономикой, продовольствием и землей, водой и энергией.

84. Как видно из таких примеров, коллективные действия, создание организаций и сотрудничество служат основой для поиска альтернативных путей достижения экономической, социальной и экологической устойчивости. Налаживание связей и создание союзов является тем средством, на основе которого при надлежащей поддержке со стороны государства можно начать широко использовать повседневную деятельность и знания проживающих в различных местах женщин и мужчин, касающиеся труда, промышленности, земли, продовольствия, воды, энергии и климата.

4. Критерии для разработки политики

85. С учетом разнообразия условий, в которых работают директивные органы, в *Мировом обзоре* не дается никаких предписаний, а определяются три критерия для оценки того, будут ли стратегии, программы и действия, принимаемые в интересах устойчивого развития, способствовать обеспечению гендерного равенства и соблюдению прав женщин, особенно прав маргинализованных групп, которые, как правило, больше всего страдают от экономической, социальной и экологической неустойчивости.

86. Первый критерий касается возможностей женщин и осуществления ими прав человека, особенно возможностей и прав беднейших и наиболее маргинализованных групп населения. Этот основной критерий заключается в том, что стратегии, программы и инвестиции, осуществляемые в интересах устойчивого развития, следует оценивать на предмет соответствия нормам в области прав человека и потенциала в плане расширения возможностей женщин и девочек. Путь развития не может считаться устойчивым, если он ведет к ограничению возможностей женщин и не позволяет им осуществлять свои права. Например, что касается демографической политики, то методы планирования семьи, которые ограничивают возможности женщин в плане репродуктивного выбора и/или подвергают опасности их здоровье из-за ненадлежащих методов контрацепции, не отвечают предлагаемым здесь минимальным критериям устойчивости.

¹⁴ Более подробную информацию см. на веб-сайте <http://viacampesina.org/en/index.php/main-issues-mainmenu-27/women-mainmenu-39/1549-chile-women-farmers-to-teach-the-region-agroecology> (по состоянию на 26 июня 2014 года).

87. Вторым критерий касается воздействия на неоплачиваемую работу по уходу, осуществляемую женщинами и девочками, особенно женщинами и девочками из малоимущих и маргинализированных домохозяйств и общин. Если стратегии и программы, направленные на повышение экологической устойчивости, в качестве побочного эффекта увеличивают масштабы неоплачиваемого труда женщин по уходу, то они не ведут к достижению устойчивого развития. Хотя существует явная и настоятельная необходимость в «деуглеродизации» мировой экономики, при проведении этого процесса следует уделять внимание жизненному укладу местного населения и гендерному равенству. Например, не является устойчивым жесткое регулирование вопросов лесопользования, которое подрывает возможности жизнеобеспечения местного населения и усугубляет проблему неоплачиваемой работы женщин по уходу. Напротив, безусловно, приветствуются инвестиции в адаптированные к местным условиям экологические технологии, которые облегчают доступ женщин к источникам воды путем повышения их доступности и качества при сокращении расстояния между источниками воды и жильем.

88. Третий критерий касается полного, равного и реального участия женщин в достижении устойчивого развития в качестве активных участников, лидеров и лиц, принимающих решения, в процессах, которые определяют их жизнь, а также будущее их домохозяйств, общин, стран и всего мира. Например, что касается продовольственной безопасности, то при принятии стратегических мер, направленных на обеспечение наличия достаточного количества продовольствия на национальном и местном уровнях и применение экологически устойчивых методов ведения сельского хозяйства с низким уровнем использования химических веществ, что является желаемыми целями с точки зрения экологической устойчивости, необходимо проводить консультации с мелкими фермерами, особенно женщинами, об их приоритетах и трудностях, а не исходить из того, что их интересы уже учтены в ранее сформулированных стратегических целях и подходах.

III. «Зеленая» экономика, гендерное равенство и уход

A. Введение

89. Траектории роста следует оценивать с точки зрения их способности обеспечивать устойчивое развитие. Для обеспечения устойчивого развития, в центре которого стояло бы гендерное равенство, любая стратегическая основа развития должна помимо поощрения роста обеспечивать достижение ряда целей: сокращение гендерного неравенства, а также неравенства на основе других факторов; создание достойных рабочих мест и обеспечение устойчивых источников средств к существованию для всех; интернализацию издержек, связанных с ухудшением состояния окружающей среды и изменением климата; и обеспечение благосостояния людей путем предоставления общественных благ и оказания поддержки «экономике ухода».

90. Таким образом данная глава будет посвящена вопросу роста и гендерного равенства с учетом в рамках этого анализа трех компонентов устойчивого развития. В ней оценивается, способствует ли доминирующая глобальная экономическая парадигма росту и развитию таким образом, чтобы обеспечить

устойчивые источники средств к существованию и достойную работу для женщин, и рассматриваются альтернативные модели «зеленой» экономики и их влияние на гендерное равенство, а также воздействие существующей модели развития на способность людей, относящихся как к одному, так и к разным поколениям, обеспечивать уход друг за другом. При этом круг вопросов, рассматриваемых в настоящей главе, не ограничивается проблемой возможной экологизации рабочих мест в знак признания того, что в свете экономического кризиса 2007–2008 годов для обеспечения экономической, социальной и экологической устойчивости необходимо будет осуществить более фундаментальные преобразования: потребуются изменить доминирующие модели производства и потребления. Поэтому в заключительной части этой главы говорится о необходимости создания новых производственных систем, которые будут способствовать обеспечению прав, гендерного равенства и экологической целостности путем предоставления социальной защиты и других общественных благ и направления инвестиций в «экономику ухода».

В. Более общий взгляд на развитие и проводимую политику

91. В последние два десятилетия наблюдается усиление неравенства доходов как внутри стран, так и между ними (UNDP, 2013a). Наиболее резкое усиление неравенства доходов происходит в тех развивающихся странах, которые добились наибольших успехов в реализации стратегий активного роста, что позволило им войти в сегмент стран с более высоким уровнем дохода (UNDP, 2013a). Одной из причин этого растущего неравенства является меняющийся характер рынков труда. Во многих странах на протяжении последних двух-трех десятилетий доля доходов, получаемых наемными работниками, снизилась по отношению к доле доходов лиц, живущих за счет прибыли и ренты (International Institute of Labour Studies, 2008; United Nations Conference on Trade and Development (UNCTAD), 2013a; Stockhammer, 2013). В то же время во многих регионах мира по-прежнему широко распространена неформальная занятость¹⁵. Женщины чаще, чем мужчины, работают на условиях неформальной занятости, причем даже в рамках неформального сектора мужчины, как правило, чаще получают заработную плату, в то время как женщины чаще работают на менее предсказуемых условиях неформальной самозанятости (Vanek and others, 2014).

92. Усиление неравенства доходов во многом спровоцировано процессами глобализации, а именно либерализацией торговли и финансов, что подрывает переговорные позиции рабочей силы, отличающейся пониженной мобильностью по сравнению с полностью мобильным капиталом. Однако определенную роль играет и выбор внутренней политики. Опыт ряда развивающихся стран, переломивших тенденцию к усилению неравенства в уровне доходов, многие из которых находятся в Латинской Америке, показывает, что возможно сокра-

---

¹⁵ Работа по найму, условия которой не регулируются или недостаточно регулируются официальными соглашениями, включая отсутствие защиты в случае невыплаты заработной платы, обязательная сверхурочная работа или дополнительные смены, увольнение без уведомления или компенсации, небезопасные условия труда и отсутствие социальных льгот, таких как пенсии, оплачиваемый отпуск по болезни и медицинское страхование.

тить неравенство в уровне доходов благодаря экономической и социальной политике и при этом остаться частью мировой экономики (UNDP, 2013a).

93. На глобальном уровне распределение доходов и богатства также остается весьма неравномерным. В 2010 году на долю стран с высоким уровнем дохода, в которых проживало лишь 16 процентов населения мира, приходилось около 55 процентов мирового дохода; на долю же стран с низким уровнем дохода приходилось, напротив, немногим более 1 процента мирового дохода, хотя в них проживает 72 процента населения мира. Средний показатель ВВП на душу населения на уровне 2014 долл. США в странах Африки к югу от Сахары резко контрастирует со средним уровнем ВВП на душу населения в 27 640 долл. США в Европейском союзе и 41 399 долл. США в странах Северной Америки (United Nations, 2013b).

94. Усиление неравенства не только негативно сказывается на правах человека и социальном положении, но и может иметь крайне неблагоприятные экономические, экологические и политические последствия (United Nations, 2013b). Например, высокий уровень неравенства внутри страны мешает обществу сокращать масштабы нищеты посредством экономического роста. Кроме того, высокий уровень неравенства, как внутри стран, так и между ними может в определенных ситуациях выступать в роли катализатора финансовых кризисов по причине недостаточного уровня потребления и формирования различных так называемых «пузырей», которые могут дестабилизировать экономику, как это произошло в 2008 году (Galbraith, 2012; Saith, 2011).

95. Помимо социальных и экономических проблем существуют риски, связанные с еще одним назревающим кризисом с глобальными последствиями, который, скорее всего, еще более усугубит существующее неравенство: изменением климата. Неимущее население мира особенно уязвимо для явлений, обусловленных изменением климата, включая повышение уровня моря, береговую эрозию, ураганы и опустынивание. Обездоленные домохозяйства и другие социально маргинализированные группы также входят в число тех, кто, вероятнее всего, столкнется с нехваткой питьевой воды, поскольку на доступ к источникам чистой воды все больше будут влиять такие факторы, как изменение характера осадков, таяние ледников и засухи. Хотя эти многочисленные кризисы вызваны разными причинами, все они имеют одну общую особенность: «в течение последних двух десятилетий значительные средства вкладывались в недвижимость, ископаемое топливо и структурированные финансовые активы со встроенными деривативами, а инвестиции в возобновляемые источники энергии, повышение энергоэффективности, общественный транспорт, устойчивое сельское хозяйство и земельные и водные ресурсы были сравнительно невелики» (UNEP, 2011).

1. Экономическая и социальная политика

96. Как наглядно продемонстрировали предыдущие выпуски «Мирового обзора» (см. A/54/227¹¹; A/64/93¹⁶), макроэкономическая политика может оказывать разное воздействие на положение женщин и мужчин. В настоящей главе

¹⁶ См. также *Мировой обзор о роли женщин в развитии: контроль женщин над экономическими ресурсами и доступ к финансовым ресурсам, в том числе по линии микрофинансирования* (издание Организации Объединенных Наций, в продаже под № R.09.IV.7).

рассматриваются источники гендерной дискриминации, причем особое внимание уделяется социальным и экологическим аспектам устойчивого развития, что придает этому анализу дополнительную ценность.

97. Отличительной чертой доминирующего в последние три десятилетия направления макроэкономической политики является ключевая триада экономической либерализации (как внутренних, так и международных рынков), макроэкономической стабильности и приватизации¹⁷. Под экономической либерализацией понимается либерализация внутренних рынков, в том числе товарных и рынков труда, а также либерализация международной торговли и инвестиций. Либерализация торговли ведет к уменьшению импортных ограничений и стимулированию экспорта как перспективной стратегии развития и источника создания рабочих мест (UNCTAD, 2010; 2013a). Что касается инвестиций, то либерализация стимулирует как прямые иностранные инвестиции, так и потоки краткосрочного капитала. Макроэкономическая стабильность многими понимается просто как стабильность цен (в отличие, например, от стабильности в сфере трудоустройства), обеспечиваемая путем проведения политики, иногда называемой «дефляционной», которая склонна ослаблять потенциал экономики в плане создания рабочих мест.

98. Что касается кредитно-денежной политики, то в настоящее время центральные банки, как правило, пытаются удержать инфляцию на как можно более низком уровне, устанавливая четкие границы допустимого уровня инфляции. Если низкий уровень инфляции является единственной целью, то ее достижение, скорее всего, приведет к повышению процентных ставок. В результате будет сохраняться более высокий уровень безработицы, чем могло бы быть в ином случае. При таком подходе к кредитно-денежной политике может возникнуть гендерная дискриминация. В ходе одного эмпирического анализа на основе данных 17 стран с низким и средним уровнями дохода была проведена оценка влияния 51 «интервенции по снижению темпов инфляции» на показатели в области занятости (Braunstein and Heintz, 2008). В ходе анализа рассматривалась фактическая динамика уровня занятости отдельно по мужчинам и женщинам в течение каждой интервенции по снижению темпов инфляции и проводилось сопоставление этой динамики с долгосрочными тенденциями в области занятости. Были сделаны два важных вывода: во-первых, периоды снижения темпов инфляции с высокой степенью вероятности оказываются связанными с повышением уровня безработицы как среди женщин, так и среди мужчин; во-вторых, в случае снижения уровня занятости доля женщин среди лиц, теряющих работу, в процентном отношении превышает долю мужчин. К тому же в довольно редких случаях, когда в периоды снижения темпов инфляции появляются новые рабочие места, трудоустройство женщин не идет быстрее трудоустройства мужчин. Эти результаты показывают, что кредитно-денежная политика, предусматривающая сокращение расходов в

¹⁷ Под макроэкономической политикой понимаются действия правительств и центральных банков, которые влияют на общеэкономическую ситуацию, воздействуя на совокупные доходы и расходы, инвестиции, кредиты, процентные ставки, валютные курсы и потоки капиталов. Макроэкономическая политика, как правило, подразделяется на бюджетно-финансовую политику (государственные расходы и налогообложение) и кредитно-денежную политику, влияющую на объем денежной массы в обращении и доступность кредитов. Другие виды политики, такие как торговая политика и политика в отношении финансовых рынков, также могут сказываться на состоянии всей экономики.

целях снижения инфляции, часто оказывает непропорционально сильное негативное воздействие на положение женщин в области занятости.

99. Доминирующая бюджетно-финансовая политика и реформы государственного сектора ограничивают выполняемые государством функции социального обеспечения, что негативно сказывается на социальной и экологической устойчивости. Основное внимание в рамках этой доминирующей политики уделяется сокращению дефицитного финансирования государственных расходов и минимизации налоговой нагрузки на частные предприятия. Особый упор на приватизацию подрывает действия правительства. Утверждается, что государственные расходы не только оказывают инфляционное давление, но и зачастую вытесняют частные инвестиции. При этом не учитывается, что государственные инвестиции могут мобилизовывать или стимулировать частные инвестиции, например в случаях, когда государство создает инфраструктуру, предоставляет возможности в области образования и профессиональной подготовки или выдает кредиты, что делает для частных инвестиций условия более привлекательными. Это особенно справедливо в отношении развивающихся стран, рынки которых имеют существенные недостатки. Рынки не обеспечивают предоставление общественных благ в объеме, соответствующем социально или экономически оптимальному уровню, поскольку социальная отдача от обеспечения этими благами выше, чем частная прибыль (Sen, 1999; United Nations, 2013b).

100. Бюджетные ограничения, которые не позволяют государствам предоставлять общественные блага в достаточном объеме, зачастую оказывают непропорционально сильное негативное воздействие на женщин (и детей) в малообеспеченных домашних хозяйствах, что отчасти объясняется их статусом в домохозяйстве, а отчасти — тем, что их работа столь тесно связана с «экономикой ухода» (Ortiz and Cummins, 2013). Подтверждением этого являются данные о результатах осуществления мер жесткой бюджетной экономии, принятых после 2010 года в целом ряде стран, пострадавших от мирового финансового кризиса 2008 года: сокращении жилищных льгот, детских/семейных пособий, пособий по старости и услуг по уходу, что непропорционально сильно сказывается на положении женщин (UN Women, 2014; World Bank, 2012). При этом также игнорируется тот факт, что государственный сектор традиционно является важным источником занятости, предоставляя женщинам относительно более качественные возможности трудоустройства с более высокой заработной платой и с выплатой пенсий и других социальных пособий (Lund, 2010). Данные МОТ подтверждают, что во многих странах значительную часть государственных служащих традиционно составляют женщины (часто их доля в государственном секторе выше, чем в общем числе занятых), и свидетельствуют о том, что в странах, по которым имеются данные, женщины составляют 35 процентов государственных служащих в развивающихся странах, 46 процентов в странах с переходной экономикой и 50 процентов в странах — членах ОЭСР (Hammoуа, 1999). Сокращение числа государственных служащих оказывает непропорционально сильное воздействие на возможности формального трудоустройства для женщин и, по всей вероятности, приведет к увеличению числа женщин, занятых в менее формальном секторе с непостоянной работой (Lee, 2005).

101. Переходя от социальной устойчивости к устойчивости экологической, следует отметить, что сокращение выполняемых государством функций соци-

ального обеспечения также ведет к возникновению и усилению уязвимости перед лицом изменения климата (Fieldman, 2011). Неадекватное обеспечение государством инфраструктуры, услуг и социальной защиты означает, что меры по адаптации к изменению климата или наращиванию потенциала противодействия ему, учитывающие соображения гендерного равенства и социальной справедливости, такие как инвестиции в противопаводковые сооружения или исследования с целью выведения засухоустойчивых семян, по-прежнему финансируются недостаточно. В силу этого способность государства регулировать, проводить и облагать налогами широкий ряд направлений политики, связанных с окружающей средой, для финансирования эффективной природоохранной деятельности имеет жизненно важное значение (UNDP, 2011).

102. В совокупности макрополитические послы (либерализация, приватизация и обеспечение макроэкономической стабильности) порождают дефляционную экономическую ситуацию, характеризующуюся сокращением возможностей по созданию рабочих мест, нехваткой бюджетных ресурсов и ограниченными возможностями для маневра в государственной политике, что отрицательно сказывается на обеспечении социальной и экологической устойчивости. В такой ситуации может показаться, что оптимальной — или даже единственной — возможностью создания рабочих мест и повышения уровня доходов является осуществление стратегии экономического роста за счет опережающего развития экспорта. Однако за последние лет десять в экономике проявились две новые тенденции, которые еще больше усложняют такое ориентированное вонне развитие. Во-первых, по мере того как все большее число стран переходит к производству продукции на экспорт, конкуренция между производителями в самых отдаленных уголках мира обостряется. Это, в свою очередь, оказывает все более сильное давление на уровень заработной платы и связанных с заработной платой пособий и льгот, в особенности в трудоемких секторах, таких как производство одежды, швейных изделий и электроники, где занято значительное число женщин (Seguino, 2000). В результате возникают сложности с достижением цели обеспечения достойной работой, необходимой для гарантирования социальной устойчивости. Перенос производственных процессов в развивающиеся страны также сопровождается перекладыванием издержек, загрязняющих производств в виде ухудшения состояния окружающей среды и здоровья населения на страны с менее жесткими природоохранными нормами (UNCTAD, 2013b). Вторая наметившаяся в последнее время тенденция — это обострение глобальных диспропорций, что создает угрозу экономической устойчивости модели, речь о которой пойдет далее в этой главе.

2. Неравенство и экономическая неустойчивость

103. Усиление неравенства доходов подрывает приемлемость доминирующей экономической модели, пусть даже и в ограниченных масштабах. В случае некоторых стран увеличение объемов потребления в условиях отсутствия роста доходов достигается за счет долгосрочного снижения уровня сбережений и аккумуляции частной задолженности, что приводит к образованию значительного дефицита по счетам текущих операций. В то же время страны, имеющие положительное сальдо по счетам текущих операций, использовали экспортные рынки в качестве одного из способов обеспечения устойчивой занятости в отсутствие достаточного совокупного внутреннего спроса (Blesker, 2012; UNCTAD, 2010). Результатом этих коллективных усилий стало недопотребле-

ние в одних регионах и чрезмерный уровень задолженности в других, финансирование которой обеспечивается отчасти за счет глобального перетока средств из стран с положительным сальдо по счету текущих операций в страны с отрицательным сальдо. Усилению этого процесса способствовали растущая финансиализация¹⁸ и переориентация с производства на финансовый сектор для целей извлечения прибыли (Cripps, Izurieta and Singh, 2011).

104. Такие условия производства и обмена являются экономически неустойчивыми и приводят к глобальным диспропорциям¹⁹, которые сыграли важную роль в ходе недавнего мирового экономического кризиса (Bernanke, 2011; UNCTAD, 2010). Глобальные диспропорции не стали причиной финансового кризиса 2007–2008 годов, однако они способствовали его распространению. Хотя конкретные проявления таких диспропорций на национальном уровне различались, все они способствовали формированию такой динамики, при которой рост заработной платы значительно отстает от роста производительности труда, что привело к усилению неравенства, как на глобальном Севере, так и на глобальном Юге (Bleckner, 2012). Эти диспропорции являются наглядным проявлением системного парадокса, когда главным фактором обеспечения роста и развития является экспорт в сочетании с отсутствием роста заработной платы.

105. В большинстве развитых стран, во многих из которых правительства осуществляют меры жесткой экономии в надежде уменьшить дефицит и восстановить доверие в экономике, по-прежнему наблюдаются низкие темпы роста и высокий уровень безработицы. Среди развивающихся стран больше всего от мирового кризиса пострадали страны с формирующейся рыночной экономикой, имевшие дефицит по счету текущих операций, которые не смогли справиться с резким сокращением притока капитала в результате кризиса (UNCTAD, 2010). Однако на страны с низким уровнем дохода, которые мало участвовали в операциях на глобальных рынках капитала, и страны, имевшие положительное сальдо по счету текущих операций и/или крупные золотовалютные резервы, финансовый кризис оказал менее продолжительное и менее сильное воздействие. Например, многие страны Азии и Латинской Америки проводили антициклическую денежно-кредитную и бюджетно-финансовую политику, задействовав внутренние источники спроса, чтобы противостоять сокращению объема мировой торговли (UNRISD, 2010). В реальности эти страны возглавили процесс оживления в мировой экономике, однако процесс возобновления роста, торговли и создания рабочих мест еще далек от своего завершения (World Bank, 2014). В настоящее время наблюдается массовый перенос центров производства и потребления в крупные страны с формирующейся рыночной экономикой, что, в свою очередь, идет на пользу странам с менее крупной экономикой, которые не могут развиваться за счет собственного внутреннего спроса, так как открывает для них новые экспортные рынки (Gereffi, 2014; UNCTAD, 2013a).

¹⁸ Явление финансиализации не ограничивается расширением финансовых рынков и соответствующей спекулятивной деятельностью, а включает распространение этих рынков на все более широкий круг видов деятельности и секторов, таких как пенсия, охрана здоровья, жилье и т.д. (Fine, 2012).

¹⁹ Под глобальными диспропорциями понимается наличие у ряда стран значительного дефицита или профицита по счетам текущих операций.

106. Однако одного лишь укрепления позиций стран с формирующейся рыночной экономикой явно недостаточно для начала новой эры роста на основе опережающего развития экспорта. Страны с формирующейся рыночной экономикой, бесспорно, способствуют увеличению глобального спроса, однако проблема заключается в масштабах и структуре. Проблема масштабов, например, заключается в том, что спрос со стороны стран со средним уровнем дохода должен очень сильно вырасти, прежде чем он сможет заменить спрос со стороны крупных развитых стран в качестве глобальной движущей силы роста потребления (Cripps, Izurieta and Singh, 2011). Проблема состоит в том, что переход от спроса со стороны промышленно развитых стран означает переход от спроса на промышленные товары к спросу на сырьевые материалы, энергоносители и продовольствие, причем последние также более востребованы в странах с формирующейся рыночной экономикой. Такое изменение структуры спроса в сторону сырья, энергоресурсов и продовольствия сказывается на мировых ценах на сырьевые товары (которые вырастут), а также на условиях торговли, в результате чего страны с трудоемким производством будут приобретать меньше импортных товаров (UNCTAD, 2010).

107. Восстановление темпов экономического роста и уровня занятости на основе «коричневой» экономики, характеризующейся низким уровнем энергоэффективности и использованием экологически неприемлемых источников энергии, чревато серьезными проблемами. Сразу же после кризиса началось осуществление пакетов мер экономического стимулирования, предусматривающих выделение средств на восстановление автомобильной промышленности вместо инвестиций в общественный транспорт и освоение возобновляемых источников энергии, что не могло не вызывать беспокойства. Вместо того чтобы использовать кризис как возможность для перевода экономики и общества на траекторию более устойчивого развития, такие инвестиции сопряжены с риском воспроизводства диспропорций и факторов уязвимости, ставших причиной многочисленных кризисов. Общество все больше осознает тот факт, что существующие модели потребления ведут к истощению важнейших природных ресурсов и создают неприемлемую нагрузку для экосистемы планеты. Настоятельно необходимо приступить к обсуждению, разработке и принятию стратегий для четкого определения ресурсных и экологических ограничений и их интеграции в экономические и социальные системы (Jackson, 2011).

С. Поиск альтернативных вариантов: «зеленая» экономика и гендерное равенство

108. Ввиду неприемлемости глобальных диспропорций и ограниченных перспектив возобновления роста на основе опережающего развития экспорта важно рассмотреть вопрос о том, как должно выглядеть восстановление сбалансированности. В «Докладе о торговле и развитии» за 2010 год ЮНКТАД в основном продвигает две идеи: во-первых, страны с высоким уровнем дохода, имеющие положительное сальдо по счетам текущих операций, должны избавиться от зависимости от экспорта и начать импортировать, осуществляя политику, направленную на стимулирование роста заработной платы и потребления; и, во-вторых, в рамках глобальной макроэкономической политики необходимо перейти на модель роста, основанную на опережающем повышении заработной платы и поддерживающую увеличение совокупного внутреннего спроса.

Для небольших стран или стран с низким уровнем дохода с недостаточно емким внутренним рынком в качестве дополнительной движущей силы роста и развития будет выступать расширение круга импортеров их экспортной продукции или торговли в рамках региональных блоков, поскольку старая модель глобального экспорта потеряла свою актуальность.

109. Неясно, поможет ли восстановление сбалансированности глобальной экономики по лекалам, предложенным ЮНКТАД (2010 год), путем увеличения внутреннего спроса улучшить перспективы женщин в сфере занятости. Некоторые работы дают основания полагать, что наращивание внутренних источников совокупного спроса позволяет добиться повышения заработной платы женщин и сокращения разницы в оплате труда мужчин и женщин без ущерба для экономического роста (Blecker and Seguino, 2002; Seguino and Grown, 2006). Более того в силу наличия связи между доходами женщин и расходами на основные нужды одним из опосредованных положительных результатов этого может стать наращивание внутреннего производства до уровня, когда спрос на импортные товары начнет падать (Benería and Roldán, 1987; Blumberg, 1991; Haddad, Hoddinott and Alderman, 1997). Однако в случае перехода от стратегий роста на основе опережающего развития экспорта к стратегиям, предусматривающим более значительную роль увеличения внутреннего спроса, не решает проблем, связанных с платежным балансом. Вполне возможно, что укрепление потенциала вследствие роста доходов женщин будет компенсировать потери инвалютных поступлений: такой вариант развития событий более вероятен в аграрных странах с низким уровнем дохода, чем в аграрно-индустриальных странах (Seguino, 2010).

110. Еще один важный вопрос заключается в том, является ли модель роста на основе опережающего увеличения спроса лучше с точки зрения поддержания экологической устойчивости. Ответ будет зависеть от того, какого рода спрос мы стимулируем: например, спрос, характеризующийся потреблением низкоуглеродных и не ведущих к ускорению процесса изменения климата товаров и услуг, значительно отличается от спроса, основанного на использовании ископаемых видов топлива и добычи природных ресурсов. Таким образом, вряд ли сам по себе переход к модели роста на основе опережающего увеличения спроса решит проблему экологических издержек, связанных с обеспечением поступательного роста, если только более высокая заработная плата и увеличившиеся доходы малообеспеченных групп, обусловленные переходом на такую модель роста, не будут тратиться на товары, которые в меньшей степени связаны с потреблением ископаемых видов топлива и добычей природных ресурсов, а государственные ассигнования и инвестиции не будут в большем объеме направляться на развитие энергоэффективных секторов и технологии. Именно в этой связи предложения в отношении «зеленой» экономики приобретают значимость.

1. «Зеленая» экономика

111. Экологические и социальные издержки, связанные с преобладающими моделями роста, заставили заняться поиском альтернативных моделей развития, не наносящих необратимого ущерба окружающей среде. Речь идет о программе экологизации экономики, где экологизация инвестиций и государственной политики как в развивающихся, так и в развитых странах нацелена на повышение уровня охраны окружающей среды при одновременном создании но-

вых рабочих мест и стимулировании экономического роста (ILO, 2012; UNCTAD, 2013a). Вместе с тем существуют различные варианты «зеленой» экономики.

112. Наиболее распространенные варианты «зеленой» экономики предусматривают непрерывный и даже более активный экономический рост под воздействием рыночных сил, основанный на осуществляемых «зелеными» предприятиями инвестициях и инновациях, которые повышают эффективность использования энергии и ресурсов и препятствуют утрате экосистемных услуг. В других вариантах основной упор делается на рыночных подходах к защите окружающей среды посредством финансовой оценки природного капитала (например, Natural Capital Committee, 2013), установления платы за экосистемные услуги и реализации схем торговли квотами и компенсациями, связанными с выбросами углерода и сохранением биоразнообразия. По мнению сторонников этих подходов, рынки не обеспечивают оценки природных ресурсов и экосистемных услуг, которые, в конечном итоге, являются такими же факторами производства, как капитал и труд. Это приводит к чрезмерной эксплуатации природного капитала по сравнению с тем, что является оптимальным с социальной или экономической точки зрения. В этой связи следует обратить внимание на то, что, когда под воздействием внешних издержек результаты действия рыночных механизмов становятся социально неэффективными, принимаются меры по регулированию рынка, такие как введение налога на выбросы углерода или принятия законов с целью передать местным общинам права в области лесопользования, призванных обеспечить формирование надлежащей цены на природные ресурсы и определение имущественных прав. При этом процессы роста, определяемые действием рыночных механизмов, приводятся в большее соответствие с экологическими ценностями (World Bank, 2012).

113. Эти рыночные подходы могут быть сопряжены с социальными проблемами, приводя к еще большему неравенству и несправедливости в отношении местных пользователей по сравнению со внешними и глобальными субъектами. Как говорится в докладе, опубликованном недавно Научно-исследовательским институтом социального развития при Организации Объединенных Наций (ЮНРИСД), установление платежей за экологические услуги, осуществление процессов, связанных с совместной программой Организации Объединенных Наций по сокращению выбросов, обусловленных обезлесением и деградацией лесов в развивающихся странах (СВОД), и стимулирование производства биотоплива зачастую предполагают принесение в жертву мелкомасштабного сельского хозяйства, биоразнообразия, продовольственной безопасности и источников средств к существованию. К тому же рыночные подходы зачастую больше отвечают интересам корпораций, что, в свою очередь, может ограничивать масштабы реформ в сфере политики и системы регулирования, благоприятствующих социальному и устойчивому развитию (UNRISD, 2012b). Таким образом такие рыночные подходы к «зеленой» экономике не учитывают в достаточной мере социальные аспекты устойчивого развития.

114. По мнению ЮНЕП, задача «зеленой» экономики состоит в том, чтобы покончить с крайней нищетой, повысить уровень благосостояния людей и повысить социальную справедливость при одновременном уменьшении зависимости от углеводородов и замедлении деградации экосистем, а также в дальнейшем обеспечении устойчивого и всеохватного роста (UNEP, 2009; 2011). Это

определение соответствует общему пониманию устойчивого развития и трех его компонентов: экономического, социального и экологического. Сторонники «зеленого кейнсианства», которое также называют «зелеными стимулами» или «новый глобальный зеленый курс», выступают за направление государственных ассигнований на развитие технологии и создание рабочих мест таким образом, чтобы повысить уровень охраны окружающей среды и эффективность, например путем модернизации энергетически неэффективных зданий и объектов инфраструктуры (например, UNEP, 2009). Подобные «зеленые» инвестиции активно обсуждались и продвигались в рамках антициклических макроэкономических стратегий, принятых в развитых и развивающихся странах после начала мирового кризиса 2008 года. Особое место в предложении ЮНЕП занимает принцип общей, но дифференцированной ответственности применительно к развитым странам, странам с формирующейся экономикой, странам с переходной экономикой и наименее развитым странам. «Таким образом справедливый и недискриминационный новый глобальный зеленый курс должен предусматривать предоставление развитыми странами другим странам, особенно наименее развитым, дополнительной поддержки в областях финансов, торговли, технологий и наращивания потенциала в интересах обеспечения как эффективности, так и справедливости» (UNEP, 2009). В большинстве этих предложений вопросу гендерного равенства практически не уделяется внимания.

115. Одной из альтернатив подходам «зеленой» экономики, о которых говорится выше, является деятельность лиц, связанных с движениями экологической справедливости, которые рассматривают сохранение окружающей среды как возможность для понимания и устранения многообразных форм неравенства. Например, сохранение биоразнообразия сельскохозяйственных культур дает производителям продуктов питания возможность бороться в будущем с новыми насекомыми-вредителями и болезнями, которые представляют угрозу для продовольственного обеспечения. Сегодня сохранением биоразнообразия сельскохозяйственных культур занимаются главным образом фермеры стран Юга, но никакой платы за эту чрезвычайно важную с социальной и природоохранной точки зрения работу они не получают (Bouse, 2011). Идея оплаты вклада фермеров стран Юга в обеспечение долгосрочной продовольственной безопасности должна представляться привлекательной поборникам «зеленой» экономики, но при этом ее реализация напрямую затрагивает вопросы развития и экологической устойчивости в интересах неимущих слоев населения и с учетом принципа экономической справедливости. При проведении такого анализа важно обеспечить четкий учет традиционно выполняемых женщинами работ в сельском хозяйстве (например, по отбору семян и их сохранению для поддержания биоразнообразия сельскохозяйственных культур). К тому же устойчивая экологизация сельского хозяйства в интересах неимущих слоев населения существенно осложняется гендерным неравенством в правах на землю и доступе к ресурсам, а также в распределении бремени неоплачиваемой работы по уходу (Herren and others, 2012).

2. Женщины и «зеленые» рабочие места

116. Программа «зеленого» роста предусматривает, в частности, создание большего числа «зеленых» рабочих мест, которые оцениваются в первую очередь с точки зрения их воздействия на окружающую среду, но при этом долж-

ны соответствовать разработанному МОТ определению достойной работе (International Labour Foundation for sustainable development, 2009; ILO, 2012; UNEP and others, 2008)²⁰. Что касается промышленности, где, по оценкам, будет сосредоточено 80 процентов «зеленых» рабочих мест, то на небольшое число отраслей обрабатывающей промышленности приходится значительная доля ресурсо- и энергопотребления, а также выбросов парниковых газов и других загрязняющих веществ (International Labour Foundation for sustainable development, 2009). К ним относятся энергетика, строительство, транспорт, а среди отраслей тяжелой промышленности — алюминиевая промышленность и черная металлургия (ILO, 2012).

117. Согласно прогнозам, наибольшую часть новых рабочих мест должна дать деятельность, связанная с переходом к низкоуглеродной экономике, в том числе разработка возобновляемых источников энергии, производство транспортных средств с более экономичным расходом топлива, строительство и модернизация зданий, транспорта и инфраструктуры, а также управление сбором и удалением отходов и их переработка. В обрабатывающей промышленности особое внимание уделяется не столько самому по себе общему увеличению рабочих мест, сколько внедрению экологически чистых методов переработки и борьбе с загрязнением (International Labour Foundation for Sustainable Development, 2009). «Зеленые» рабочие места, как правило, подразумевают средний уровень квалификации, а работа в развивающихся секторах, как считается, требует более высокого уровня профессиональных навыков и знаний, чем работа в традиционных отраслях промышленности; соответствующее вознаграждение и пособия и льготы также выше (Chan and Ching Lam, 2012; Muro and others, 2011). В результате связь между «зелеными» рабочими местами и достойной работой представляется вполне естественной, однако в некоторых секторах эта связь оказывается более тесной, чем в других. К примеру, потенциально весьма многообещающими выглядят инвестиции в сельское хозяйство, которое по-прежнему является самым крупным сектором в плане занятости и при этом обеспечивает работой жителей сельских районов, где проживает и трудится большинство бедных и крайне бедных слоев населения мира. Такой переход на «зеленые» рабочие места иногда также рассматривается как возможность привлечь женщин в нетрадиционные, более высокооплачиваемые сектора, такие как инженерно-технические работы, строительство и обрабатывающая промышленность, поскольку, как представляется, эти сектора меньше подвержены влиянию укоренившихся гендерных стереотипов (International Labour Foundation for Sustainable Development, 2009).

118. Несмотря на то, что цель экологизации рабочих мест заслуживает всяческих похвал, этот процесс, возможно, не приведет к автоматическому улучшению положения женщин, а вопрос потенциального воздействия на занятость женщин требует отдельного рассмотрения. С учетом масштабов гендерной сегрегации на рынке труда в целом и в рамках отдельных отраслей промышленности, где на долю женщин приходится лишь 30 процентов от общего числа сотрудников, существует опасность того, что усилия по экологизации промышленности не только не коснутся женщин, но и фактически приведут к их мар-

²⁰ Достойная работа подразумевает создание рабочих мест высокого качества; защиту прав трудящихся, включая право на свободу от дискриминации; доступ к социальной защите; и социальный диалог на постоянной основе с целым рядом экономических организаций и организаций гражданского общества (ILO, 2012).

гинализации. В секторах, где планируется увеличить число «зеленых» рабочих мест, таких как энергетика, строительство и тяжелая промышленность, заметно доминируют мужчины, а последние тенденции свидетельствуют о том, что отраслевая сегрегация не уменьшается, а усиливается²¹. Женщины, как правило, слабо представлены на уже существующих «зеленых» рабочих местах и/или занимают должности более низкого уровня. Например, в странах ОЭСР, где женщины составляют больше половины всех выпускников высших учебных учреждений, на их долю приходится лишь 30 дипломов в области науки и техники (ключевые области обучения для трудоустройства на «зеленых» рабочих местах). В развивающихся странах основное число женщин занято на существующих «зеленых» работах с низким уровнем добавленной стоимости, например, в неформальном секторе в сфере сбора и утилизации отходов (Strietska-Iliina and others, 2011).

119. Планирование экологически устойчивых преобразований в промышленности предполагает целенаправленную работу по развитию у женщин конкретных навыков и их образование, а также обеспечение равной оплаты труда и ликвидацию дискриминации на рабочем месте в рамках более широкой программы достойного труда (ILO, 2012; International Labour Foundation for Sustainable Development, 2009; UNEP and others, 2008). Необходимо также приложить усилия для разрушения стереотипов. Формирование гендерных стереотипов начинается уже в раннем возрасте и пронизывает все общество: дома, в школах и в средствах массовой информации в ходе повседневного поведения и взаимодействия в коллективе, что ведет к их закреплению и усилению. Это способствует тому, что в средней школе и высших учебных заведениях мальчики и девочки тяготеют к изучению разных предметов. Как показывают различные исследования, низкая представленность женщин в науке и технике, инженерном деле и математике объясняется не способностями, а отношением: например, оценки девочек по математике не ниже, чем у мальчиков. И хотя различия при выборе профессии можно объяснить предметами, выбранными в свое время для изучения, на этапе перехода от получения высшего и специального образования к работе разделение профессий на «женские» и «мужские» проявляется еще более явно. Например, в странах — членах ОЭСР, даже в тех случаях, когда женщины по собственному выбору изучают научно-технические дисциплины, инженерное дело и математику, вероятность того, что они будут работать по этой специальности, ниже, чем для мужчин, хотя никаких гендерных различий между их успеваемостью нет (Organization of Economic Cooperation and Development (OECD, 2012).

120. Имеется несколько примеров «зеленых» рабочих мест, где работают, в частности, женщины. Например, в рамках проекта «Работа за воду» в Южной Африке в рамках расширенной программы общественных работ по обучению людей выпалыванию инвазивных чужеродных растений для расширения доступа к воде, предпринимались попытки привлечь к участию в проекте женщин, молодежь и инвалидов, и в конечном итоге они увенчались успехом (Strietska-Iliina and others, 2011). В Бангладеш в рамках более крупного проекта по электрификации сельских районов путем установки бытовых солнечных электросистем женщин учили устанавливать и ремонтировать солнечные батареи и штепсельные розетки, с тем чтобы они могли работать «сельскими элек-

²¹ См. See www.ilo.org/global/research/global-reports/global-employment-trends/WCMS_195447/lang-en/index.htm.

триками» (революционный по меркам традиционного трудового рынка шаг) (ILO, 2012; Sidner, 2011). В Соединенных Штатах Америки ряд программ предусматривает привлечение женщин на «зеленые» рабочие места посредством организации профессиональной подготовки и сетевого взаимодействия, включая программу профессионально-технической подготовки женщин в нетрадиционных профессиях, в рамках которой выделяются гранты общинным организациям, предоставляющим женщинам возможности трудоустройства по нетрадиционным профессиям, таким как предварительная профессиональная подготовка, в последнее время, где особое внимание уделяется «зеленым» рабочим местам.

121. Хотя эти усилия являются полезными и многообещающими, они не обеспечивают непосредственного решения проблемы структурного неравенства, обусловленной низкой оплатой труда, плохими условиями труда и нестабильностью источников средств к существованию большого числа женщин и мужчин, которые не охвачены этими инновационными, но небольшими по масштабам инициативами. Одним из многообещающих примеров может быть работа сборщиков мусора, где усилия по экологизации не ограничиваются проведением разовых мероприятий по развитию навыков, а предусматривают решение проблем неформального характера занятости и маргинализации работников.

122. В развитых странах деятельность по управлению сбором и удалением отходов и их переработкой является жестко регулируемой и высокоавтоматизированной, и ею занимаются преимущественно мужчины. Однако в развивающихся странах и странах с формирующейся экономикой сбором мусора занимаются от 15 до 20 миллионов человек, в том числе много женщин и детей, которые по причине нищеты вынуждены собирать выброшенные другими материалы, подлежащие переработке и повторному использованию, выполняя таким образом чрезвычайно важную природоохранную работу в областях, отличающихся быстрой урбанизацией и ограниченным государственным обслуживанием (ILO, 2012; Samson, 2009). Такая работа в большинстве случаев носит неформальный характер и приносит низкий и нестабильный доход, обычно сопряжена с сильной социальной стигматизацией и отличается очень плохими, а иногда и опасными условиями труда (Samson, 2009). Например, в мире ежегодно выбрасывается 20–50 млн. тонн электронных отходов, содержащих ценные металлы, причем значительная часть таких отходов экспортируется для разборки в такие страны, как Индия и Китай. Эти материалы зачастую передают на переработку мелким неофициальным семейным мастерским или другим неофициальным заведениям, работники которых обладают ограниченными знаниями и не соблюдают мер безопасности (ILO, 2012). В то же время сборщики мусора вносят существенный вклад в обеспечение социальной и экологической устойчивости: они улучшают положение в области здравоохранения и санитарии; используют материалы, предназначенные для выброса; уменьшают потребность в использовании новых материалов; создают весьма эффективные с точки зрения затрат системы удаления отходов для муниципалитетов; и обеспечивают средствами к существованию малоимущие и маргинализированные слои населения²².

²² См. *Waste Pickers*, 2014, *Women in Informal Employment: Globalizing and Organizing*, информация имеется по адресу <http://wiego.org/informal-economy/occupational-groups/waste-pickers> (по состоянию на 24 января 2014 года).

123. Одним из примеров конструктивного использования «зеленых» рабочих мест в качестве способа социальной интеграции являются попытки организации и обеспечения прав сборщиков мусора во всем мире, предпринимаемые как самим уборщиками, так и при содействии международных учреждений, таких как МОТ (ILO, 2012). Женщины чаще, чем мужчины, становятся членами организаций для сборщиков мусора, что, возможно, объясняется тем, что они, как правило, больше занимаются наименее доходной деятельностью по сбору отходов и, как правило, получают меньше мужчин за равноценный труд (ILO, 2012). Организация сборщиков мусора выгодна им, поскольку повышает их социальный статус и самооценку и увеличивает их доход. Организованные уборщики мусора получают более широкие возможности, позволяющие им отказываться от услуг посредников и договариваться о справедливых ценах на их материалы с покупателями. Совместными усилиями они могут также более эффективно притеснения и насилие. Предпринимаются также попытки активнее интегрировать сборщиков мусора в производственно-сбытовые цепочки в сфере сбора и удаления отходов их переработки, противодействуя усилиям по коммерциализации этой деятельности, которые предполагают сжигание отходов и их захоронение на свалках. Вместо этого пропагандируются стратегии безотходного потребления, предусматривающие максимальную переработку и создание достойных рабочих мест для бедных (ILO, 2012). Во всех регионах мира можно найти множество примеров таких усилий, большинство из них направлены на расширение социальных возможностей и повышение уровня безопасности, которые дает коллективная организация, легализуя и формализуя отношения с муниципалитетами и расширяя доступ к средствам социальной защиты.

D. Альтернативные меры реагирования на проблему неустойчивости: инвестирование в общественные блага и «экономику ухода»

124. Одним из важных шагов в направлении обеспечения социальной устойчивости и гендерного равенства является экологизация экономики, предусматривающая учет интересов женщин и расширение их возможностей заниматься достойным трудом. Однако одного этого не достаточно. Для решения проблемы гендерного неравенства и содействия работе по всем трем направлениям устойчивого развития директивным органам необходимо уделять внимание инвестициям в общественные блага и «экономику ухода».

125. Со времени кризиса 2007–2008 годов активно звучат призывы к реформе глобальной финансовой системы. Растет понимание того, что для обеспечения устойчивого развития с учетом его экономических, социальных и экологических аспектов измениться должна не только глобальная финансовая система, но и основные модели производства и потребления. «Меры по борьбе с кризисом не увенчаются успехом, если они будут направлены только на восстановление экономического роста и алчности» (Elson, 2011). Для оценки достигнутых результатов будет необходимо разработать более комплексные критерии, чем простые показатели ВВП.

126. Раздаются призывы к разработке теоретических основ экологизации макроэкономики, что в первую очередь предполагает отказ от постулата о том, что

только постоянный рост потребления обеспечивает экономическую стабильность, и определение параметров экономической устойчивости, включая условия, позволяющие активно противодействовать внешним потрясениям и не допускать возникновения внутренних противоречий, порождающих социальную напряженность в периоды экономического спада, а также обеспечивать средства к существованию на основе принципа равенства и рациональное использование ресурсов для защиты экосистем (Jackson, 2011).

127. Во всем мире мерилom успеха служит рост частного производства и потребления товаров и услуг, а не прогресс в деле осуществления прав человека, расширения возможностей и роста благосостояния. Женщинам также предлагается рассматривать гендерное равенство и расширение своих прав и возможностей с точки зрения повышения своей покупательной способности (Elson, 2011). Нередко предполагается, что директивные органы должны прежде всего добиваться максимального роста экономического пирога (ВВП) и лишь затем путем его перераспределения обеспечивать равенство, благосостояние и справедливость. Предполагается также, что оптимальным способом создания материальных благ является производственная деятельность частных коммерческих предприятий на рынках, регулируемых таким образом, чтобы способствовать коммерческой конкуренции. Правозащитные и укрепляющие человеческий потенциал подходы преследуют иную цель — существенно расширить возможности людей жить достойной с их точки зрения жизнью. Это означает способность пользоваться более широким набором прав, открывающим гораздо более широкие возможности, чем рост потребления, и предусматривающим право на свободу от нищеты и голода, право на здоровье и социальное обеспечение и право на принятие жизненно важных решений.

128. Хотя многие правозащитные ценности и укрепляющие человеческий потенциал подходы имеют отношение к феминистской экономической теории, особый упор в ней делается на построении такой социально-экономической системы, в которой учитывается не только оплачиваемый труд, но и нерыночная неоплачиваемая деятельность по уходу (Grown, Elson and Cagatay, 2000). Большинство распространенных экономических подходов, применяемых директивными органами, как правило, опираются на рыночное производство и обходят стороной неоплачиваемый труд. Такое игнорирование оспаривается в феминистской экономической теории, согласно которой в условиях функционирования рыночной экономики и государственной экономики директивные органы должны учитывать неоплачиваемую экономическую деятельность по производству товаров и оказанию услуг для членов семьи, друзей и соседей по соображениям социальной ответственности, из чувства альтруизма, на основе взаимности и иногда в силу принуждения. Занимаясь неоплачиваемой экономической деятельностью, люди производят продовольствие и одежду, заготавливают топливо и воду, готовят пищу, занимаются уборкой и осуществляют уход за другими людьми, в частности за детьми, немощными пожилыми людьми и больными (Elson, 1998; 2011; Folbre, 1994; 2001; UNDP, 1995; UNRISD, 2010). Для директивных органов важность неоплачиваемой экономической деятельности объясняется двумя причинами: во-первых, она во многом содействует росту благополучия людей, что необходимо для социальной стабильности, и, во-вторых, хотя неоплачиваемый труд недостаточно учитывается статистическими и директивными органами, он влияет на функционирование других экономических структур, включая частные компании (крупные и мелкие), и

предприятия государственного и частного секторов, отражаясь на объеме и качестве необходимых трудовых затрат для управления этими структурами и создавая таким образом условия для экономической устойчивости (Elson, 1998; 2011). При использовании этих альтернативных способов оценки экономических успехов и неудач внимание уделяется двум вопросам, имеющим для директивных органов огромное значение.

129. Во-первых, директивным органам необходимо решать задачу выбора путей обеспечения гарантий осуществления прав и реализации возможностей человека (прав на достаточное питание, охрану здоровья и образование и возможностей участия в общественной жизни) в условиях нехватки доходов, получаемых в виде причитающихся выплат, заработной платы и доходов от ведения натурального сельского хозяйства. Рыночных доходов может не хватать потому, что получающие их люди заняты в низкооплачиваемых секторах экономики, занимаются неоплачиваемым трудом по уходу за другими, что лишает их возможности получения достаточного заработка, или не владеют капиталом, либо землей, что могло бы обеспечить им достаточный заработок от самостоятельной занятости. Вместе с тем нехватка средств часто объясняется и такими структурными факторами, как высокий уровень имущественного неравенства и дискриминации, который не позволяет многим людям, особенно женщинам, получать доступ к земле и другим производственным активам, и высокий уровень структурной безработицы и неполной и неформальной занятости, который не позволяет людям, в частности женщинам, осуществлять свое право на труд и отстаивать свои права на рабочем месте.

130. С учетом такой нехватки средств в последние годы директивные органы в различных частях мира стали обращать внимание на системы социального обеспечения²³. Много полезных уроков было извлечено из опыта функционирования систем адресной социальной помощи, создававшихся в начале 1990-х годов для выявления нуждающихся с помощью проведения различных проверок имущественного положения. В условиях слабости административного потенциала проведение таких проверок может быть сопряжено с высокими административными затратами; отсутствие достаточной информации о положении домохозяйств может усложнять функционирование таких механизмов и приводить к отказу малоимущим в помощи (вследствие так называемых «ошибок по недосмотру»); социальная помощь должна быть институционализирована, а не оказываться на основе разовых специальных мер, и по возможности финансироваться за счет отлаженно работающей системы налогообложения и социальных выплат; в условиях распространенности нищеты функционирующие на широкой основе универсальные системы могут быть более доступными, транспарентными и эффективными, чем адресные меры (Mkandawire, 2005; UNRISD, 2010; Sepúlveda and Nyst, 2012).

²³ Единого для всех научных дисциплин и международных организаций определения понятий «социальное обеспечение» и «социальная защита» и порядка их использования не имеется. В «Мировом обзоре» используется подход МОТ (2014 год), согласно которому эти термины могут заменять друг друга и означать меры по защите в случае, в частности, отсутствия или нехватки трудовых доходов в результате болезни, инвалидности, беременности и родов, получения производственных травм, безработицы, старости и смерти члена семьи; недоступности или чрезмерно высокой стоимости медицинских услуг; недостаточности поддержки со стороны членов семьи, особенно иждивенцев из числа детей и взрослых; общей малообеспеченности и социальной изоляции.

131. Как признается в контексте инициативы по обеспечению минимального уровня социальной защиты, исключительно актуальной сейчас является задача создания систем социального обеспечения, позволяющих чутко реагировать на изменение условий. Периодическое возникновение множественных кризисов особо указывает на важность роли системы социальной защиты в смягчении последствий резкого падения доходов и уровня занятости. Кроме того, высокие темпы урбанизации, изменения в структуре семей и домохозяйств, демографические сдвиги, миграция и различные кризисы в области здравоохранения требуют применения нестандартных подходов, способных защитить людей и помочь им приспособиться к новым условиям. При этом меры социальной защиты могут не только содействовать осуществлению экономических и социальных прав, но и способствовать экономическому развитию и преобразованиям (UNRISD, 2010).

132. Вместе с тем потенциал мер социальной защиты реализован далеко не полностью. Всеобъемлющая социальная защита обеспечивается лишь для 27 процентов населения мира, тогда как 73 процентам такая защита обеспечивается в лучшем случае лишь частично (ILO, 2014). Кроме того, по имеющимся оценкам, около трети населения мира не имеет доступа к какой-либо медицинской помощи, а для еще большей части населения медицинские расходы являются тяжелым бременем и одной из основных причин обнищания и долгов. Смешанная картина наблюдается и в том, что касается результатов усилий по увеличению охвата девочек средним образованием, повышению числа родов, принимаемых квалифицированным медицинским персоналом, и расширению доступа к источникам воды более высокого качества и к улучшенным средствам санитарии. Хотя во многих странах соответствующие показатели за последние 20 лет заметно улучшились, женщины и девочки из семей с более низким уровнем дохода намного отстают в этом плане от женщин и девочек из более обеспеченных семей (United Nations, 2013b). Вызывает тревогу и то, что в ряде стран неравенство между женщинами, относящимися к различным имущественным категориям, растет, а не уменьшается (Elson, 2014).

133. Женщины намного чаще мужчин сталкиваются с проблемой отсутствия доступа к социальному обеспечению и обслуживанию и более уязвимы в такой ситуации (Razavi and Hassim, 2006). Гендерное неравенство особенно заметно в тех случаях, когда государственные ассигнования недостаточны, поскольку более ограниченные возможности женщин получать доходы, накапливать сбережения и приобретать активы увеличивают вероятность возникновения трудностей в плане участия в частных программах страхования и оплаты социальных услуг. Отсутствие достаточной государственной поддержки также повышает востребованность неформальных систем социального страхования. Зависимость от родственных и общинных отношений может породить серьезное гендерное неравенство. С одной стороны, эти отношения обычно строятся на выполнении женщинами неоплачиваемой работы по уходу, а, с другой, из-за существующих в домохозяйствах и общинах социальных норм и гендерного неравенства степень признания и учета потребностей женщин может ограничиваться.

134. Эти проблемы не будут решены и в случае усиления роли государства. Существует множество примеров гендерного неравенства в плане участия в государственных программах социального обеспечения и обслуживания. В некоторых случаях участие в таких программах приводит к маргинализации,

стигматизации и эксплуатации женщин, особенно из числа малоимущих, инвалидов и представителей этнических меньшинств и коренных народов (Sepúlveda and Nyst, 2012). Поэтому, добиваясь соблюдения своих основных прав человека, включая право на достойную жизнь, женщины сталкиваются с серьезными трудностями. Усиление роли государства в регулировании, финансировании и предоставлении социальных благ на самом деле не является достаточным условием для обеспечения гендерного равенства. Правозащитники считают, что государство должно обеспечивать осуществление прав человека. Правозащитное сообщество подчеркивает, что государство должно уважать, защищать и осуществлять права человека²⁴. Эти принципы применяются Комитетом по экономическим, социальным и культурным правам в его замечаниях общего порядка по конкретным правам, включая право на образование, здравоохранение, водные ресурсы, труд и социальное обеспечение²⁵.

135. На директивном уровне должен учитываться еще один вопрос — вопрос производства и потребления. Важно критически анализировать уже существующие основные производственные системы и создавать новые такие системы, которые будут содействовать соблюдению прав человека, обеспечению гендерного равенства и достижению экологической устойчивости.

136. Один из важных элементов альтернативной производственной системы связан с необходимостью уделять гораздо более пристальное внимание социальному производству, инвестициям и потреблению (Elson, 2011). Эта система предполагает производственную деятельность как коммерческих, так и некоммерческих структур — например кооперативных и общинных предприятий, общинное управление лесными и оросительными системами, а также функционирование общинных столовых и детских дошкольных учреждений. Государства могут участвовать в этих мероприятиях лишь в качестве одной из сторон. Преимущество этих смешанных систем производства заключается в том, что они могут реагировать на нужды и потребности всех людей, независимо от их уровня доходов и имущественного положения. «Часто утверждается, что частное производство быстрее реагирует на нужды потребителей; однако это происходит только в случае обеспеченных потребителей» (Elson, 2011). При этом в условиях общественного производства учитываются не только права и интересы производителей, но и права пользователей, что требует расширения прав потребителей и установления прямых контактов между производителями и потребителями.

137. Социальное производство и инвестиции необходимы для обеспечения достаточности общественных благ, которые приносят пользу не только их непосредственным пользователям и которые включают образование, здравоохранение, развитую сеть общественного транспорта, водоснабжение, санитарии и экологически безопасную энергетику. Сейчас все чаще признается, что одним из важных общественных благ является устойчивый климат. При этом не признается в полной мере то, что к таким благам относится и постоянная деятельность по уходу (Folbre, 2001). Во многом этот уход предоставляется на безвоз-

²⁴ Эта фраза, как представляется, содержится в докладе Специального докладчика по вопросу о праве на питание (E/CN.4/Sub.2/1987/23).

²⁵ См. E/2000/22 и Согг. I, приложение I, Замечание общего порядка № 13; E/2001/22, приложение IV, Замечание общего порядка № 14; E/2003/22, приложение IV, Замечание общего порядка № 15; E/2006/22, приложение C, Замечание общего порядка № 18; и E/2008/22, приложение VII, замечание общего порядка № 19.

мездной основе (Budlender, 2010). Вместе с тем в экономике многих стран расширяется сфера платных услуг по уходу и увеличивается число занятых в нем людей, особенно женщин (Razavi and Staab, 2010)²⁶. В целях благополучия всех людей услуги по уходу должны быть доступными и оказываться либо на безвозмездной основе членами домохозяйств и общин, либо наемными и государственными социальными работниками. Если работа по уходу будет достойно оплачиваться и предусматривать защиту, то будут учитываться интересы как работников по уходу, так и получателей услуг. При этом бремя нагрузки женщин и девочек по выполнению неоплачиваемой работы по уходу сможет уменьшиться.

138. До настоящего времени политическое обсуждение проблемы экологизации экономики в основном велось в отрыве от экономической деятельности по уходу. Причина этого отчасти заключается в том, что экономисты понимают под экономическим ростом. В рамках обычных моделей экономического роста процесс развития сводится к накоплению капитала и росту производительности. Хотя в большинстве современных моделей экономического роста человеческий и физический капитал занимают определенное место, человеческий капитал редко считается сферой для вложения инвестиций²⁷. И хотя почти всегда заявляется, что для достижения экономического роста нужно инвестировать в развитие профессиональных навыков, такие заявления ограничиваются лишь повышением качества формального образования. При таком подходе к экономическому росту и развитию во многом игнорируется оплачиваемая и неоплачиваемая деятельность по уходу, которая изо дня в день осуществляется на протяжении поколений.

139. Экономическая деятельность по уходу будет стратегически расширяться, если, в частности, активизируется предоставление социальной помощи и услуг; это будет способствовать охране окружающей среды, так как осуществление ухода обычно не предполагает активного использования экологических ресурсов (Jackson, 2011). В странах с высоким уровнем доходов предприятия сферы услуг являются крупнейшими работодателями для мужчин и женщин, а в развивающихся странах они все активнее содействуют росту производительности. При этом сфера услуг крайне разнородна. В странах с формирующейся рыночной экономикой услуги с более высокой добавленной стоимостью (например, услуги в области информационно-коммуникационных технологий) и с учетом получаемых доходов, как правило, оказываются очень незначительным числом работников (UNCTAD, 2010), а услуги по уходу с учетом получаемых доходов являются трудоемкой сферой деятельности, традиционно осуществляемой женщинами, и обеспечивают возможности для увеличения их занятости.

---

²⁶ Оплачиваемая деятельность по уходу предполагает оказание непосредственных услуг, направленных на развитие человеческого потенциала их получателя. Термин «человеческий потенциал» касается здоровья, навыков и наклонностей, приносящих пользу самому человеку или окружающим. К нему, в частности, относятся физическое и психическое здоровье, физические, познавательные и эмоциональные навыки, такие как самодисциплина, сочувствие и забота. Деятельность по уходу осуществляют, например, учителя, медсестры, работники детских дошкольных учреждений и терапевты (Англия, Будиг и Фолбре, 2002 год).

²⁷ Двумя заметными исключениями являются модели, которые представили Браунштейн, ван Ставерен и Тавани (2011 год) и Сегино (2010 год).

140. Правительства все сильнее осознают важность этих возможностей. Например, в Республике Корея с 2000 года стремительно растет объем правительственной социальной помощи, предоставляемой по линии комплексных программ долгосрочного страхования пожилых людей и государственного субсидирования детских дошкольных учреждений. Эти и другие меры социальной политики, которые включают предоставление законного отпуска по уходу за ребенком и предназначены для поддержки экономической деятельности по уходу, считаются одной из движущих сил экономического роста, обеспечиваемого за счет более равномерного перераспределения обязанностей по уходу между государством, рыночными структурами, семьей и общиной (Peng, 2012).

141. Еще одним примером является пакистанская программа «Госпожа медработник», которая обеспечивает медицинское обслуживание членов домохозяйств, особенно ограниченных в передвижении сельских женщин. Эта программа также обеспечивает занятость большого числа сельских женщин, которым довольно сложно трудоустроиться в этой стране. Принятые на работу женщины проходят 15-месячную подготовку под руководством квалифицированного врача в ближайшем центре первичной медико-санитарной помощи. Затем они могут работать в домашних условиях, принимая членов общины, проводя встречи и предоставляя основные лекарства, в том числе контрацептивы. Эти женщины трудятся в среднем по 30 часов в неделю, а участие в программе служит для них важным источником получения регулярного и надежного дохода. Программа также позволяет женщинам активно передвигаться и трудиться, способствуя росту доверия к работающим женщинам (Khan, 2014). Поэтому эту программу можно рассматривать как механизм, стимулирующий позитивные общественные перемены и обуславливающий расширение прав и возможностей женщин за счет государственного финансирования увеличения занятости в области здравоохранения. Вместе с тем важно отметить, что зарплата этих работниц является ниже минимальной по стране.

142. Ситуация с оплатой труда участниц пакистанской программы «Госпожа медработник» далеко не единична. Работники по уходу получают относительно небольшие доходы и в плане зарплаты подвергаются так называемому «наказанию за осуществление ухода». Это наказание заключается в том, что работники по уходу зарабатывают систематически меньше, чем представители других профессий, требующих такого же уровня подготовки и образования (Budig and Misra, 2010; England, Budig and Folbre, 2002). Если сравнивать зарплату учителей начальных классов и медсестер в более чем 20 развивающихся странах, то оказывается, что в 2009 году многие из них находились на грани нищеты (Chai, Ortiz and Sire, 2010). Условия найма для работников по уходу должны регулироваться более эффективно и улучшаться (Folbre, 2006). Это требует не только эффективности регулирования и контроля со стороны государства, но и активизации организаций работников и получателей услуг по уходу, которые должны укреплять общественное доверие к таким услугам и обеспечивать надлежащее финансирование таких услуг.

143. Для повышения доли занятости женщин в сфере услуг, особенно услуг по уходу, нужно проводить политику по борьбе с общей гендерной сегрегацией на рынке труда и по повышению относительно низкой заработной платы работников по уходу. Если такая политика проводиться не будет, то возможности трудоустройства женщин будут ограничены всего лишь несколькими профессиями, а их профессиональная сегрегация будет усиливаться. Поэтому государ-

ственное инвестирование в сектор оказания услуг должно сопровождаться мерами по борьбе с профессиональной и отраслевой сегрегацией, по повышению зарплаты и по улучшению условий труда на рынке услуг, что откроет перед женщинами дополнительные возможности. Чтобы осуществляться по-настоящему эффективно, экономическая стратегия, предусматривающая учет потребностей в уходе и достижение гендерного равенства, должна стремиться к превращению работы по уходу в достойный труд. На государство возлагается ответственность по руководству процессом перехода от стратегии осуществления ухода на рыночной и «добровольной» основе, которая предусматривает наиболее неформальный и эксплуататорский труд, к стратегии осуществления ухода на профессиональной основе за достойную оплату (UNRISD, 2010).

144. Один из важных шагов в этом направлении был предпринят в 2011 году, когда Международная организация труда приняла Конвенцию о домашних работниках (№ 189). Эта конвенция, вступившая в силу в сентябре 2013 года, впервые в истории предусматривала расширение основных трудовых прав примерно 53 миллионов домашних работников, 83 процента из которых составляют женщины и многие из которых принадлежат к расовым и этническим меньшинствам (ILO, 2013). На сегодняшний день Конвенцию ратифицировали 14 стран, а в девяти государствах она вступила в силу. Хотя увеличение числа ратификаций, безусловно, является приоритетной задачей, важно признать, что другие страны также приняли активные меры по регулированию рынка домашнего труда и по обеспечению достойной оплаты и условий работы для этих уязвимых работников. Например, в Намибии в отличие от многих других стран положение домашних работников регулируется трудовым законодательством, а сами они, как и другие работники, наделены правами на защиту занятости, еженедельный отдых и отпуск по уходу за ребенком (ILO, 2013). Тем не менее сохраняется проблема соблюдения этих прав. Для решения этой проблемы и скорейшей ратификации Конвенции в 2012 году правительство Намибии учредило Комиссию по вопросам зарплаты, которая рекомендовала установить для домашних работников новый минимальный размер оплаты труда и рассмотрела другие проблемы условий труда (Hammerton, 2013).

145. Между экологическими услугами и услугами по уходу прослеживается определенное сходство. Хотя оба вида услуг не связаны с традиционной сферой рынка, они все чаще считаются товаром, а их рыночная оценка не учитывает их общественную ценность. Поскольку они являются важнейшими общественными благами, осуществлять их рыночную оценку экономически нецелесообразно. В результате нецелесообразности рыночной оценки человеческие и природные ресурсы подвергаются угрозе чрезмерной эксплуатации, которая стимулируется существующей моделью глобальной экономики.

146. С учетом сходства этих услуг в качестве общественных благ государство должно предпринимать шаги по регулированию рынков для более объективного и точного определения общественной ценности экосистемных услуг и услуг по уходу, принимать социальные меры и инвестировать в развитие инфраструктуры и сферы услуг. Если такие действия предприняты не будут, то из-за рыночной деятельности экологические услуги и услуги по уходу будут оказываться в недостаточном объеме и сможет разразиться кризис.

Е. Расширение повестки дня, посвященной экологизации экономики

147. Многочисленные кризисы последних лет показывают, что доминирующие модели развития во многом сдерживают усилия по обеспечению социальной, экологической и экономической устойчивости. Нынешние экономические модели оказались неэффективными для достижения гендерного равенства и осуществления прав человека. Директивные органы должны проводить социально-экономическую деятельность на основе новых ориентиров, обеспечивающих возможность взаимного усиления устойчивости и гендерного равенства. Чтобы решить эту задачу, в условиях благоприятного макроэкономического климата должна проводиться политика по созданию экологически чистых рабочих мест, обеспечивающих достойную зарплату, достойные условия труда, социальную защиту и перспективы карьерного роста.

148. В рамках нынешних усилий по созданию экологически чистых рабочих мест часто упускается из виду, что экологизация экономики может обеспечить создание достойных рабочих мест и постоянных источников средств к существованию для женщин. Чтобы программы по созданию экологически чистых рабочих мест имели более широкий охват и воздействие, они должны получить более широкую гендерную направленность. Это означает, что благодаря экологизации экономики у женщин, особенно из малоимущих и маргинализованных слоев, расширится доступ к достойным рабочим местам в экологически чистых и низкоуглеродных отраслях производства. Хотя возможности экологизации экономики и работы по уходу во многом остаются неиспользованными, в случае предоставления достаточных ресурсов и поддержки стратегия использования этих возможностей будет активно содействовать достижению экономической, социальной и экологической устойчивости.

149. Чтобы эта стратегия содействовала достижению гендерного равенства и соблюдению прав человека, основным критерием ее успешного осуществления должны стать расширение возможностей женщин, признание важности работы по уходу, уменьшение ее нагрузки и перераспределение обязанностей по уходу. Для отказа от нынешних моделей потребления и производства основной упор нужно сделать на том, чтобы социальное инвестирование, производство и потребление осуществлялись в рамках смешанных моделей, предусматривающих деятельность коммерческих и некоммерческих структур и учет нужд и потребностей людей различного материального положения. Одним из основных приоритетов будет инвестирование в обеспечение различных общественных благ, включая здравоохранение, образование, питание, водоснабжение, санитарию, устойчивую энергетику и надежные системы по осуществлению ухода с учетом гендерных аспектов и по обеспечению социальной устойчивости.

IV. Продовольственная безопасность и гендерное равенство

А. Введение

150. Одной из главных целей устойчивого развития с точки зрения всех трех его компонентов является достижение продовольственной безопасности. Сегодня необходимо добиться того, чтобы свое право на питание с целью прокорм-

мить себя могли реализовать не только нынешнее, но и будущие поколения. Чтобы покончить с недоеданием и голодом, особое внимание нужно уделять развитию сельского хозяйства и росту продовольственного производства, которые связаны, с одной стороны, с природными ресурсами а, с другой, с политикой глобальных и национальных экономических структур. Для достижения этой цели необходимо также учитывать специфику социальных отношений, в том числе гендерное неравенство, ограничивающее доступность продовольствия для отдельных людей и домохозяйств.

151. Хотя проблема голода и недоедания привлекает к себе внимание мировых лидеров со времени продовольственного кризиса 2007 года, она была порождена долгосрочными и краткосрочными политическими просчетами. В этой главе продовольственная безопасность рассматривается как один из важнейших аспектов устойчивого развития, а гендерное равенство как основа для его достижения, потому что свобода от голода является одним из прав человека, а достаточное питание одним из основных условий для полноценной жизни человека. В частности, нужно содействовать соблюдению права на питание для женщин и девочек.

152. Право на питание было впервые признано во Всеобщей декларации прав человека (резолюция 217 А (III) Генеральной Ассамблеи), принятой в 1948 году, а позднее уточнено в Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах (см. резолюцию 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи, приложение). В Международном пакте подтверждается право на питание и важность его наличия, доступности и использования, а также основное право каждого человека на свободу от голода. В своем замечании общего порядка № 12 Комитет по экономическим, социальным и культурным правам разъяснил нормативное содержание права на достаточное питание (статья 11 Пакта). Он подчеркнул, в частности, важность учитывать культурную специфику, достаточного питания и обеспечения его постоянной доступности, а также изложил обязательства государств и международного сообщества в плане расширения права на питание (см. E/2000/22 и Согг. 1, приложение V, Замечание общего порядка № 12).

153. Понятие «продовольственная безопасность», которое было определено в 1996 году на Всемирной встрече на высшем уровне по проблемам продовольствия, отражает необходимость и приоритетность доступности продовольствия и означает, что продовольственная безопасность существует тогда, когда все люди всегда имеют физический и экономический доступ к достаточной, безопасной и питательной пище для удовлетворения своих потребностей и предпочтений в плане питания в целях ведения активного и здорового образа жизни. К числу четырех компонентов или элементов продовольственной безопасности относятся доступность продовольствия; экономический, физический и социальный доступ к продовольствию; потребление продовольствия; и долгосрочный учет этих трех аспектов. В итоговом документе Конференции Организации Объединенных Наций по устойчивому развитию право на питание получило дальнейшее подтверждение (резолюция 66/288 Генеральной Ассамблеи, приложение, пункт 108) и была подчеркнута «необходимость поощрения, расширения и поддержания более устойчивого сельского хозяйства, включая земледелие, животноводство, лесоводство, рыболовство и аквакультуру, которое позволяет повышать уровень продовольственной безопасности и искоренять голод и является экономически жизнеспособным, обеспечивая при этом сохра-

нение земельных и водных ресурсов, растений и зоогенетических ресурсов, биологического разнообразия и экосистем, а также повышая степень устойчивости к изменению климата и стихийным бедствиям» (резолюция 66/288, приложение, пункт 111).

154. Хотя в деле борьбы с голодом и недоеданием за последние 20 лет был достигнут значительный прогресс, современные тенденции в области производства и потребления продовольствия вызывают озабоченность в плане возможности достижения постоянной продовольственной безопасности. Проблема недостаточного и неправильного питания не только сохраняется, но и обостряется. Изменение климата и деградация окружающей среды затрудняют производство продовольствия, особенно для самых малоимущих домохозяйств. В то время как конкуренция из-за использования земель для производства биотоплива и появление новых финансовых инструментов усиливают нестабильность цен на мировом рынке зерна, рост спроса среди иностранных инвесторов на сельскохозяйственные угодья может ограничить возможность землепользования для мелких фермеров и скотоводов и лишить их средств к существованию.

155. Когда сегодня обсуждается вопрос о приоритетности инвестирования в борьбу с голодом и недоеданием, на передний план выходят дисбаланс между объемом производства и численностью населения и глобальный дефицит продовольствия, а не ограниченные возможности населения приобретать достаточное количество качественных продуктов питания. Различные национальные и глобальные структуры в области политики и исследований призывают к тому, чтобы к 2050 году уровень продовольственного производства в мире увеличился на 70 процентов и чтобы около 9 миллиардов жителей планеты были обеспечены продовольствием. Основное внимание уделяется глобальным, а не национальным или субнациональным показателям. Этот подход, который наиболее активно применяется в ходе общественных, научных и политических обсуждений, объясняет существование голода недостаточным объемом производства и проблемами перенаселения, войн и засух, которые обостряются в результате изменения климата и роста биотопливного производства (Tomlinson, 2013).

156. Производство продовольствия является лишь одним из важнейших элементов системы продовольственной безопасности. Более 30 лет назад Амартия Сен отметила, что голод наступает тогда, когда «пищи не хватает у людей, а не когда ее не хватает вообще» (Sen, 1982). Продовольственная безопасность зависит от доступа к продуктам. В условиях изменения климата и деградации окружающей среды производить и покупать продовольствие может стать еще сложнее. В основу программы стратегических мер по обеспечению продовольственной безопасности должны быть положены результаты анализа факторов, ограничивающих возможности приобретения продуктов питания приемлемого качества в достаточном количестве. Продовольственная безопасность должна считаться общественным благом, которое должно обеспечиваться государствами путем создания благоприятных международных условий.

157. Для понимания причин голода и недоедания нужно анализировать гендерные факторы, поскольку женщины играют важнейшую роль в продовольственной системе, в производстве, переработке, приготовлении, потреблении и распределении продуктов питания (FAO, 2011). При этом женщины сталкиваются с дискриминацией и часто не имеют достаточных возможностей ей про-

тивостоять, а когда гендерное неравенство сочетается с другими формами неравенства, дискриминация женщин усиливается. Гендерные отношения в семье в частности и обществе в целом определяют уровень распределения, доступности и потребления продовольствия. Гендерное неравенство влияет на доступность земельных и других ресурсов, необходимых для производства продуктов питания, а также обуславливает объем расходов домохозяйств на питание и другие нужды, — например, медицинское обслуживание — связанные с обеспечением продовольственной безопасности. Гендерные отношения также влияют на последствия рыночных изменений в плане производства и распределения продовольствия.

158. Если проблема продовольственной безопасности будет пониматься как проблема диспропорции между объемом производства и численностью населения, то не будут учитываться основные причины голода и недоедания — сложная динамика изменения гендерных отношений на местных и глобальных рынках продовольствия, особенности распределения продуктов питания внутри домохозяйств и структура производственных систем. Постоянная продовольственная безопасность может быть обеспечена только в том случае, если женщины будут участвовать в процессе принятия решений в области продовольствия и если будут признаваться и преодолеваются трудности, с которыми они сталкиваются на производственном и потребительском уровнях. Политическая задача заключается в том, чтобы анализировать проблему продовольственной безопасности с точки зрения производства и чтобы рассматривать права человека и гендерное равенство, обеспечивающее расширение доступа к продовольствию, в качестве одного из важнейших условий достижения устойчивого развития. В этой связи в настоящей главе рассматриваются несколько уровней структурных факторов — от домохозяйственных до глобальных, в том числе гендерные отношения и роль изменения климата, которые препятствуют достижению продовольственной безопасности. В этой главе также обращается внимание на мероприятия, которые необходимо проводить в первую очередь для решения проблемы голода.

В. Отсутствие продовольственной безопасности: последние тенденции

1. Сохранение проблемы голода и недоедания

159. Цель 1 целей в области развития, сформулированных в Декларации тысячелетия, в частности задача к 2015 году сократить вдвое масштабы голода в мире, считается относительно скромной. Результаты наблюдения за ходом достижения этой цели свидетельствуют об устойчивом снижении показателей с периода 1990–1992 годов до периода 2011–2013 годов, когда доля людей, страдающих от недоедания²⁸ сократилась с 18,9 процента до 12 процентов. Это означает, что приблизительно 842 миллиона человек, или каждый восьмой, страдают от недоедания (FAO, 2013с). Однако эти показатели скрывают подлинную остроту проблемы голода и недоедания. По данным Детского фонда

---

²⁸ Определяется как доля населения, не получающего минимального уровня энергии с рационом. Этот показатель отражает степень проблемы отсутствия продовольственной безопасности на национальном уровне и определяется Продовольственной и сельскохозяйственной организацией Объединенных Наций.

Организации Объединенных Наций (ЮНИСЕФ), 26 процентов детей, или каждый четвертый, страдают задержкой в росте, что свидетельствует о длительном недоедании, которое препятствует умственному и физическому развитию ребенка²⁹. По оценкам, 2 миллиарда человек страдают от дефицита питательных микроэлементов, таких как витамин А, цинк и железо (Von Grebmer and others, 2013). Анемия, вызванная недостаточным питанием и нехваткой железа и других питательных микроэлементов, распространена среди 42 процентов от общего числа беременных в мире, и является одним из факторов, обуславливающих материнскую смертность и низкий вес детей при рождении (Всемирная организация здравоохранения (World Health Organization (WHO), 2008; UNICEF, 2008).

160. Сводные данные о белково-калорийной недостаточности дают представление о состоянии питания по усредненным за год цифрам и, таким образом, не отражают различия между регионами и странами и особенно на субнациональном уровне. Данные обследований с оценкой продовольственной обеспеченности представляют более четкую картину тех трудностей, с которыми сталкиваются домашние хозяйства в связи с удовлетворением своих потребностей в продовольствии. Эти обследования обнаруживают значительную остроту продовольственной проблемы во всем мире, даже в странах с относительно высокими уровнями продовольственной безопасности, определенными по суммарному показателю снабжения продуктами питания. Например, в ходе проводившегося в 2012 году обследования по оценке продовольственной обеспеченности домашних хозяйств в Соединенных Штатах 14,5 процента от общего числа домашних хозяйств (17,6 миллиона) сообщили, что у них низкая продовольственная обеспеченность и что им трудно обеспечивать всех своих членов достаточным количеством продовольствия, при этом у 7 миллионов из этих 17,6 миллиона домашних хозяйств ситуация с продовольственной обеспеченностью была особенно неблагоприятной (Coleman-Jensen, Nord and Singh, 2013). Семьи незамужних женщин с детьми составляли 35,4 процента от общего числа семей с низкой продовольственной обеспеченностью, а семьи неженатых мужчин — 23,6 процента. Результаты показали, что в крайне неблагоприятном положении находятся цветные женщины (Coleman-Jensen, Nord and Singh, 2013). В Южной Африке результаты проводившегося в 2012 году обследования домашних хозяйств показали, что 22 процента от общего числа домашних хозяйств (26 процентов от общей численности населения) не имеют достаточного доступа к продовольствию (Statistics South Africa, 2013). Это резко отличается от значения показателя, используемого ФАО для оценки масштабов недоедания, согласно которому в период 2010–2012 годов к этой категории относилась лишь весьма небольшая доля населения Южной Африки (до 5 процентов) (FAO, 2013a).

161. Кроме того, появилась новая форма неадекватного питания: ожирение, которое стало острой проблемой для всех стран во всех регионах мира. Ожирение как форма неадекватного питания часто существует параллельно с проблемой недоедания и является результатом перехода от местных и традиционных рационов к продуктам со все большим содержанием различных солей, сахаров и жиров, характерным для продуктов полуфабрикатного типа. Ожирение по-

²⁹ См. Детский фонд Организации Объединенных Наций (ЮНИСЕФ), “Childinfo”, представлено на веб-сайте <http://data.unicef.org/nutrition/malnutrition>, (информация получена 8 мая 2014 года).

вышает вероятность развития сердечно-сосудистых заболеваний и многих видов раковых заболеваний. Мировые суммарные показатели распространенности тучности и ожирения повысились во всех регионах, и среди взрослого населения в период с 1980 по 2008 год возросли с 24 процентов до 34 процентов. Еще более быстрыми темпами растут показатели ожирения среди детей, которые за этот же период удвоились — с 6 процентов до 12 процентов (FAO, 2013b). Бывает, что в одной и той же семье имеются случаи и излишнего и недостаточного веса, и такое явление становится все более распространенным в странах с большим числом людей, страдающих от недоедания, как, например, в Индии и на Филиппинах (FAO, 2006).

2. Выявление неблагополучных ситуаций с продовольственной безопасностью

162. Неблагополучная ситуация с продовольственной безопасностью в основном характерна для Южной Азии и для субсахарской Африки. На два эти региона суммарно приходится порядка 60 процентов от общего числа страдающих от недоедания людей в мире (FAO, 2013a) и три четверти от общего числа детей с задержками в росте (UNICEF, 2013). Если в Южной Азии достигнут значительный прогресс, то в субсахарской Африке ситуация меняется намного более медленно — здесь общее число людей, страдающих от недоедания, начало уменьшаться лишь недавно.

163. Однако страны, в которых существует проблема продовольственной безопасности стоит остро, находятся не только в этих регионах. Несколько стран Латинской Америки и Карибского бассейна (например, Гватемала, Гаити), Юго-Восточной Азии (например, Камбоджа, Лаосская Народно-Демократическая Республика, Тимор-Лешти) и Центральной Азии (например, Таджикистан) входят в число 56 стран, которые в Глобальном индексе голода за 2013 год (International Food Policy Research Institute, 2013) отнесены к категории стран с «серьезным», «тревожным» или «очень тревожным» положением; это составной показатель, охватывающий проблемы недостаточного питания, пониженного веса детей и детской смертности. В Гватемале показатель недостаточности питания населения за период с 1990–1992 по 2010–2012 годы почти удвоился — с 16,2 процента до 30,4 процента (FAO, 2013a). Кроме того, показатели недоедания среди детей в возрасте до 5 лет из числа коренного населения почти в два раза превосходят соответствующие показатели среди детей, которые к коренному населению не относятся (65,9 процента против 36,2 процента) (UNICEF and Central Institute for Fiscal Studies, 2011). Хотя обследования, проведенные в Индии, показывают, что доля детей с недостаточным питанием за этот же период сократилась на треть — с 26 процентов до 17 процентов, более подробные данные говорят о прежнем сохранении проблемы замедленного роста и других проявлений недостаточного питания, отставания в весе и анемии среди мужчин и женщин, которые затрагивают от четверти до более чем половины населения (FAO, 2013a). Ограниченность подборок национальных и глобальных данных обуславливает дефицит информации по гендерным аспектам голода (см. вставку II).

164. Проблема голода затрагивает преимущественно сельские районы, в которых проживает приблизительно 80 процентов жителей планеты, страдающих от голода, среди которых — мелкие землевладельцы (50), безземельные работники (20) и люди, существующие за счет скотоводства, рыболовства и лесных ресурсов (10) (UNDP, 2005). Парадоксальность ситуации, когда производители

продовольствия и их дети голодают, наглядно иллюстрирует пример с женщинами и детьми, которые, работая на коммерческих сельскохозяйственных плантациях Южной Африки, повсеместно сталкиваются с нехваткой продовольствия. Из-за роста цен на вводимые ресурсы фермеры, ведущие товарное хозяйство, прилагают «неустанные усилия, с тем чтобы сэкономить на рабочей силе», переводя рабочих на поденный режим; это имеет катастрофические последствия для работающих на фермах женщин в плане как наличия оплачиваемой работы, так и низкой оплаты их труда³⁰. В других регионах женщины также чаще сталкиваются с продовольственной проблемой. В Бангладеш, Индии и Пакистане у более чем одной трети всех взрослых женщин наблюдается недостаточный вес (Von Grebmer and others, 2013). Голод существует параллельно с другими формами уязвимости и изоляции. В Индии в основном от него страдают женщины из низших каст и изолированных племен, которые относятся к двум нижним квинтилям по уровню благосостояния, а также сельские жители (Gillespie, Harris and Kadiyala, 2012; FAO, 2011).

Вставка II

Данные о продовольственной безопасности: одно из основных препятствий

Пробелы в данных — один из основных факторов, затрудняющих гендерный анализ и наблюдения за реализацией права на продовольствие. Например, чаще всего используемые и подбираемые международные серии данных — о доле детей в возрасте до 5 лет с недостаточностью питания или с пониженной массой тела — не содержат практически никакой информации с разбивкой по полу. Сбор данных с разбивкой по полу производится лишь на национальном уровне по ограниченному числу международно сопоставимых показателей, как, например, по массе тела и по недостаточности некоторых питательных микроэлементов.

Продовольственная и сельскохозяйственная организация Объединенных Наций (ФАО) разработала обширный комплекс показателей, охватывающий различные составляющие продовольственной безопасности (наличие, материальная доступность, физическая доступность, использование, уязвимость) и проводимую деятельность (обеспечение доступа, использование) (ФАО, 2013а). Однако всего 1 из 40 показателей можно считать гендерными показателем: анемия среди беременных. Для оценки осуществления женщинами права на продовольствие необходимо будет учитывать факторы, определяющие их продовольственную безопасность, с разбивкой по полу, как, например, доступность для женщин земли и других ресурсов, использование времени и возможности в плане принятия решений.

Кроме того, хорошо разработаны экономические данные о ценах на продовольствие и рынках, используемые для расчета глобальных агрегированных показателей: цены на мировом рынке на кукурузу, рис, сахар и другие сырьевые товары отслеживаются и публи-

³⁰ См., например, Fatima Shabodien, “Women farm workers dying for food”, Oxfam online discussion essay series on making the food system work for women (2012), представлено на веб-сайте <http://blogs.oxfam.org/en/blogs/women-farm-workers-dying-food> (информация получена 18 июля 2014 года).

куются ежемесячно. Это имеет большое значение для понимания общей рыночной обстановки. Однако существует потребность в более дезагрегированной информации в областях, в которых не проводится такого систематического наблюдения, но которые при этом имеют исключительно важное значение для мониторинга обеспеченности людей продовольствием, в том числе в отношении цен на национальном и местном уровнях и соотношения доходов и цен.

С. Структурные сдерживающие факторы и составляющие продовольственной безопасности

1. Парадокс изобилия

165. На протяжении большей части XX века голод рассматривался как проблема дефицита снабжения на национальном и глобальном уровнях. Например, на Всемирной конференции по вопросам продовольствия, которая проходила в 1974 году, продовольственная безопасность была определена следующим образом: «Обеспечение в любое время достаточного снабжения основными продуктами питания для поддержания устойчивого расширения потребления продовольствия и для компенсации колебаний в производстве и ценах» (United Nations, 1975).

166. Однако, поскольку проблема голода сохранялась, даже несмотря на то, что в период с 1970-х по 1990-е годы мировое производство повышалось, а цены на продовольствие снизились, многие эксперты в области продовольственной безопасности и политики в этой сфере поставили под сомнение правильность такого понимания продовольственной безопасности (Hoddinott, 1999; Longhurst, 1988; Sen, 1982). Таким образом, проблема голода все чаще понимается как проблема распределения и доступа, а не проблема производства и снабжения. Подход к проблеме голода и массового голода с точки зрения прав, разработанный Амартией Сеном (Sen, 1982; Drèze and Sen, 1991), а также подходы, основанные на международных нормах в области прав человека, образовали интеллектуальный и этический базис для опирающегося на права человека подхода к продовольственной безопасности. Сен утверждает, что массовый голод случается даже в условиях обильного снабжения, поскольку отдельные лица и семьи лишаются средств для приобретения продовольствия (фактор прав). Были определены три средства доступа или осуществления прав: обмен на основе заработной платы, собственное производство и социальная помощь, которые также применимы и к ситуациям эндемического или глубоко укоренившегося и хронического голода и недостаточного питания (Drèze and Sen, 1991).

167. Возможность полноценного питания зависит не только от доступа к продовольствию и его использования, но и от других факторов, таких как хорошее состояние здоровья, высокий уровень знаний, право голоса в решении семейных вопросов, а также многие другие. Явления голода и недостаточного питания обусловлены целым рядом экономических, социальных и политических факторов, которые влияют на способность человека потреблять и использовать продовольствие в соответствии с нормами по количеству и качеству. Другим исключительно важным компонентом является стабильность доступа (Drèze and Sen, 1991).

168. Важными факторами обеспечения продовольственной безопасности являются доходы семей, национальные доходы и экономический рост. У домашних хозяйств с доходом ниже уровня бедности на продовольствие уходит примерно половина или более от общего объема расходов. Обильное производство вызывает снижение цен как на отечественные, так и на импортируемые товары. Однако эти процессы происходят не автоматически: в парадоксе изобилия голод и недоедание сохраняются в условиях обильного и растущего производства и доходов. Этот парадокс иллюстрируют три тенденции, описанные в пунктах 171–173.

169. Во-первых, производство продовольствия даже опережало рост численности населения во всех регионах³¹, и показатели продовольственной обеспеченности на душу населения за последние два десятилетия по всему миру улучшились. На страновом уровне достаточность снабжения продовольствием непосредственно связана с распространенностью проблемы недостаточного питания, поскольку последний показатель обеспеченности продовольствием является оценочным и рассчитывается по аналогии с уровнем калорий. Однако обеспеченность продовольствием не связана с другими показателями питания, включая задержку в росте (FAO 2013с). В странах с достаточным снабжением калориями из продуктов питания может быть распространена проблема задержки в росте, как, например, в Бангладеш, Гане и Непале. Устойчивость проблемы неадекватного питания часто объясняется неэффективным использованием потребляемого продовольствия. Однако это может также быть следствием неравномерного распределения имеющегося продовольствия в стране и в рамках домашнего хозяйства.

170. Во-вторых, проблемы голода и неадекватного питания сохраняются, причем последняя даже приобретает более острую форму — ожирения — и в таких богатых странах, как Соединенные Штаты, и в странах верхнего сегмента стран со средним уровнем дохода, таких как Южная Африка. Обострение проблемы неадекватного питания свидетельствует о том, что семьи сталкиваются с трудностями при обеспечении продовольствием в силу существующего порядка распределения дохода, уровней цен, социальных выплат и физического наличия содержащих необходимые питательные элементы продуктов, снабжение которыми все в большей степени осуществляется глобальными продовольственными компаниями и сетями супермаркетов. Происходит изменение структуры рациона по мере того, как люди все больше питаются покупными полуфабрикатными продуктами вместо традиционных блюд, которые содержат больше клетчатки, минералов и витаминов. С острейшей проблемой голода столкнулись такие страны со средним уровнем дохода, как Гана, Гватемала, Намибия и другие. Ухудшилось положение в Гватемале, в которой показатель Глобального индекса голода в 2013 году был хуже, чем в 1990 году (International Food Policy Research Institute, 2013).

171. В-третьих, хотя в развивающихся странах основным источником средств для приобретения продовольствия являются доходы домашних хозяйств, снижение показателей недостаточного питания в период с 1990 года (на 9 процентных пунктов — с 24 процентов до 15 процентов) отставало от темпов снижения масштабов нищеты в силу низкого дохода (на 23 процентных пункта — с 47 процентов до 24 процентов). Кроме того, результаты межстранового анализа показывают, что более высокие уровни нищеты связаны и с большей рас-

³¹ Индекс производства продовольствия, установленный на уровне 100 для 2004–2006 годов, в 2012 году составлял 118,0 против 75,3 в 1994 году.

пространенностью проблемы недостаточного питания, однако при весьма значительных различиях. Отсутствие взаимозависимости между уровнями дохода и масштабами голода проявляется еще более наглядно при рассмотрении проблемы задержки в росте и недостаточности питательных микроэлементов. Например, в Гане был достигнут стремительный прогресс по линии сокращения масштабов нищеты, вызванной низким доходом, среди домашних хозяйств и недополучения калорий из продуктов питания. Однако проблема неадекватного питания сохраняется, и отставание в росте отмечалось почти у четверти детей, которые в 2011 году были моложе пятилетнего возраста, хотя такой показатель представлял собой улучшение по сравнению с 1994 годом, когда задержка в росте отмечалась у каждого третьего ребенка в возрасте до пяти лет (FAO, 2013с).

172. Сохранение проблемы неадекватного питания на фоне роста доходов домашних хозяйств часто объясняется нарушениями в механизме утилизации пищи, связанными с санитарно-гигиеническими условиями и состоянием окружающей среды, например отсутствием доступа к чистой воде и средствам санитарии (FAO, 2013с). Однако гендерный анализ сдерживающих факторов структурного характера может вскрыть и другие причины, в частности неэффективное распределение адекватных в плане питательных элементов продуктов в рамках домашних хозяйств (Drèze and Sen, 1991; Harriss, 1995).

2. Продовольственная безопасность и гендерное равенство

а) Гендерное равенство, права и возможности

173. Право на продовольствие и подход, основанный на правах, заключают в себе принципы представленности и равенства. Точно так же, как основанный на правах подход ориентирован на проблему голода, вызванного утратой тем или иным лицом средств для приобретения продовольствия, право на продовольствие «не является правом на минимальный рацион калорий... или правом на получение пищи. Речь идет о гарантии права на то, чтобы обеспечить продуктами питания самого себя...» (De Schutter, 2011). Центральное место в концепции прав человека занимает выбор человеком пути удовлетворения этих связанных с питанием потребностей и наличие у него для этого средств. Таким образом, способность человека приобретать имеющие питательную ценность продукты находится в тесной связи с другими аспектами возможностей и прав этого человека.

174. За счет переноса центра внимания с множеств (например, страна, община, семья) на человека подход с позиции прав человека позволяет анализировать проблему продовольственной безопасности в гендерной плоскости. В рамках этого подхода может быть начато исследование внутрисемейной динамики распределения продовольствия с разбивкой по полу и возрасту и с анализом роли женщин в обеспечении продовольствием семьи и общины, в ведении хозяйства и принятии решений.

175. Центральная роль женщин в производстве продовольствия и в использовании продуктов питания в семье, а также важное значение гендерных связей для продовольственной безопасности отражены в большом количестве документов (Agarwal, 2012). Результаты проводившихся на протяжении десятилетий исследований со всей очевидностью свидетельствуют о том, что по сравнению с мужчинами у женщин как производителей меньше возможностей для получения ресурсов сельскохозяйственного производства, таких как земля, ак-

тивы общей собственности, техника и домашний скот, кредиты и другие финансовые услуги, а также усовершенствованные факторы производства (Agarwal, 2012; FAO, 2011). «Сдерживающие структуры» (Folbre, 1994) и различные проявления неравенства, которые препятствуют осуществлению женщинами права принимать решение и распоряжаться активами и доходами, в значительной степени обусловлены существованием таких социальных и экономических институтов, как, в частности: а) дискриминационные законы и социальные нормы, установки и практика, закрепляющие равенство в распределении прав и обязанностей и в доступе к ресурсам; б) гендерное разделение труда, при котором неравное и тяжелое бремя неоплачиваемой работы по уходу и неоплачиваемого труда в семье в сельскохозяйственном секторе возлагается на женщин и девочек; в) гендерная дискриминация на рынках труда, которая ограничивает возможности женщин в плане получения достойной работы; и д) обусловленное гендерными причинами неравенство в обладании властью, которое существует как в частной, так и в общественной сферах и ограничивает возможности женщин и девочек, связанные с принятием решений. Как показано ниже, во многих случаях эти сдерживающие факторы усиливаются в контексте ухудшения состояния окружающей среды и изменения климата.

176. Эти системные неблагоприятные факторы, с которыми сталкиваются женщины, пересекаются и с другими формами неравенства и изоляции по признаку низкого дохода, принадлежности к той или иной группе (этнической, расовой) и места проживания. Например, женщинам из числа коренного населения, которые проживают в сельских районах, как правило, особенно трудно получить землю и жилье (Hernández Castillo, 2002). Аналогичным образом, женщины из низших каст во многих случаях относятся к наименее оплачиваемым сегментам рынка труда (Harriss-White and Gooptu, 2001).

177. Эти взаимосвязанные и имеющие структурный характер формы неравенства ограничивают возможности женщин в плане адекватного питания, будь то за счет собственного хозяйства, приобретения продуктов питания на заработанные средства или в порядке осуществления своего права на социальную помощь (например, в виде наличных или продуктов питания). В дополнение к этим трем факторам девочки и женщины могут оказаться в ущемленном положении при распределении продовольствия внутри семьи, когда их питание в количественном и качественном отношении уступает тому, что получают мужчины и мальчики, чему имеется достаточно примеров, в особенности в Южной Азии (Harriss, 1995). Эти внутрисемейные отношения формируются жесткими социальными нормами и негласными правилами. Однако проблема заключается в том, что когда такие нормы и правила несправедливы, женщины не могут заявлять о своих правах человека, поскольку механизмов подотчетности нет и компенсация зачастую не предусмотрена (Elson, 2002).

б) Источники средств к существованию в сельских районах и ограничительные структуры гендерного характера

178. Во многих частях мира важным источником обеспечения продовольственной безопасности и средств к существованию в целом является собственное хозяйство мелких землевладельцев. На сельское хозяйство по-прежнему приходится 47 процентов общей занятости в Южной Азии (2010–2012 годы) и более 50 процентов в большинстве субсахарских африканских стран, по которым имеются соответствующие данные о рабочей силе, хотя удельный вес это-

го сектора в ВВП значительно меньше (18 процентов в Южной Азии и 14 процентов в странах Африки, расположенных к югу от Сахары) (World Bank, 2014).

179. В отличие от классического перехода от сельского хозяйства к промышленному производству (а далее от него — к услугам), который имел место в промышленно развитых странах с высоким доходом, в нынешних условиях глобализации производственный сектор развивающихся стран не в состоянии поглотить рабочую силу, которая высвобождается в сельском хозяйстве (UNRISD, 2010; Li, 2011). В то же время малоземельное сельское хозяйство подвергается все большему давлению в качестве реального источника средств к существованию, что приводит к росту сельской нищеты и миграции из сельских районов. В условиях ухудшения состояния окружающей среды чаще всего именно мужчины в трудные времена мигрируют, а женщины остаются и работают на все более неплодородной земле, одновременно отвечая за благополучие дома и семьи (Skinner, 2011). Помимо экологических моментов, другим фактором этого процесса, как отмечается ниже, являются сдвиги в происходящем в политической обстановке, когда стратегии либерализации приводят к прекращению государственных инвестиций в сельское хозяйство и поддержки сельского хозяйства.

180. Женщины-фермеры сталкиваются как с традиционными, так и с новыми препятствиями в связи с обеспечением продовольственной безопасности. Многие из них имеют системный характер и связаны с прекращением в 1980-е и 1990-е годы государственной поддержки, обеспечивавшей доступ к усовершенствованным технологиям, кредитам, вводимым ресурсам и рынкам. Другие сдерживающие факторы кроются в социальных структурах и властных отношениях, включая отсутствие гарантированного права на землю, слабые позиции в спорных вопросах в семьях и неравноправный доступ к ресурсам и рынкам (FAO, International Fund for Agricultural Development and International Labour Office, 2010). В развивающихся странах большинство фермеров владеют небольшими хозяйствами или работают на малых фермах, часто в маргинальных условиях, и/или в качестве безземельных работников. Традиционные институционализованные препятствия для владения женщинами землей через наследование, покупку или программы земельной реформы хорошо известны и сохраняются (Jacobs, 2010). Хотя общемировых подборок данных, демонстрирующих гендерное неравенство в плане доступа к земле и владения землей нет, имеющаяся информация о гендерных различиях в вопросах владения землей в ряде стран свидетельствует о существенных пробелах в различных частях мира: в Непале женщины владеют землей меньше, чем в 14 процентах от общего числа имеющих землю сельских семей; в Китае на долю женщин приходится 70 процентов от общего числа работников ферм, не имеющих собственной земли; в Кении женщины составляют лишь 5 процентов от всех зарегистрированных землевладельцев; в Бангладеш и Пакистане землевладения семей, возглавляемых мужчинами, более чем в два раза превосходили по размеру землевладения семей, возглавляемых женщинами (Agarwal, 2012).

181. В результате обзорных исследований, проведенных недавно в трех различных региональных контекстах, были получены данные об активах на индивидуальном уровне по Эквадору, Гане и Карнатаке (Индия), иллюстрирующие масштабы гендерного неравенства в области землевладения. В Эквадоре на национальном уровне женщины составляют 52 процента от общего числа землевладельцев; в Гане этот показатель составляет 36 процентов, а в штате Карн-

атака (Индия) на долю женщин приходится лишь 20 процентов (Doss and others, 2011). Различия между этими данными свидетельствуют о сильном влиянии режимов брака и наследования на земельные права женщин. В Эквадоре существует режим «частичной совместной собственности» супругов, который означает, что все имущество, за исключением наследства, приобретенное любым из супругов в период брака, принадлежит им обоим. В Гане и Карнатаке (Индия) действует режим «разделения имущества» супругов, который означает, что активы, приобретенные в период брака, принадлежат исключительно тому лицу, которое их приобрело. В Эквадоре землю наследуют дети обоих полов, в то время как в Гане и Индии в вопросах наследования значительное предпочтение отдается мальчикам. Кроме того, результаты обследований по этим же трем странам свидетельствуют о связи между земельными правами женщин и степенью их участия в принятии решений по сельскохозяйственным вопросам (что выращивать, сколько продавать, какие вводимые ресурсы использовать и т.д.) (Deere and others, 2013). Таким образом, когда женщины владеют землей, они получают больше прав распоряжаться производимой ими продукцией и решать, использовать ли ее для удовлетворения потребностей своих семей в продовольствии.

182. В последние десятилетия во всех регионах, за исключением Европы, доля женщин в сельскохозяйственной рабочей силе возрастала и в Азии достигла 43 процентов (что, по всей вероятности, объясняется тем фактом, что не женщины, а мужчины покидают сельское хозяйство и ищут работу в других секторах). Женщины больше мужчин привязаны к сельскому хозяйству; в 2008 году из общего количества работников 57 процентов женщин в Азии и 63 процента в Африке были заняты трудом, связанным с сельским хозяйством (Agarwal, 2012). В частности, что касается производства продовольствия, то результаты анализа затрат времени в некоторых частях субсахарской Африки, Индии и Китая свидетельствуют о том, что женщины выполняют значительную часть работы, требуемой для того, чтобы доставить продукты до стола, если произвести суммарный подсчет времени, которое расходуется на производство продуктов питания, их переработку и приготовление еды (Doss, 2011). Однако большая часть женщин занимается ведением подсобного хозяйства и «не могут вырваться из круга низкой продуктивности» (Agarwal, 2014).

183. Женщинам принадлежит важная роль в производстве сельскохозяйственной продукции, и их работа оказывает позитивное влияние на национальное сельскохозяйственное производство. Бытующее мнение о том, что «женщины производят 60–80 процентов от общего объема мирового продовольствия», возможно, разделяют многие, хотя эмпирическим путем его проверить нельзя (Doss, 2011). Однако, возможно, такое статистическое заявление «заслоняет сложную глубинную реальность того, что труд женщин в сельском хозяйстве не может быть с точностью отделен от других затрат их времени; и не может быть отделен от труда мужчин; и невозможно надлежащим образом понять труд женщин в сельском хозяйстве без понимания также различий в плане доступа к земле, капиталу, активам, человеческому капиталу и другим производственным ресурсам» (Doss, 2011). Необходимы более качественные данные не только для понимания вклада женщин-фермеров в производство продовольствия, который во всех отношениях является значительным, но и для осознания многочисленных стоящих перед ними трудностей, чтобы сформулировать стратегии для непосредственной ликвидации этих ограничивающих факторов.

184. Изменение климата по-разному сказывается на положении мужчин и женщин, и во многих случаях усугубляет те трудности, которые уже ставят в

уязвимое положение женщин, для которых источником средств к существованию служит сельское хозяйство. В силу отсутствия у женщин гарантированных прав владения они порой вынуждены работать на менее плодородной земле и лишаются возможности получать сельскохозяйственные знания. Менее предсказуемые осадки, участвовавшие наводнения и засухи и более частые неурожай означают, что необходимо увеличить объем инвестиций в технологию или удобрения — ресурсы, к которым женщины имеют более ограниченный доступ, чем мужчины. Распространение сельскохозяйственных знаний приобретает еще большее значение, поскольку это помогает фермерам адаптироваться к изменению климата и выработать более устойчивые к климатическим факторам методы деятельности, однако охват женщин этой работой недостаточен. По мере того как сельскохозяйственная работа становится все более трудоемкой, бремя дополнительной работы во многих случаях ложится на женщин. Неблагоприятные последствия климатических изменений для здоровья увеличивают объем неоплачиваемой работы женщин, поскольку они несут основную ответственность за благополучие своих семей. Это сказывается на состоянии здоровья женщин и на их благосостоянии и ограничивает время, которое они могут посвящать другим приносящим доход видам деятельности. При меньших резервных активах и более ограниченном доступе к альтернативным источникам дохода последствия изменения климата для наиболее неблагополучного в плане обеспеченности продовольствием населения, и для женщин в частности, чрезвычайно негативны — они затрудняют выход из замкнутого круга низкопродуктивной работы, нищеты и нехватки продовольствия (Skinner, 2011).

185. У женщин из числа членов фермерских домашних хозяйств и безземельных работников в сельской, полугородской и городской местности реализация права на продовольствие в значительной степени зависит от достаточного уровня оплаты их труда, о чем Сен (1982 год) говорит как об «обмене правами». Рынки труда в сельской местности характеризуются значительной гендерной сегрегацией, и женщины чаще, чем мужчины, оказываются занятыми в секторах с низкой заработной платой и без надлежащей социальной защиты. Поступление женщин на оплачиваемую работу в таких условиях порой обусловлено тяжелым материальным положением, связанным с ростом долгов или утратой заработка других членов семьи (FAO, 2011). Даже в относительно новых секторах, таких как садоводческое производство на экспорт, в нескольких странах, включая Мексику и Чили в Латинской Америке и Кению и Уганду в субсахарской Африке, женщины образуют непропорционально большую долю низкооплачиваемых временных и сезонных работников (Barrientos and Evers, 2014).

186. Хотя получаемые женщинами доходы могут иметь исключительно важное значение для освобождения их семей от нищеты, неблагоприятные условия на неформальных рынках труда в сельской местности не позволяют женщинам благополучно обменивать свои заработки и доходы на достойные условия жизни, включая достаточное и устойчивое снабжение продуктами питания. Кроме того, имеются факторы гендерного характера, не позволяющие женщинам полноценно контролировать свои доходы и принимать решения об их использовании (Kabeer, 2007). Для осуществления такого обмена правами исключительно важно урегулировать заработки и доходы низкооплачиваемых и неформальных работников. Это не всегда легко в силу ограниченного влияния местных профсоюзов в сельских районах. В то же время в Уганде женщины, работающие на плантациях цветов, при поддержке международной неправительственной организации «Женщины, работающие по всему миру» провели успешную кампанию за повышение оплаты сверхурочной работы, нормализацию режима рабо-

ты и свободу ассоциации, хотя из-за инфляции 2010–2011 годов (Barrientos and Evers, 2014). Барриентос и Эверс, 2014).

187. Актуален в этой связи с гендерной точки зрения вопрос о распределении продовольствия внутри семьи. Этот фактор может не поддаваться политическому влиянию, однако облегчение положения семей, испытывающих проблемы с питанием, будь то через общую материальную поддержку, продовольственные субсидии или программы школьного питания, может ослабить негативные последствия внутрисемейного распределения продовольствия по гендерному признаку. Соответственно, если семьи испытывают нехватку продовольствия, такое предвзятое отношение скорее всего будет усиливаться, что будет иметь крайне негативные последствия для здоровья и питания женщин и девочек. Таким образом, в условиях нынешних скачков цен на продовольствие сокращение продовольственных субсидий в рамках программ жесткой экономики, осуществляемых во многих развивающихся странах, вызывает серьезную озабоченность (Hossain, King and Kelbert, 2013; UN-Women, 2014). Широкая программа действий для правительств и гражданского общества заключается в том, чтобы повысить уровень осведомленности о правах женщин и девочек на питание и создать условия, позволяющие им добиваться осуществления этого права своим противодействием гендерным предрассудкам и дискриминации в сфере распределения продовольствия внутри семей.

188. Ограничения, имеющие давнюю историю, о которых говорилось выше, в сочетании с новыми проблемами, вызванными преобразованиями системы и рынков продовольствия, которые обсуждаются в следующем разделе, отрицательно сказываются на положении испытывающих проблемы с продовольствием людей и семей в самых различных ситуациях, когда они выступают как потребители и как производители. В то же время они особенно тяжело сказываются на мелких землевладельцах, которые, как уже отмечалось, также образуют самую многочисленную группу населения, испытывающую проблемы с продовольствием.

D. Новые проблемы: глобальная продовольственная система

189. Системы производства и распределения продовольствия XXI века в значительной степени отличаются от систем предыдущего столетия и создают новые угрозы для продовольственной безопасности, в частности для неимущих семей в неимущих странах, зачастую с последствиями, обусловленными гендерными факторами (High-level Panel of Experts on Food Security and Nutrition, 2011; von Braun, 2014).

190. Первой причиной такого изменения является коренной сдвиг на глобальном рынке. Если 1970, 1980 и 1990-е годы характеризовались изобилием производства и низкими международными ценами на продовольствие, то на данном этапе отмечаются рост и крайняя нестабильность мировых рыночных цен и факторы, препятствующие производству. Объем помощи в целях развития, направляемой на сельское хозяйство, резко сокращался в 1980-е и 1990-е годы вплоть до 2000-х годов. В то же время международные финансовые учреждения рекомендовали правительствам развивающихся стран уменьшить объем государственного инвестирования в сельское хозяйство и в сельскохозяйственные исследования. Это сопровождалось низкими урожаями, особенно в сельском хозяйстве тропических стран, и снижением плодородия земель. В то же время большая открытость торговли и усиление ориентации фермеров на ры-

нок стимулировали переход от пищевых культур, в большей степени приспособленных к местным экологическим и социальным условиям, к товарным культурам, производство которых требует приобретения факторов производства. С сокращением государственного финансирования закупок необходимых ресурсов для сельского хозяйства фермеры, особенно из числа женщин, оказались во власти крупных поставщиков семян и удобрений, сбытовых агентов и кредиторов (Ghosh, 2010). Эти факторы способствовали возникновению затяжных сельскохозяйственных кризисов во многих развивающихся странах.

191. После начавшегося в 1970-х годах периода низких цен, продолжавшегося десятилетиями, в начале 2000-х годов мировые цены на продовольствие начали расти и особенно резко подскочили в 2007–2008 годах. Хотя внутренние цены не всегда следуют международным ценовым тенденциям и уровням, резкие повышения цен в 2007 и 2008 годах привели также к резкому росту цен на продукты питания в большинстве развивающихся стран (High-level Panel of Experts on Food Security and Nutrition, 2011). Таким образом, увеличение мировых рыночных цен создает угрозу для продовольственной безопасности неимущих семей. Например, рост цен на основные зерновые культуры в 2011 году повлек за собой увеличение стоимости 1 килограмма пшеницы — с 0,15 долл. США до 0,30 долл. США во многих развивающихся странах, что особо отразилось на людях, живущих менее чем на 1 доллар США в день (von Braun, 2014). В странах с низким уровнем дохода на продовольствие приходится значительная доля расходов неимущих семей. В странах Азии и Африки, по которым имеются данные, расходы на продовольствие в начале 2000-х годов, до кризиса 2007–2008 годов составляли в целом более 50 процентов (например, 76 процентов в Кении, 75 процентов в Пакистане, 63 процента на Филиппинах), тогда как в Западной Европе и Северной Америке на продовольствие приходилось 10–25 процентов расходов (например, 24 процента во Франции, 18 процентов в Соединенных Штатах, 11 процентов в Нидерландах) (FAO, 2013a).

192. Хотя теоретически более высокие цены могут способствовать росту доходов и стимулировать производство, на самом деле, когда фермеры не имеют необходимых средств производства и ресурсов, они в меньшей степени способны реагировать на такие ценовые стимулы. Кроме того, рост цен далеко не всегда приносит практическую пользу фермерам. Домашние хозяйства приспосабливаются к такому сокращению возможностей для приобретения продовольствия разнообразными способами, в том числе переходя на менее дорогостоящее и менее разнообразное питание, в котором часто отсутствуют важнейшие питательные элементы, особо важные для беременных и для детей младшего возраста. Результаты исследований в 11 странах с имеющимися данными говорят о том, что в 8 из этих стран в период с 2007 по 2010 год либо увеличилось число недоедающих, либо замедлилось улучшение в области питания (von Braun, 2014). Основные тяготы, связанные с нехваткой продовольствия, ложатся на женщин, которые часто сокращают свой рацион в пользу других членов семьи и проводят больше времени за приготовлением пищи и обработкой продуктов, что увеличивает объем выполняемой или неоплачиваемой работы по дому (Quisumbing and others, 2008). По оценкам ФАО, в период 2007–2009 годов примерно на 173 миллиона человек общее число недоедающих увеличилось (High-level Panel of Experts on Food Security and Nutrition, 2011).

193. Второй фактор, который следует принимать во внимание, — это вероятность сдвигов в производственном потенциале в разных частях мира под влиянием изменения климата с соответствующими последствиями для производительности и цен. Результаты исследований убедительно свидетельствуют о крайне негативных последствиях для фермеров в местах с наиболее уязвимой средой (Nelson and others, 2009). Как отмечалось Группой экспертов высокого уровня по вопросам продовольственной безопасности и питания (2012 год), опасность утраты продовольственной безопасности обусловлена биофизическими и социально-экономическими причинами: «изначальная уязвимость усугубляет подверженность неимущих групп населения негативным последствиям изменения климата при ухудшении под его влиянием социальных, экономических и агроэкологических условий. С 1975 года в результате бедствий погибло более 2,2 миллиона человек, причем две трети людских потерь и экономического ущерба в результате бедствий приходилось на связанные с климатом штормы, наводнения, засухи, тепловые волны и другие погодные явления (United Nations, International Strategy for Disaster Reduction (secretariat), 2009).

194. Повышение температуры, изменение режима осадков и природные катаклизмы будут повышать вероятность неурожая, уменьшать урожайность культур и способствовать размножению вредителей и сорняков. Исследования различных сценариев, проводившиеся Международным исследовательским институтом по разработке продовольственной политики, предсказывают значительное снижение урожайности и производства пшеницы, риса и кукурузы в наиболее неблагополучных регионах в продовольственном отношении: Южной Азии и субсахарской Африке (Nelson and others, 2009). Особую опасность изменения климата и его неустойчивость, в частности проявляющиеся в засухах, представляют для сухоземельного земледелия в засушливых и полусухих регионах, где проживает более 40 процентов мирового населения и более 650 миллионов беднейших и наиболее неблагополучных в продовольственном отношении людей. В некоторых регионах мира сельскохозяйственное производство приурочено к низменным прибрежным районам, которые в настоящее время отличаются высокой плотностью населения. Для этих регионов, и особенно малых островных государств, наиболее серьезную угрозу, связанную с изменением климата, представляют вторжение соленой воды, повышение уровня моря и все более частые наводнения (High-level Panel of Experts on Food Security and Nutrition, 2012). Если не будет производиться инвестиций на цели адаптации к изменению климата, уровень недоедания среди детей к 2050 году может повыситься на 20 процентов, что сведет на нет достижения предыдущих десятилетий (Nelson and others, 2009). По всей вероятности, последствия будут особенно тяжелыми для женщин-мелких землевладельцев, которые располагают наименьшими средствами для адаптации к меняющимся условиям, в значительной степени в силу факторов, ограничивающих их доступ к таким ресурсам, как кредиты, информация и средства, способствующие реализации адаптивных стратегий производства (Agarwal, 2012; Quisumbing and others, 2008).

195. Изменение климата и курс на сокращение выбросов в странах с высоким уровнем дохода также вызвали развитие индустрии биотоплива; производство биотоплива с начала 2000-х годов резко возросло. Например, в период с 2000–2002 по 2007–2009 годы производство этанола возросло более чем в пять раз в Соединенных Штатах и Европейском союзе и более чем удвоилось в Бразилии. Если крупнейшими потребителями биотоплива являются Европейский союз,

Соединенные Штаты, Бразилия, Китай и Индия, то производство в основном сконцентрировано в Соединенных Штатах и Бразилии, на долю которых суммарно приходится 75 процентов от мирового производства этанола, в то время как Европейский союз производит почти 80 процентов биодизельного топлива из канолы. Группа экспертов высокого уровня по вопросам продовольственной безопасности и питания (2011) разъясняет, что это «стало возможным исключительно благодаря массивной государственной поддержке: субсидии, освобождение от налогов и обязательное использование в бензине, [которая] в 2009 году ... в Европейском союзе и в Соединенных Штатах достигла порядка 8 млрд. долл. США ... но при этом уменьшилась поддержка сельскохозяйственного производства, как внутреннего, так и в других странах по линии оказания помощи неимущим странам».

196. Третья причина, вызвавшая такое изменение, заключается в том, что продовольствие в качестве сырьевого товара, торговля которым ведется на глобальном уровне, было интегрировано в более сложный финансовый рынок, который не только тесно связан с топливом, но также находится во взаимодействии с другими механизмами финансового рынка. Скачки цен 2007–2008 годов были связаны с топливным и финансовым кризисами 2008 года. Хотя они и не были единственным фактором, влиявшим на цены, изменения спроса и предложения в значительной степени объясняют повышательное давление на мировые рыночные цены, многие считают, что скачки цен на некоторые сырьевые товары могли в определенной степени быть вызваны спекулятивной деятельностью (Ghosh, 2010; High-level Panel of Experts on Food Security and Nutrition, 2011).

197. Четвертый аспект этого сценария связан с экономической политикой на национальном и международном уровнях, которая изменилась, но не сбалансированным образом. В XX веке производители в разных частях мира пользовались поддержкой своего национального государства в форме самых различных мер на уровне политики, государственных инвестиций и поддержки цен, а также мер по стабилизации, включая поддержание резервных запасов (De Schutter, 2011). В 1980-х и 1990-х годах большинство развивающихся стран прекратили такую поддержку в рамках либерализации и структурной перестройки. Однако в странах ОЭСР такие изменения в сельскохозяйственной политике были менее радикальными — здесь сохранились механизмы поддержки фермеров. Субсидирование экспорта и поддержка доходов, которыми пользуются фермеры в развитых странах, вызывают понижение цен на мировых рынках и создают для неимущих фермеров и неимущих стран неблагоприятные конкурентные условия. Результаты такого рыночного давления могут иметь особо неблагоприятные последствия в плане продовольственной безопасности.

198. Значительное влияние на политику поддержки сельского хозяйства внутри стран оказали Соглашение об учреждении Всемирной торговой организации 1994 года, по которому была создана Всемирная торговая организация (ВТО), а также серия многосторонних торговых соглашений. Ограничения в отношении искажающих торговлю мер национальной поддержки в Соглашении о сельском хозяйстве носят противоречивый характер. Развивающиеся страны постоянно выступают против таких положений, заявляя, что подобные меры противоречат целям продовольственной безопасности и сокращения масштабов нищеты (De Schutter, 2011). Этот вопрос вновь подробно рассматривался в ходе девятой Конференции на уровне министров Всемирной торговой организации, которая

проходила в Бали, Индонезия, в 2013 году и на которой 33 развивающиеся страны со значительным числом мелких землевладельцев, представили предложения о пересмотре положений, касающихся возможности правительств закупать продовольствие у национальных производителей по приемлемым ценам для создания государственных резервных запасов.

199. Пятым элементом, обусловившим изменения в условиях возрастающей неустойчивости и роста цен на мировых рынках продовольствия, являются инвестиции в сельскохозяйственные земли, которые часто называют «захватом земель» и размеры которого быстро возросли в период после стремительного повышения цен на продовольственные и сырьевые товары 2006–2008 годов (Borras and others, 2011; GRAIN, 2008). К числу инвесторов относятся иностранные финансовые структуры, такие, как фонды хеджирования и пенсионные фонды, осуществляющие диверсификацию своих портфелей, но также и правительства, стремящиеся гарантировать снабжение продовольствием своего населения. Такие инвестиции — важный фактор, способствующий расширению площадей возделываемых земель, которое в развивающихся странах в период 1990–2007 годов осуществлялось темпами приблизительно 5,5 млн. гектаров в год (Deininger and Byerlee, 2011). Они затрудняют сохранение земли неимущими и бедными фермерами и кочевыми скотоводами, которые во многих случаях лишаются своей земли. Такие фермеры, особенно женщины, чаще всего не имеют гарантированных прав на землю, которую их семьи, возможно, возделывают на протяжении нескольких поколений, из-за отсутствия регистрации или неясностей относительно характера прав на землю, которые часто истолковываются как ограниченные арендопользованием (FAO, International Fund for Agricultural Development and International Labour Office, 2010). Крупные инвестиции в сельскохозяйственные земли могут дать позитивные результаты для общего роста ВВП, производства продовольствия в стране и создания рабочих мест. Они также могут способствовать открытию новых рынков и притоку технологий для сельскохозяйственного сектора, которые могут также приносить опосредованную пользу и мелким землевладельцам (Deininger and Byerlee, 2011). Однако очевидно, что их последствия для бедных фермеров, которые лишаются собственности, чаще всего негативны. Кроме того, нынешний и прошлый опыт позволяет извлечь последовательные уроки относительно негативных последствий лишения имущества для женщин: отсутствие у них возможностей влиять на решения относительно программ переселения; дискриминация в размере компенсации; отчуждение от общей собственности, от которой они в большей степени зависят; и общее ухудшение их благосостояния и снижение статуса (см. вставку III).

Е. Национальные усилия по обеспечению права на питание

200. Нынешний глобальный контекст не благоприятствует осуществлению права на питание, тем не менее у правительств развивающихся стран все же имеется ряд вариантов политики в этой области. Для национальных правительств уделение первоочередного внимания правам человека может быть связано с непростым выбором, когда политика, проводимая в интересах поощрения продовольственной безопасности, потенциально может вступать в противоречие с макроэкономическими задачами и правилами международной торговли (De Schutter, 2011). Те, кто занимается политикой в области продовольствия и пи-

тания, в целом относят к основным приоритетам политики для содействия продовольственной безопасности как общественному благу: а) наращивание объема инвестиций в сельское хозяйство и поддержку мелких землевладельцев, например с помощью исследований и разработок, вложения средств сельскохозяйственное производство, устойчивое к изменению климата, доступа к средствам ирригации, недорогих официальных услуг кредитования и распространения знаний, а также обеспечение того, чтобы женщины-фермеры имели доступ к этим услугам и кредитам; б) устранение гендерной дискриминации в вопросах доступа к земельным ресурсам и сельскохозяйственным услугам; в) действенные меры социальной защиты для повышения покупательной способности домашних хозяйств; и д) инвестиции в социальную сферу для улучшения здравоохранения и образования, особенно для женщин, и тем самым улучшения питания. Как описано ниже, во многих развивающихся странах все чаще принимаются меры, предусматривающие более широкое вмешательство государства.

201. В настоящее время существует широко разделяемое мнение о том, что государствам необходимо вкладывать средства в сельскохозяйственное производство, устойчивое к изменению климата. Группа экспертов высокого уровня по проблемам продовольственной безопасности и питания утверждает, что осуществление на национальном уровне политики в целях укрепления общей устойчивости продовольственной системы к внешним воздействиям с большой вероятностью будет способствовать и адаптации к изменению климата, и делает вывод о том, что растущий объем средств следует направлять не на адаптацию к изменению климата, а на увеличение общих расходов на обеспечение устойчивой продовольственной безопасности, уделяя при этом особое внимание конкретным проблемам, вызываемым изменением климата. Такие подходы будут во многом отражать специфику конкретных районов и должны опираться на знания фермеров, включая мелких землевладельцев из числа женщин. Как отметила Группа экспертов высокого уровня (2011 год), «не может быть экологически устойчивого сельского хозяйства без участия и инициативы мелких землевладельцев».

202. Чтобы отразить конкретные потребности женщин-фермеров в контексте изменения климата и содействовать обмену знаниями и передовым опытом, необходимо реорганизовать систему услуг по распространению знаний, в которой женщинам зачастую не уделялось должного внимания. Кроме того, правительства должны воспользоваться этой возможностью для устранения препятствий для доступа женщин к финансовым услугам, таким как кредиты и микрострахование, чтобы дать им возможность менять методы ведения сельского хозяйства для обеспечения доступа к продовольствию в связи с изменением экологической обстановки (High-level Panel of Experts on Food Security and Nutrition, 2012). Передовая практика на уровне общин включает совершенствование практики водопользования, например создание более действенных систем ирригации и сбора, хранения и использования воды; внедрение методов сохранения почвенной влаги, органических и питательных веществ; и создание общинных банков зерна и семян. В Малави, например, в ряде общин женщины-мелкие фермеры разработали стратегии для преодоления острого дефицита продовольствия с использованием экологических методов выращивания и сбора урожая, которые позволяют им использовать изменения продолжительности сезона дождей для выращивания второго урожая кукурузы (Skinner, 2011).

203. В рамках усилий по поощрению устойчивых и стойких к изменению климата методов сельского хозяйства потребуются мобилизация способностей и знаний женщин. Наглядным примером того, каким образом можно этого добиться, является Организация женщин в поддержку изменений в сельском хозяйстве и использовании природных ресурсов Всемирного союза охраны природы, которая представляет собой глобальную сеть специалистов и фермеров, охватывающую 83 страны. Деятельность сети направлена на расширение доступа женщин к ресурсам и контролю над ними, а также на учет гендерной проблематики в стратегиях развития сельского хозяйства. Эта сеть функционирует на уровне общин, а также работает над тем, чтобы национальная политика, программы и учреждения полнее учитывали потребности и возможности сельских женщин и над обеспечением более эффективного включения женщин в разработку, осуществление и мониторинг такой политики. Форумы подобного рода очень важны, поскольку исследования показывают, что любые простые предположения о якобы полном соответствии политики в области экологически устойчивого сельского хозяйства на местном и национальном уровнях интересам женщин-фермеров могут быть ошибочными (Agarwal, 2014). Поэтому участие женщин в обсуждении вариантов политики исключительно важно.

204. В развивающихся странах обычно использовались такие меры, как регулирование цен, субсидирование производства и стабилизация доходов, регулирование цен на основные продукты питания для уменьшения расходов домохозяйств на питание, а также создание государственных запасов продовольствия для сглаживания колебаний цен, однако начиная с 1980-х годов в условиях либерализации сельского хозяйства эти меры были прекращены. Тем не менее в последнее время в ряде стран вновь возник интерес к использованию этих мер в качестве инструментов политики для сокращения масштабов голода и обеспечения продовольственной безопасности. Во многих случаях их применение дало положительные результаты.

205. Например, практика субсидирования удобрений и семян в развивающихся странах была в основном прекращена в 1980-е годы в рамках программ структурной перестройки. Противники таких субсидий утверждают, что они приводят к искажению цен и зачастую негативно сказываются на системе распределения, принося выгоду богатым производителям и агропредприятиям. Однако в результате более поздних дискуссий начиная с конца 1990-х годов наметилась обратная тенденция к разработке «умных» субсидий, которые носят более адресный характер и способны принести более масштабные социально-экономические выгоды (Tiba, 2011). Новые программы субсидирования производства с недавнего времени реализуются, в частности, в Гане, Кении, Малави, Мали, Нигерии, Объединенной Республике Танзания, Руанде и Сенегале.

206. Другая набирающая популярность программная установка связана с практикой государственных закупок у мелких фермеров, что способствует преодолению институциональных трудностей для фермеров, особенно серьезных для женщин-фермеров, в плане выхода на рынок и справедливого уровня цен, и одновременно обеспечивает поставку более качественных продуктов питания для социальных программ, например школ, больниц и столовых, а также вносит разнообразие в рацион питания за счет включения свежих овощей и зелени. Это один из ключевых аспектов новой политики Индии в области продовольственной безопасности, осуществление которой было начато в 2013 году. В Бразилии этот подход широко используется в качестве одного из основных

элементов всеобъемлющей политики страны в области продовольственной безопасности “Fome Zero” («Искоренение голода»), которая осуществляется с 2003 года и способствовала неуклонному сокращению масштабов голода в сельских районах, особенно среди домашних хозяйств, возглавляемых женщинами. В настоящее время эту программу перенимают ряд стран Африки к югу от Сахары.

207. Создание государственных продовольственных запасов было одной из главных стратегий обеспечения продовольственной безопасности на протяжении всего XX века, однако в 1980-е годы большинство стран отказались от нее в контексте программ структурной перестройки. Критики утверждают, что практика создания таких запасов является неэффективной, нерентабельной, дорогостоящей и сложной в организационном плане и что она оказывает дестимулирующее воздействие на создание запасов продуктами потребителями, что могло бы более эффективно компенсировать колебания в предложении. Тем не менее признается также, что запасы продовольствия являются эффективным инструментом стабилизации цен, а также создают стимул для увеличения сельскохозяйственного производства (FAO, 2011; Cicola, 2011). Многие страны-производители риса в Азии уже давно используют систему буферных запасов, а также монополии на экспорт и импорт и государственные закупки товаров и услуг в качестве дополнительных инструментов стабилизации цен. Буркина-Фасо, Индонезия и Мадагаскар не так давно внедрили у себя эффективные программы создания запасов продовольствия (Cicola, 2011). Кроме того, обсуждаются предложения по созданию международных продовольственных запасов в качестве механизма, обеспечивающего снижение риска резкого повышения цен на мировых рынках продовольствия (Wright, 2012).

208. Другой механизм для обеспечения права на достаточное питание — социальные выплаты (такие, как трансферты в натуральной форме, например посредством прямых государственных поставок субсидируемых продуктов питания). Мелкие землевладельцы и безземельные сельскохозяйственные рабочие особо уязвимы с точки зрения социально-экономических последствий изменения климата, особенно если повышение степени изменчивости климата не сопровождается повышением эффективности мер социальной защиты. В целях укрепления продовольственной безопасности правительства многих стран предоставляют субсидии на продовольствие как сельским, так и городским жителям. Обеспокоенность по поводу нерационального потребления продовольствия, с большой долей порчи и пищевых отходов, а также «утечки» субсидий в небедные слои населения привела к пересмотру таких программ, а иногда и к доводам в пользу их замены на программы перевода наличных средств. Хотя с административной точки зрения переводы денежных средств осуществлять легче, недостатком является то, что покупательная способность таких денежных переводов может быть подорвана в контексте повышения цен на продовольствие. Кроме того, с точки зрения гендерной проблематики вызывает обеспокоенность возможность того, что денежные переводы могут быть использованы на другие хозяйственно-бытовые нужды и приоритеты или на приобретение таких товаров, как алкоголь и табак. Таким образом, чтобы обеспечить продовольственную безопасность, особенно для девочек и женщин, возможно, лучшим вариантом является непосредственное предоставление доступного продовольствия — мнение, которое было решительно поддержано в ходе обследования женщин-обитателей трущоб в Нью-Дели (Ghosh, 2011).

209. В этой связи весьма полезен опыт Бразилии. Описанные выше стратегии, в том числе государственные закупки, использование резервов продовольствия и поддержка уровня цен, входят в состав программы «Искоренение голода», в рамках которой укрепляется каждый из путей (производство, обмен и передача), с помощью которого домашние хозяйства могут приобретать продовольствие. Эта программа также способствует расширению доступа к кредитам, средствам производства и другим ресурсам для мелких землевладельцев, переводам денежных средств (программа семейных пособий “Bolsa Familia”, осуществляемая в основном в интересах женщин), государственным закупкам у семейных ферм, увеличению инвестиций в социальную сферу и поддержанию минимального размера заработной платы, который с 2003 года увеличился более чем в два раза. Продовольственная безопасность неизменно фигурирует в качестве одной из первоочередных задач в различных социально-экономических стратегиях страны, в том числе в торговой политике Бразилии и в ее позиции на многосторонних форумах по выработке политики.

210. В Соглашении по сельскому хозяйству рассматриваются национальные меры по оказанию поддержки сельскому хозяйству и устанавливаются минимально допустимые уровни для мер, нарушающих беспрепятственную торговлю, оценка которых проводится с помощью сложного набора критериев. В целом, положения этого соглашения предоставляют гораздо более широкие стратегические возможности для развитых стран, чем для развивающихся. Уровень поддержки развития сельского хозяйства в развитых странах по-прежнему весьма высок, благодаря широкому кругу государственных субсидий, которые не считаются нарушающими беспрепятственную торговлю мерами и, следовательно, разрешены (Demeke and others, 2012). Что касается развивающихся стран, то для них существует больше ограничений в плане разработки надежного комплекса стратегий обеспечения продовольственной безопасности, отчасти из-за того, что Соглашение по сельскому хозяйству было разработано в 1980-е и 1990-е годы, во времена поощрения развивающихся стран к либерализации этого сектора в целях стимулирования производства. Продовольственная безопасность в бедных странах и домашних хозяйствах тогда не вызывала серьезную обеспокоенность. Многие меры по оказанию поддержки относятся к так называемой «серой зоне», поскольку у стран нет определенности в отношении последствий принятия этих мер для торговли и имеется риск возможных судебных разбирательств (De Schutter, 2011).

211. Помимо общего негативного воздействия этих мер на производителей в развивающихся странах имеются явные несоответствия этих торговых мер и цели ликвидации неприемлемо высоких уровней голода и плохого питания. Поддержка производительности мелких фермеров в развивающихся странах, особенно в странах Африки к югу от Сахары и в Южной Азии, будет способствовать достижению этой цели (De Schutter, 2011). Вторым важным моментом — неравенство в этих правилах международной торговли, в рамках которых меры поддержки доходов фермеров Европейского союза и Соединенных Штатов не обставляются такими же ограничениями, как субсидии для потребителей в Индии. Правила торговли включают и меры, введенные в развитых странах для уменьшения производства в эпоху сниженных цен и изобилия производства. Необходимо изменить эти правила с учетом потребностей XXI века, проблемы высоких цен и возможного давления на производство в связи с изменением

климата, загрязняющими окружающую среду технологиями и конкурентной борьбой за топливо (De Schutter, 2011).

212. Право на питание по-прежнему остается несоблюдаемым правом человека и неотложной глобальной проблемой. В стратегиях по обеспечению продовольственной безопасности необходимо рассматривать структурные причины ограничения доступа населения к продовольствию на местном, национальном и глобальном уровнях. Концептуальные рамки, основанные на предложении, не решают адекватным образом проблемы структурного неравенства, которое ограничивает доступ женщин и девочек к полноценному питанию, будь то на основе собственного производства продуктов питания, обмена доходов на продовольствие, распределения внутри домашних хозяйств или социальных выплат. В рамках новой повестки дня в области продовольственной безопасности в контексте устойчивого развития необходимо переключить внимание на возможности и права людей, на общественные блага и на ключевые факторы, определяющие доступ к питанию. Если процесс обеспечения устойчивого развития будет включать в качестве центрального элемента гендерное равенство, то следует немедленно заняться вопросами доступа и прав, а также структурных факторов, ограничивающих доступ и права — от микроуровня до макроуровня. Решающее значение для успеха этого процесса будут иметь способности женщин, их руководящая роль и полномочия по принятию решений.

V. Народонаселение, устойчивое развитие и гендерное равенство

A. Введение

213. Народонаселение — один из важнейших аспектов устойчивого развития во всех трех его составляющих. Рост и спад численности населения, проживание в городах/сельской местности, миграция, половозрастной состав, а также целый ряд других факторов — все это оказывает влияние на экономический рост и рынки труда, состояние здоровья, окружающую среду и перспективы нынешнего и будущих поколений. Динамика народонаселения может существенно повлиять на возможности обеспечения социально справедливого и учитывающего гендерные факторы подхода к устойчивому развитию. Тема народонаселения вызывает дискуссии о взаимосвязи между человеком и природой, мужчинами и женщинами, молодыми и старыми, богатыми и бедными. В рамках демографической политики основное внимание часто уделяется вопросам охраны здоровья женщин, деторождения и сексуальности. В теориях о динамике народонаселения нищета часто объясняется перенаселенностью, причины ухудшения состояния окружающей среды и дефицита природных ресурсов видятся в росте численности населения или в неэффективном управлении ресурсами со стороны неимущих слоев населения, а обеспечение снижения рождаемости связывается со смягчением последствий изменения климата или предотвращением разрушения окружающей среды (UNDP, 2011).

214. В эпоху изменения климата, финансовой нестабильности и усиления неравенства обеспокоенность по поводу перенаселенности играет важную роль. Рост численности населения сказывается на окружающей природе, человеческом обществе и на перспективах устойчивого развития. Вместе с тем акцент

на росте численности населения отвлекает внимание от вопросов нерациональных моделей и уровней производства и потребления, особенно в плане разительных отличий в распределении ресурсов и уровнях потребления как между странами, так и внутри стран, что создает серьезные трудности для достижения устойчивости. Взаимосвязь между народонаселением и устойчивостью зависит от конкретных условий, а связующим звеном между ними служит целый ряд других факторов — экономических, политических, социальных и культурных.

215. Что особенно важно, уделение слишком пристального внимания вопросу перенаселенности как одной из коренных причин этих проблем нередко приводит к принятию спорных стратегических решений, особенно с гендерной точки зрения. Варианты демографической политики, направленные на принудительное снижение рождаемости, ставят под угрозу человеческое благополучие, достоинство, личную физическую неприкосновенность и независимость и идут вразрез с международными нормами и стандартами. С 1994 года в глобальной стратегической и нормативно-правовой базе произошел существенный сдвиг в связи с признанием сексуального и репродуктивного здоровья женщин и их репродуктивных прав в качестве краеугольного камня стратегий в области народонаселения и развития. В Программе действий Международной конференции по народонаселению и развитию, а также в Пекинской декларации и Платформе действий и в последующих решениях конференций по их обзору подтверждалось, что сексуальное и репродуктивное здоровье и репродуктивные права играют центральную роль в достижении устойчивого развития. В ходе недавнего 20-летнего обзора хода осуществления Программы действий Международной конференции по народонаселению и развитию была особо отмечена необходимость того, чтобы политика в области устойчивого развития была основана на соблюдении прав человека, принципе недискриминации, гендерном равенстве и защите сексуального и репродуктивного здоровья и прав (см. A/69/62).

216. Для обеспечения сексуального и репродуктивного здоровья и прав для всех людей потребуются новый социальный договор, в рамках которого правительства будут выполнять свои обязательства в качестве несущих ответственность сторон, а отдельные лица будут заявлять о своих правах. Сексуальное и репродуктивное здоровье и права включают права на всеобщий доступ к необходимой информации, образованию и услугам по таким вопросам, как сексуальность, отношения, беременность и безопасные роды. Это включает признание основного права всех супружеских пар и отдельных лиц свободно принимать ответственное решение относительно количества своих детей, интервалов между их рождением и времени их рождения и располагать для этого необходимой информацией и средствами. Права человека женщины включают в себя ее право осуществлять контроль над вопросами, касающимися ее сексуального поведения, включая сексуальное и репродуктивное здоровье, и свободно и ответственно принимать по ним решения без какого бы то ни было принуждения, дискриминации и насилия. Обеспечение сексуального и репродуктивного здоровья и прав включает право на доступ к высококачественным услугам по охране сексуального и репродуктивного здоровья на протяжении всей жизни, в том числе к безопасным и эффективным методам планирования семьи и неотложной акушерской помощи, с признанием права мужчин и женщин быть информированными и иметь доступ к безопасным, эффективным, доступным и

приемлемым методам планирования семьи по их выбору³². К числу препятствий для продвижения этой повестки дня относятся высказывания, связывающие рост численности населения с ухудшением состояния окружающей среды, которые сплошь и рядом встречаются в популярных средствах массовой информации, мероприятиях по экологическому просвещению и дискуссиях по вопросам политики и решений в области здравоохранения, климата и охраны окружающей среды. Эти высказывания оказывают влияние на связь текущей демографической динамики с вопросами гендерной проблематики и устойчивости, а также на разработку политики.

217. В настоящей главе рассматриваются дискуссии по вопросам перенаселенности, гендерного равенства и устойчивого развития, а разработчикам политики предлагается выйти за рамки теории перенаселенности, с тем чтобы лучше понять сложное взаимодействие между факторами, способствующими возникновению глобальных проблем. Это означает необходимость бороться с самыми серьезными причинами экологических проблем, включая модели и масштабы неустойчивого производства и потребления, а также прочно увязывать политику в области устойчивого развития с правами человека, включая сексуальное и репродуктивное здоровье и права.

В. Демографическая динамика

1. Нынешняя демографическая картина

218. Сегодняшняя демографическая ситуация весьма сильно отличается даже от ситуации 50-летней давности. В течение XX века население планеты выросло почти в четыре раза, с 1,65 миллиарда человек в 1900 году до примерно 6,1 миллиарда в 2000 году (United Nations, 1999; 2001). Вместе с тем то, что называли «демографическим взрывом», в настоящее время замедляется. С конца 1960-х годов темпы роста численности населения в мире снижаются, причем рождаемость снижается быстрее, чем предполагалось. Глобальной нормой становятся более мелкие домохозяйства.

219. По данным издания *Мировые демографические перспективы: пересмотренное издание 2012 года* (United Nations, 2013с), в настоящее время среднее число детей, приходящихся на одну женщину, определяемое как общий уровень фертильности³³, за период с 2005 по 2010 год, по оценкам, составляет 2,53. За этой цифрой скрываются различия между странами. В Африке к югу от Сахары 39 стран имеют общий показатель фертильности выше 4, из них 10 стран — Ангола, Буркина-Фасо, Бурунди, Демократическая Республика Конго, Мали, Нигер, Нигерия, Сомали, Уганда и Чад имеют общий показатель фер-

---

³² Доклад четвертой Всемирной конференции по положению женщин, Пекин, 4–15 сентября 1995 года (издание Организации Объединенных Наций, в продаже под № R.96.IV.13), глава IV, резолюция 1, приложение II, пункты 96 и 97.

³³ Число детей, которых в среднем может иметь гипотетическая женщина к концу своего репродуктивного возраста, если в течение всей своей жизни она рожала детей в соответствии с показателями фертильности за определенный период времени и если ей не угрожала смертность. Выражается в количестве детей на одну женщину (Организация Объединенных Наций, 2013с).

тельности выше 6³⁴. Тем не менее в большинстве этих стран эти показатели уменьшаются, особенно в городах. В других странах, главным образом в странах Восточной Азии и Восточной Европы, показатели рождаемости упали значительно ниже уровня, достаточного для компенсации естественной убыли населения, то есть примерно двух детей на одну женщину. Вместе с тем, благодаря демографическому импульсу в большинстве этих стран численность населения все еще не уменьшается³⁵, за исключением таких стран, как Япония, — наиболее передовых в плане демографического сдвига, или перехода (Fischer, 2014). В период с 2005 по 2010 год население 75 стран с уровнем рождаемости, не обеспечивающим воспроизводство населения, составляло 48 процентов от общемирового населения (United Nations, 2013c).

220. Результат — неоднородность демографической ситуации в разных частях мира: «Демографический переход, связанный со снижением уровней рождаемости и смертности, и урбанистический переход, переместивший область приложения человеческой деятельности из сельских районов в городские, привели к беспрецедентным изменениям численности, возрастной структуры и территориального распределения населения» (A/69/62, пункт 760).

221. По оценкам издания «Мировые демографические перспективы: пересмотренное издание 2012 года», население планеты в 2014 году составляет примерно 7,2 миллиарда человек, в 2025 году оно вырастет до 8,1 миллиарда, в 2050 году — до 9,6 миллиарда, а к 2100 году — до 10,9 миллиарда человек. Эти расчеты основаны на наиболее распространенном методе — методе средневариантного прогноза. Такая прогнозируемая численность населения в мире выше, чем в редакции 2010 года, где предполагалось, что к 2100 году численность мирового населения составит 10,1 миллиарда человек. Это объясняется главным образом тем, что прогнозируемый уровень рождаемости был скорректирован в сторону повышения для ряда стран, в частности стран Африки к югу от Сахары (United Nations, 2013c).

222. Большое значение имеет возрастной состав населения. Значительная доля людей репродуктивного возраста в общей численности населения создает демографический импульс, поскольку в такой стране число людей, заводящих детей, больше, чем в странах со стареющим населением. Сегодня в развитых странах в целом 23 процента населения уже составляют люди в возрасте 60 лет или старше, что больше, чем процентная доля детей в возрасте до 15 лет (United Nations, 2013c). Хотя в большинстве развивающихся стран население более молодо и, следовательно, более силен демографический импульс, сниже-

³⁴ См. Организация Объединенных Наций, Департамент по экономическим и социальным вопросам, Отдел народонаселения, Секция демографических оценок и прогнозов, <http://esa.un.org/unpd/wpp/Excel-Data/fertility.htm> (по состоянию на 16 июня 2014).

³⁵ «Дисбаланс между уровнями рождаемости и смертности особенно ощущается во многих развивающихся странах, которые испытывают демографический импульс. Это явление имеет место тогда, когда значительная часть населения страны находится в детородном возрасте. Даже в том случае, если показатель фертильности населения развивающихся стран находится на уровне естественного воспроизводства, т.е. если супружеские пары имеют лишь столько детей, сколько нужно только для замены самих родителей, то на протяжении нескольких десятилетий абсолютное число родившихся людей все равно будет превышать число людей умерших», см. www.worldbank.org/depweb/english/modules/social/pgf/index02.html (по состоянию на 22 июня 2014 года).

ние показателей фертильности означает, что и они постепенно начнут сталкиваться с проблемой старения населения.

223. Прогноз о том, что численность населения в мире может возрасти до почти 11 миллиардов человек, был встречен призывом увеличить инвестиции в меры по планированию семьи в целях сокращения роста численности населения (United Nations, 2013c). Однако при столь узкой направленности на контрацепцию и планирование семьи не учитывается сложная взаимосвязь социальных, экономических и культурных факторов в контексте демографического перехода к более низким уровням рождаемости. Политику в области планирования семьи необходимо вписывать в более широкие рамки сексуального и репродуктивного здоровья и прав, а также гендерного равенства, а не уделять все внимание снижению рождаемости.

2. Динамика народонаселения

224. Вопросы динамики «молодых» и «старых» типов населения вызывают множество стратегических дискуссий. На юге планеты дети и молодежь составляют большинство населения: 1,7 миллиардов детей в возрасте до 15 лет и 1,1 миллиарда молодых людей в возрасте от 15 до 24 лет; это крупнейшее поколение молодежи за всю историю человечества. Молодое население преобладает в тех странах, которые считаются наименее развитыми, включая Мали, Нигер и Сомали, где к тому же отмечаются самые высокие темпы роста численности населения (United Nations, 2013c).

225. Ожидается, что этот бум молодости населения в странах глобального Юга вызовет значительные социальные перемены на международном уровне (A/69/62). В научных и стратегических дискуссиях о том, как молодость населения скажется на экономике, политике и международной безопасности, преобладают две теории, а именно: теория демографического дивиденда и теория переизбытка молодежи. Согласно концепции демографического дивиденда, многочисленное молодое население может вызвать экономический рост и развитие при наличии надлежащих условий, включая расширение доступа к образованию для молодежи и экономическую политику в поддержку открытой торговли. Одним из ключевых инструментов получения «дивидендов» была бы демографическая политика, поскольку она влияет на уровень рождаемости и создает значительную долю взрослого населения трудоспособного возраста для содержания иждивенцев — пожилых людей и детей.

226. В отличие от этой теории, теория переизбытка молодежи предсказывает, что многочисленное молодое население склонно к насилию и беспорядкам самых разных уровней и степеней интенсивности. Урдал (2012) считает, что насилие, связанное с переизбытком молодежи, не является неизбежным, а обусловлено сочетанием стресса населения и недостатком возможностей для трудоустройства, ресурсов и образования для молодежи. Таким образом, государства могут смягчить или использовать последствия переизбытка молодежи посредством расширения возможностей для получения образования и трудоустройства.

227. Такое двойственное восприятие молодости населения либо как преимущества, либо как недостатка приводит к принятию политических мер, в рамках которых молодежь рассматривается в качестве однородной группы, без признания ее разнообразия. Для разработки политики, способствующей реализа-

ции прав и возможностей человека, необходимо признание и уважение многообразного опыта и стремлений молодежи.

228. Не менее важно признавать разнообразие и в стареющем населении. По всему миру происходит старение населения, когда число пожилых людей в общей численности населения увеличивается, а число молодых людей сокращается. Чаще всего это наблюдается в развитых странах, в том числе в Италии, Российской Федерации и Японии, где число пожилых людей превышает число людей в возрасте до 15 лет. По данным издания *Мировые демографические перспективы: пересмотренное издание 2012 года*, к 2050 году в развитых странах число пожилых людей будет превышать число детей почти в два раза (United Nations, 2013c). Со снижением рождаемости в развитых странах в сочетании с увеличением продолжительности жизни стареющего населения связаны опасения по поводу экономического застоя, основанные на предположениях о нехватке взрослого населения трудоспособного возраста и росте расходов на медицинское обслуживание. Стареющее население часто рассматривается как канал экономического истощения для национальной экономики.

229. В рамках популярных высказываний о связи между большими массами «седеющего» населения и экономическим спадом игнорируются многочисленные функции пожилых людей в качестве оплачиваемых и неоплачиваемых работников, в том числе в сфере услуг по уходу, а также в качестве потребителей и инвесторов. Мнение о том, что старение населения истощает национальную экономику, в сочетании с тревогой по поводу многочисленности пожилых людей и их продолжительности жизни, а также опасения в связи с возможной нехваткой пенсионных ресурсов были использованы в развитых странах в качестве основания для приватизации пенсий. Однако приватизация пенсий в значительной степени вызвана возможностями для открытия новых рынков и увеличения движения капитала. По заключению Миннса и Секстона (2006 год), «если и существует кризис из-за слишком большого числа пожилых людей, это кризис из-за слишком большого числа людей, живущих в условиях нищеты в старости — как сейчас, так и в будущем. Проблемы финансирования пенсий возникают не столько из-за демографических изменений, сколько из-за безработицы, низкой заработной платы, а также сдвига в распределении доходов от заработной платы в сторону получения прибыли».

230. Старение населения также ставит неотложные вопросы относительно адекватности существующих систем ухода (как оплачиваемого, так и неоплачиваемого), особенно в отношении тех, чьи скудные сбережения и пенсии не позволяют им получить доступ к рыночным услугам по уходу. В этой группе женщины занимают несоразмерно большую долю, с учетом их более высокой продолжительности жизни, их менее крупных сбережений и ограниченного доступа к накопительным пенсиям, а также того факта, что они с большей вероятностью вступают в брак или сожительствуют с мужчинами старше себя; это означает, что женщины чаще ухаживают за своими супругами и реже получают уход от супругов в старости (Abe, 2010; Arza, 2014). В контексте изменений в структуре домохозяйств (увеличение доли домашних хозяйств, состоящих из одного лица, и домашних хозяйств, включающих только престарелых, в некоторых случаях) и, в определенной степени, изменений на рынке труда (увеличение доли женщин в рабочей силе), разработчикам политики необходимо создать адекватные системы предоставления услуг по уходу, как, например, система страхования по долговременному уходу в Японии, которая оказала не-

большое, но существенное воздействие в плане сокращения долгих часов неоплачиваемой работы по уходу за престарелыми со стороны членов семьи, особенно жен и дочерей (Abe, 2010).

3. Демографический переход и планирование семьи

231. Демографический переход — это процесс, в рамках которого за снижением уровня смертности следует снижение уровня рождаемости. Вместе эти сокращения в конечном итоге приводят к уменьшению доли детей и пропорциональному увеличению доли пожилых людей в общей численности населения (United Nations, 2013d). Процесс демографического перехода приводит к периоду роста численности населения в связи с естественным приростом наряду с процессами урбанизации и старения населения (Dyson, 2010).

232. Хотя первоначально демографы полагали, что индустриализация приведет к снижению уровня смертности и рождаемости в развивающихся странах, к 1960-м годам они начали считать быстрый рост населения в бедных странах серьезным тормозом для экономического развития; следовательно, снижение рождаемости стало рассматриваться в качестве неперемennого условия, а не следствия, успешной индустриализации (Hodgson, 1983; Szreter, 1993). Таким образом, в период с 1960-х до 1990-х годов стали появляться стратегии реагирования, основанные на идее о том, что планирование семьи может привести к демографическому переходу.

233. Предполагаемая связь между планированием семьи и демографическим переходом привела к появлению ряда аргументов в пользу контроля численности населения, в том числе к мнению о том, что инвестиции в сферу планирования семьи являются гораздо более эффективными с точки зрения затрат, чем другие стратегии в области развития (Connelly, 2008). Программы планирования семьи и контрацепции играют определенную роль в составе множества непосредственных факторов, влияющих на сроки и темпы снижения рождаемости. Однако на форму и сроки сокращения показателей смертности и рождаемости влияют более широкие и зависящие от контекста факторы, включая экономические, социальные и культурные различия между странами, даже в пределах одного и того же региона, а не только меры по планированию семьи.

234. Снижение уровня смертности также необходимо рассматривать с учетом гендерной проблематики. Во многих странах с низким и средним уровнем доходов у женщин и девочек больше шансов умереть, чем у мужчин и мальчиков, по сравнению с богатыми странами, в результате чего уровень смертности среди девочек и женщин в возрасте до 60 лет в таких странах больше примерно на 3,9 миллионов человек³⁶. Из этих «избыточных» 3,9 миллионов смертей свыше одной пятой девочек умирают в младенческом возрасте, две пятых девушек и женщин умирают в репродуктивном возрасте, и около двух пятых приходится на избирательные аборты, обусловленные женским полом плода («пропавшие девочки»); число таких смертей растет в странах Африки к югу от Сахары и в странах, наиболее страдающих от ВИЧ/СПИДа (World Bank, 2012).

³⁶ «Количество «избыточных» смертей среди женщин в течение одного года составлено из женщин, которые бы не умерли в предшествующий год, живи они в стране с высоким уровнем дохода, с учетом общего состояния здравоохранения и среды страны, в которой они проживают» (World Bank, 2012).

235. Причины материнской смертности носят сложный характер и различаются по регионам. В период 2003–2009 годов 73 процента всех случаев материнской смертности было вызвано прямыми акушерскими причинами (например, кровотечение, гипертония, сепсис, эмболия), в том числе 8 процентов — осложнениями при абортах в небезопасных условиях, а 27 процентов были результатом косвенных причин (например, связанных с ВИЧ или с уже имевшимися заболеваниями) (Say and others, 2014). Поэтому, хотя планирование семьи и является одним из аспектов мер, необходимых для снижения материнской смертности, в целом необходима более широкая повестка дня в области сексуального и репродуктивного здоровья и прав, включающая вопрос доступа к качественным услугам в сфере сексуального и репродуктивного здоровья.

С. Народонаселение и окружающая среда: политика и последствия

236. Обеспокоенность по поводу перенаселения занимает одно из главных мест в основных дискуссиях по вопросам устойчивого развития и стратегических мер. Эта обеспокоенность связана с более старыми теориями и моделями взаимосвязи между народонаселением, ресурсами и окружающей средой, которые оказались исключительно живучими. В число этих теорий и понятий входят понятия потенциала предельно допустимой заселенности, который связан с планетарными границами, как обсуждалось в главе I, «трагедии совместной собственности», что связано с управлением общими ресурсами, и разговоры о деградации окружающей среды, указывающие на разрушение окружающей среды бедными слоями населения.

237. Живучесть тревог по поводу перенаселения объясняется целым рядом причин. Во-первых, хотя эти понятия, возможно, и были опровергнуты в ходе истории (Ostrom, 2000; Boyce, Narain and Stanton, 2007), теории перенаселения прогнозируют будущее — будущее с нехваткой ресурсов из-за перенаселения. Поскольку устойчивое развитие включает долгосрочную и ориентированную на будущее перспективу, такие прогнозы кажутся привлекательными: кажется, что они проливают свет на то, что ждет человечество впереди.

238. Во-вторых, теории перенаселения представляют голод, нищету, ухудшение состояния окружающей среды и даже войну как неизбежное следствие ситуации «слишком много людей и слишком мало ресурсов». Избегая обсуждения на политическом уровне вопросов использования ресурсов и контроля над ними, конкуренции и конфликта, эти теории могут перекладывать ответственность с могущественных элитных групп и привилегированных кругов на плечи бедных слоев населения.

239. В-третьих, эти теории используют и укрепляют доминирующие и стереотипные представления о женщинах и мужчинах. Женщины имеют значение лишь в той мере, в какой они порождают проблему перенаселения. В некоторых случаях способности женщин признаются, но лишь в ограниченных масштабах, как просвещенных хозяев своей собственной фертильности и местных условий. Гендерное соотношение сил, а также различия между женщинами на основе других факторов, как правило, игнорируются.

240. Демографическая динамика действительно непроста. Проблема описанных ниже теорий заключается в том, что они игнорируют эту сложность и низ-

водят демографическую динамику до работы абстрактных законов, которые могут служить оправданием для принудительных мер и узконаправленных стратегий реагирования. Анализ демографических парадигм — необходимый первый шаг в процессе переосмысления взаимосвязи между гендерной проблематикой, динамикой народонаселения и окружающей средой в целях разработки более эффективной политики.

1. Перспективы в области народонаселения, устойчивости и гендерного равенства

241. Рассуждения, в которых проводится связь между народонаселением, нищетой и ухудшением состояния окружающей среды, встречали все больше сторонников в политических дискуссиях во второй половине XX века и оказывали весьма значительное влияние в области изучения устойчивого развития. Одним из самых серьезных последствий принятия этих теорий перенаселенности была политика, направленная на сокращение фертильности женщин, в том числе в некоторых случаях с помощью принудительных мер контроля численности населения. В то время как в рамках глобальной стратегической основы в настоящее время признается, что демографическая политика должна быть увязана с охраной сексуального и репродуктивного здоровья и репродуктивных прав, сохраняющаяся обеспокоенность по поводу перенаселенности продолжает определять политику в области народонаселения, которая имеет узкую направленность на сокращение фертильности женщин.

242. Основная посылка разговоров об ухудшении состояния окружающей среды заключается в том, что в сельских районах развивающихся стран увеличение численности населения в сочетании с нищетой является главной причиной деградации земель. Иными словами, малоимущие слои населения несут главную ответственность за уничтожение своей собственной окружающей среды (Fairhead, 2001; Hartmann, 2010). Эти рассуждения коренятся в колониальной политике, оправдывавшей экспроприацию земли путем обвинений, что местные методы ведения сельского хозяйства и население вызывают эрозию почв, обезлесение и опустынивание (Fairhead and Leach, 1996; Adams, 2004). Позднее эти теории использовались для оправдания вмешательства извне, например осуществления по указке сверху проектов развития сельских районов и программ контроля численности населения (Williams, 1995; Roe, 1995).

243. Рассуждения о деградации окружающей среды расширились, включив в себя негативную точку зрения на миграцию. Согласно этой точке зрения, после того как бедные слои населения исчерпывают ресурсы окружающей их среды, многие из них мигрируют в другие маргинальные земли, запуская тот же порочный круг. Начиная с 1990-х годов и в последующий период в эту теорию стали включать еще и бедное население, стремящееся в и без того перенаселенные города, а совсем недавно — так называемых «климатических беженцев» («беженцев в результате изменения климата») — новых экологических беженцев (Doyle and Chaturvedi, 2011).

244. Концепция потенциала предельно допустимой заселенности имеет центральное значение для теории о том, что рост численности населения превышает способность планеты производить продовольствие и тем самым ухудшает состояние окружающей среды и вызывает войны; эта концепция также была разработана в целях оказания влияния на усилия на политическом уровне по

ограничению роста населения в развивающихся странах (Sayge, 2008; Vogt, 1948). Кроме того, идея S-образной кривой, где число животных, растений и людей растет в геометрической прогрессии, пока не встретит сопротивление окружающей среды, а затем идет на спад, также укрепила концепцию «точки насыщения» как верхнего уровня, на котором больше не может происходить рост населения (Odum, 1953).

245. Подход на основе «трагедии совместной собственности», основанный на обеспокоенности по поводу потенциала предельно допустимой заселенности планеты, предусматривает контроль за численностью населения и правами на частную собственность и по-прежнему оказывает влияние на разработку и обсуждение политических мер реагирования (Hardin, 1968). Вместе с тем людям испокон веков удавалось управлять общими ресурсами и они способны успешно договариваться в случае возникновения конфликтов между личной выгодой и общественным, а также экологическим, благом. Например, при изучении совместно используемых ресурсов было отмечено множество случаев, когда отдельным людям удавалось создать стабильные институты самоуправления, которые разрабатывали и проводили в жизнь нормы, обеспечивающие защиту природных ресурсов и оказание взаимной защиты от рисков (Ostrom, 2000).

246. В процессах управления совместно используемыми ресурсами зачастую решающее значение имеют гендерные взаимоотношения. Как поясняет Остром, «безусловно, когда женщины принимают активное участие в разработке правил и влияют на управление общими благами, долгосрочные последствия, скорее всего, будут более благоприятными, а справедливость результатов — гораздо выше ... В условиях, когда гендерное неравенство уменьшается, несомненно, в большей степени учитываются интересы будущих поколений и меньшей — обеспокоенность по поводу немедленного получения денежной выгоды» (Ostrom, in May and Summerfield, 2012).

247. Эти идеи и суждения о перенаселенности имеют далеко идущие последствия для мер реагирования на уровне политики в отношении численности населения, здравоохранения, развития, окружающей среды и миграции, и зачастую значительно влияют на осуществление прав человека и достижение гендерного равенства. Хотя сторонники устойчивого развития признают роль неравенства и других факторов, некоторые по-прежнему видят давление роста численности населения как наиболее важную причину нищеты и ухудшения состояния окружающей среды (Myers and Kent, 1995).

248. На этом фоне усилия сторонников гендерного равенства и женских движений привели к существенному изменению в подходе к вопросам народонаселения на Международной конференции по народонаселению и развитию, которая состоялась в Каире в 1994 году. Конференция ознаменовала собой крупный сдвиг в международной политике: переход от вопросов контроля рождаемости к вопросам расширения прав и возможностей женщин и более широкой повестке дня в области сексуального и репродуктивного здоровья и репродуктивных прав. Принятая на Конференции Программа действий, или «Каирский консенсус», была одобрена правительствами большинства стран мира; в ней осуждалось использование принуждения, в том числе стимулирующие и сдерживающие инструменты в рамках оказания услуг в области планирования семьи. Вместо этого в ней поощрялось добровольное планирование семьи в контексте охраны репродуктивного здоровья, включая услуги по охране материн-

ского здоровья, полового просвещения и профилактики инфекций, передаваемых половым путем.

249. В Программе действий Международной конференции по народонаселению и развитию заявлялось о том, что быстрый рост численности населения является одной из основных причин нищеты и ухудшения состояния окружающей среды и что сокращение показателей рождаемости является необходимым для достижения устойчивого развития. В то же время эта программа содержала призыв к созданию позитивной повестки дня в области расширения прав и возможностей женщин и к расширению программ в области охраны репродуктивного здоровья в качестве решения проблемы высокой рождаемости, в отличие от программ в области планирования семьи в прошлом, навязывавших решения «сверху» и нацеленных на достижение определенных показателей.

250. Несмотря на обещания, данные на Международной конференции по народонаселению и развитию, обязательства в отношении сексуального и репродуктивного здоровья и репродуктивных прав впоследствии были не в полной мере отражены в целях в области развития, сформулированных в Декларации тысячелетия. На начальном этапе эти Цели не включали конкретных целевых показателей для поощрения репродуктивного здоровья и прав, а вместо них включали задачу 5 (в настоящее время 5А), в которой содержался призыв к снижению уровня материнской смертности. В 2005 году, во время 5-летнего обзора, была добавлена задача 5В о содействии всеобщему доступу к услугам в области репродуктивного здоровья. Тем не менее Цель 5, с задачами А и В, сужает Программу действий Международной конференции по народонаселению и развитию от широкой повестки дня в области сексуального и репродуктивного здоровья и репродуктивных прав до узкой концентрации на вопросах размножения. Поскольку сексуальное и репродуктивное здоровье и права важны для предотвращения материнской смертности и заболеваемости, столь узкая повестка дня препятствует достижению даже ограниченных задач Цели 5 (см. E/CN.6/2014/3). При постановке акцента исключительно на охрану материнского здоровья роль женщин меняется с «проводников социальных перемен и субъектов прав», как предусмотрено в Программе действий, на «лиц, рожаящих детей и обеспечивающих уход», статус которых «сводится к наличию/отсутствию у них беременности» (Yamin and Boulanger, 2013). После постановки акцента на вопросе беременности и без того скудные потоки международного финансирования стали направляться главным образом на обеспечение охраны здоровья матери и ребенка, в то время как финансирование других аспектов сексуального и репродуктивного здоровья и прав, включая противозачаточные средства, сократилось (Yamin and Boulanger, 2013).

2. Модели потребления и производства

251. Для сторонников теорий перенаселенности нехватка ресурсов заранее предрешена, и единственное решение — сокращение темпов роста численности населения. Точка зрения сторонников технологий и рынка более оптимистична. Например, в том что касается продовольствия, они верят в расширение торговли и производства сельскохозяйственной продукции (см. главу IV, посвященную продовольственной безопасности). Однако между этими двумя полюсами существует ряд вопросов, заслуживающих рассмотрения в целях разработки политики.

252. Признавать проблемы, связанные с высказываниями о народонаселении и окружающей среде, не значит отрицать весьма реальное давление, которое может оказывать рост численности населения на доступность жизненно важных ресурсов, а именно продовольствия, воды, канализации, электроэнергии, жилья, занятости, социальных служб, особенно в эпоху стремительной урбанизации и изменения климата. Прогноз роста численности населения и выбросов парниковых газов вплоть до 2100 года в рамках одной комплексной модели свидетельствует о том, что замедление темпов роста численности населения приведет к сокращению выбросов газов в будущем: «к концу столетия эффект от замедления темпов роста численности населения будет ... существенным и приведет к сокращению на 37–41 процент общего объема выбросов в результате использования ископаемых видов топлива» (O'Neill and others, 2010). Однако проблема здесь заключается в приравнивании увеличения численности населения к увеличению объема выбросов, без учета более важного фактора — уровня потребления или распределения потребления.

253. В то время как «углеродное наследие» — прогнозируемые выбросы углерода у потомков, вычисленные с учетом уровня фертильности отдельных женщин — может иметь большое значение в противопоставлении с прогнозируемыми выбросами парниковых газов, существует, как правило, обратно пропорциональная зависимость между индивидуальным рождением детей и объемом выбросов парниковых газов на душу населения. Иными словами, страны, где женщины рожают наименьшее число детей, чаще всего имеют наиболее высокие показатели выбросов парниковых газов на душу населения и самое значительное «углеродное наследие» (Murtaugh and Schlax, 2009).

254. Если же уделять основное внимание потреблению, то видно, что «в основе роста объема выбросов парниковых газов лежит не рост численности населения (городского или сельского), а, скорее, рост числа потребителей и уровня их потребления» (Satterthwaite, 2009). В развивающихся странах с быстрыми темпами роста населения люди из классов с более высокими доходами могут больше всех потреблять ресурсы, такие как ископаемое топливо для автотранспортных средств и электроэнергию для домашних хозяйств, в результате чего высокие уровни выбросов парниковых газов на душу населения прежде всего относятся к богатым. В развитых странах с высоким уровнем дохода богатые домашние хозяйства тоже ответственны за выбросы гораздо больших объемов углерода по сравнению с домохозяйствами с более низкими доходами (Boyce and Riddle, 2007).

255. На развивающиеся страны, в которых проживает 80 процентов мирового населения, в 2004 году приходилось 73 процента роста общемирового объема выбросов. Однако эти страны составляли лишь 41 процент от общего глобального объема выбросов в том году, и лишь 23 процента от общего глобального объема выбросов с начала промышленной революции (Raupach and others, 2007). Эти факторы подчеркивают необходимость оценки взаимосвязи между ростом численности населения и изменением климата в контексте моделей потребления и производства и глобальной справедливости. Помимо одной численности людей, в рамках демографической политики и мер в связи с изменением климата необходимо учитывать долгосрочную перспективу в плане выбросов и сосредоточить внимание на изменении моделей производства и потребления. Действительно, принцип общей, но дифференцированной ответственности касается совместной ответственности всех стран по защите окру-

жающей среды, с признанием в то же время необходимости принимать во внимание различные обстоятельства, особенно вклад развитых и развивающихся стран в ухудшение состояния окружающей среды и различные возможности стран по решению этой проблемы.

3. Снижение показателей фертильности и «пропавшие женщины»

256. С конца 1960-х по 1990-е годы сокращение фертильности в бедных странах было одним из основных компонентов политики и программ двусторонних и многосторонних учреждений, а также целью, которой энергично добивались национальные программы по планированию численности населения в развивающихся странах³⁷. Настоятельная необходимость ограничения рождаемости привела к использованию методов принуждения, таких как, например, принудительная стерилизация женщин и оказание на них давления или подкуп женщин с целью заставить их пользоваться более опасными для здоровья противозачаточными средствами без их осознанного согласия или без надлежащей медицинской помощи. Это означало, что планирование семьи стало инструментом контроля роста населения, а не инструментом «основного права всех супружеских пар и отдельных лиц свободно принимать ответственное решение относительно количества своих детей, интервалов между их рождением и времени их рождения и располагать для этого необходимой информацией и средствами и права на достижение максимально высокого уровня сексуального и репродуктивного здоровья»⁹.

257. Постановка вопроса о численности населения в связи с давлением в плане ресурсов и окружающей среды была основным фактором в создании общественного консенсуса в поддержку мер по контролю численности населения (Connelly, 2008; Hartmann, 1995). Конституция Китая обязывает правительство поддерживать меры в области планирования семьи, а отдельные пары — соблюдать их. Политика «одного ребенка на семью», введенная в конце 1970-х годов, осуществляется через систему социально-экономических стимулов и препятствий, наряду с бесплатными услугами в области контрацепции (Организация Объединенных Наций, 2002 год). Применение этой политики различается по провинциям и между сельскими и городскими районами, поскольку решения, касающиеся ее осуществления, принимаются на уровне провинций. Например, за пределами городов, как правило, разрешается иметь двоих детей, а для некоторых этнических групп меньшинств разрешено иметь и троих детей (Hesketh, Lu, and Wei Xing, 2005). Через несколько десятилетий после введения этой политики, на пятнадцатой сессии Конференции сторон Рамочной конвенции Организации Объединенных Наций об изменении климата, состоявшейся в Копенгагене в 2009 году, заместитель министра Национальной комиссии по народонаселению и планированию семьи Китая Чжао Байгэ отметила, что политика страны в области планирования семьи предотвратила рождение 400 миллионов китайцев, что сократило выбросы двуокиси углерода на 18 млн. тонн в год (Xing, 2009; Feng, Cai and Gu, 2013). Во Вьетнаме в 1980-е годы было введено обязательное ограничение количества детей до двух детей на семью. В целях содействия осуществлению политики в области народонаселения были введены стимулы для использования противозачаточных

³⁷ См. статью Сена (1990). Термин «пропавшие женщины» относится к чрезмерной смертности девочек и женщин в той или иной стране по сравнению с районами мира, где женщины/девочки и мужчины/мальчики получают одинаковый уровень ухода.

средств, а также наказания за нарушения правил в области планирования семьи (United Nations, 2002).

258. В странах, где значительное предпочтение отдается сыновьям, политика «одного ребенка» и подобные стратегии в области народонаселения привели к искажению соотношения полов. Демографические данные показывают, что в Китае соотношение полов при рождении составляет 117 мальчиков на 100 девочек, во Вьетнаме — 110 мальчиков на 100 девочек, а в Индии — 111 мальчиков на 100 девочек (United Nations, 2013c). Нормальное с биологической точки зрения соотношение полов при рождении составляет от 102 до 106 мальчиков на 100 девочек (World Health Organization, 2011). Такая политика привела к широкому распространению избирательных абортов, обусловленных полом плода, а также случаев отказа, сокрытия и отсутствия заботы в отношении детей женского пола. По оценкам Всемирного банка, в результате таких действий только в 2008 году в Китае родилось примерно на 1 миллион меньше девочек, чем ожидалось, а в Индии — на 250 000 (World Bank, 2012, p. 78). Политика «одного ребенка» также имела негативные с гендерной точки зрения последствия для мужчин, особенно малоимущих мужчин в сельских районах, которые не могут найти себе супруг и подвергаются осуждению как «бесплодные ветви» (Greenhalgh, 2005).

259. Другие факторы, способствующие установлению позитивной связи между расширением прав и возможностей женщин и сокращением рождаемости, включают доступ женщин к оплачиваемой работе вне дома и возможность получать независимый доход. Существует масса статистических данных, основанных на сопоставлениях между странами и регионами, которые связывают образование женщин со снижением рождаемости (Sen, 1999). Недавние работы китайских демографов указывают на то, что большая часть перехода Китая к меньшей рождаемости осуществилась в течение десятилетия 1970-х годов, еще до введения «политики одного ребенка». Общий показатель фертильности в стране снизился с 5,8 в 1970 году до 2,8 в 1979 году и, вероятно, продолжал бы и дальше снижаться даже при отсутствии «политики одного ребенка», в результате снижения уровня смертности, повышения уровня образования и быстрых социально-экономических перемен (Feng, Cai and Gu, 2013). Такой анализ свидетельствует о том, что «экономическое развитие, возможно, далеко не «лучший метод контрацепции,» однако социальное развитие — в особенности занятость и образование женщин — может быть действительно весьма эффективным» (Sen, 1999). В южных штатах Индии, таких как Керала и Тамилнад, показатели фертильности снизились в период 1979–1991 годов (с 3,0 до 1,8, и с 3,5 до 2,2, соответственно) благодаря выдающимся достижениям в отношении грамотности женщин, значительной доли участия женщин в рабочей силе и относительно низкой младенческой смертности, а также благодаря активной, но не принудительной программе планирования семьи (Sen, 1999). Это контрастирует с данными по другим штатам Индии и другим странам, которым, несмотря на жесткие методы планирования размера семьи, не удалось достичь аналогичных результатов. «Региональные различия внутри Индии убедительно доказывают преимущество добровольного выбора (основанного, в частности, на активном и информированном участии женщин) в отличие от принуждения» (Sen, 1999).

260. Эти выводы подкрепляются недавними исследованиями, проведенными в других странах и регионах, которые демонстрируют заметный спад рождаемо-

сти, связанный с повышением уровня образования женщин и оплачиваемой занятостью. Во многих странах с низким и средним уровнем дохода стабильный рост в сочетании с более качественными услугами и экономическими возможностями для женщин в последние десятилетия связывается со снижением общего уровня фертильности, повышением качества образования девочек и женщин и расширением участия женщин в рабочей силе. В Бангладеш с 1980 года объем экономики вырос почти в три раза; общий показатель фертильности снизился с 6,9 детей на одну женщину в 1971 году до 2,3 в 2009 году; в период с 1991 по 2005 год число девочек, посещающих школы, возросло с 33 процентов до 56 процентов от общего числа учащихся; а участие в трудовой деятельности молодых женщин в возрасте 20–24 лет в период с 1995 по 2000 год увеличилось почти в два с половиной раза. В Колумбии объем экономики с 1980 года увеличился в полтора раза; общий показатель фертильности снизился с 3,2 детей на одну женщину в 1986 году до 2,4 в 2005 году; в настоящее время женщины имеют более высокие показатели завершения образования, чем мужчины, в плане начального, среднего и высшего образования; а в период с 1980 по 2004 год по показателям участия женщин в трудовой деятельности в 13 крупнейших городах страна переместилась с предпоследнего места на второе место среди стран региона. В Исламской Республике Иран с 1980 года объем экономики практически удвоился; в период с 1979 года по 2009 год там было отмечено самое быстрое в мире снижение общего показателя фертильности — с 6,9 детей до 1,8 (ниже уровня естественного воспроизводства); на каждого посещающего начальную школу мальчика приходится 1,2 девочек, число учащихся женского пола в средних школах удвоилось, женщины составляют более 50 процентов от общего числа учащихся высших учебных заведений и 68 процентов занятых в области науки; в настоящее время женщины составляют 30 процентов рабочей силы (World Bank, 2012).

261. Эти различные примеры по странам свидетельствуют о важности всеобъемлющего подхода к вопросам гендерного равенства и реализации прав человека женщин и возможностей женщин, включая обеспечение качественного образования, медицинского обслуживания и доступа к достойной работе, а также наличие доступных услуг в области планирования семьи в качестве эффективных средств сокращения рождаемости.

D. Расширение повестки дня в области народонаселения

262. В настоящей главе были выявлены многие проблемы, обусловленные стойким наследием теорий и моделей в отношении народонаселения, которые глубоко укоренились в сфере теории и практики в области развития. В рамках этих теорий основное внимание уделяется фертильности женщин как причине и средству решения серьезных глобальных проблем — от разрушения окружающей среды и изменения климата до экономической нестабильности и политических конфликтов. Столь узкая сосредоточенность на перенаселенности как на причине экологических проблем отвлекает от проблем неустойчивых моделей и уровней производства и потребления, а также неравенства между странами и внутри стран.

263. Демографическую политику необходимо расширить от вопросов сокращения рождаемости до вопросов реализации прав человека и возможностей женщин и девочек. Устойчивого развития не достичь, пока все женщины и де-

вочки не будут пользоваться всеобщим доступом к услугам по охране сексуального и репродуктивного здоровья и прав на протяжении всей жизни, что позволит им принимать свободные и осознанные решения в отношении секса и рождения детей. Это требует разработки соответствующей политики и нормативно-правовой базы, а также укрепления систем здравоохранения в целях обеспечения общедоступных и качественных услуг в области сексуального и репродуктивного здоровья, информации и просвещения на протяжении всей жизни, в том числе о безопасных и эффективных методах современной контрацепции, возможностей безопасных аборт, всестороннего сексуального просвещения и охраны материнского здоровья.

264. В целях полного обеспечения сексуального и репродуктивного здоровья и прав правительства несут ответственность за обеспечение того, чтобы наряду с другими основными услугами в наличии были услуги по медицинскому обслуживанию — доступные, приемлемые и надлежащего качества для всех. Для этого требуются целенаправленные меры для устранения структурного неравенства, осуждения и дискриминации, которые ограничивают доступ к медицинским услугам для женщин и девочек. Обеспечение доступа к качественному образованию на всех уровнях и доступа к достойной занятости также имеет огромное значение для расширения повестки дня в области народонаселения.

VI. Инвестиции в устойчивое развитие с учетом гендерного фактора

A. Введение

265. В настоящей главе рассматривается повестка дня в области устойчивого развития с особым акцентом на таких аспектах, как местные приоритеты, искоренение нищеты и обеспечение гендерного равенства. В ней также развивается изложенная в предыдущих главах аргументация в пользу того, что устойчивое развитие должно способствовать расширению возможностей женщин и девочек, с тем чтобы они могли «жить той жизнью, которую они ценят и имеют основания ценить» (Sen, 1999). Возможности равносильны свободе — свободе жить определенной жизнью, отличной от какой-либо другой. С учетом того, что концепция возможностей подчеркивает наличие выбора, помимо атрибутов благополучия (Nussbaum, 2000), она лишь косвенно связана с конкретным набором товаров и услуг. Однако, для того чтобы добиться ощутимого улучшения положения женщин и девочек, инвестиции должны направляться в те сектора, где эта категория населения может получить наибольшие блага. Термин «инвестиции» используется для обозначения финансовых, социальных и институциональных мер, направленных в перспективе на создание благ для людей и улучшение условий их жизни. В настоящей главе обозначены четыре области с весьма сильным потенциалом для изменения жизни женщин и девочек: бытовое водоснабжение, безопасная санитария, более безопасные кухонные плиты и бытовое энергоснабжение. Расширение доступа к таким товарам и услугам может непосредственно и реально улучшить положение в части равенства между мужчинами и женщинами, поскольку женщины гораздо больше страдают от их отсутствия (Antonopoulos and Hirway, 2010; Anenberg and others, 2013). Имеются многочисленные свидетельства, например, тому, что физические нагрузки, связанные с приготовлением еды и заготовкой топлива и воды,

ограничивают возможности женщин по сравнению с их собственным потенциалом и возможностями мужчин (например, Cecelski, 1984; Ray, 2007).

266. Доступ к воде и санитарии, возможность пользования безопасными кухонными плитами и электроэнергией — это основа для обеспечения достойного уровня жизни и предпосылка, определяющая наличие или отсутствие целого ряда других возможностей в жизни. Тем не менее в этих областях по-прежнему наблюдается значительный дефицит инвестиций в сравнении с глобальными потребностями. Эти четыре области непосредственно связаны с аспектом экологической устойчивости. Так, например, большие масштабы проблемы открытой дефекации, вызывающей загрязнение воды и создающей угрозу для здоровья, напрямую связаны с неадекватностью санитарной инфраструктуры. Поэтому необходимо увеличить объем инвестиций в этих областях в целях обеспечения как социального благополучия, так и экологической устойчивости. Однако не все инвестиции в эти сектора преследуют цели обеспечения устойчивости и учета гендерного фактора. В настоящей главе рассматриваются два подхода к оценке инвестиций в этих областях с точки зрения гендерного равенства и устойчивого развития:

а) риски и преимущества тех или иных технологий, инноваций и социальных инвестиций, включая распределение этих рисков и преимуществ между полами;

б) степень, в которой в результате подобных инвестиций можно (или уже удалось) добиться расширения прав и возможностей женщин, особенно малоимущих женщин и девочек.

267. Оценка того, в какой степени можно расширить возможности женщин и девочек за счет конкретных инвестиций, — задача не из легких. Улучшение показателей смертности девочек в возрасте до пяти лет и показателей гендерного равенства в системе среднего образования является важным аспектом оценки преобразующих инвестиций в таких областях, как водоснабжение, санитария, оснащение безопасными кухонными плитами и электроснабжение: они особенно актуальны для малоимущего населения или стран с низким уровнем дохода, они являются неременным условием обеспечения многих других возможностей и они регулярно отслеживаются во многих странах. Кроме того, инвестиции должны оцениваться по их потенциалу и эффективности в плане сокращения доли неоплачиваемого труда женщин и девочек. Хотя этот показатель рассчитывают не так регулярно, по многим странам имеются данные о затратах времени, которые можно использовать для оценки достигнутого прогресса. При оценке результатов инвестиций с точки зрения расширения возможностей необходимо также оценивать и процессы принятия решений об их осуществлении. Весьма важно то, что инвестиции в устойчивое развитие (на местном или национальном уровне) должны обеспечиваться, чтобы те, кто будет нести риски такой деятельности, были вправе определять ее параметры.

268. Хотя в последние десятилетия значительно расширились технические возможности, лежащие в основе таких услуг, включая появление более эффективных и менее дорогостоящих низкоуглеродных технологий, их массовое применение не может быть достигнуто только за счет технических мер. Равно как и не существует гарантий того, что более совершенные технологии в распоряжении женщин автоматически улучшат их жизнь. Обширная литература по вопросам доступа неимущих к основным услугам убедительно свидетельствует

о том, что всеобщий и гендерно обусловленный доступ нельзя обеспечить при помощи одних только добровольных механизмов (например, через рынок или негосударственный сектор). Для расширения возможностей всех и охраны природных ресурсов необходима энергичная публичная деятельность гражданского общества и государства.

269. В настоящей главе рассматриваются четыре концепции. В разделе В в центре внимания вопрос о том, как прогнозировать и оценивать (по факту) те или иные меры по обеспечению устойчивого развития в ракурсе гендерного равенства. Исходя из содержания исследований о рисках и их восприятии, а также о практической реализации возможностей и обеспечения благополучия людей предложено несколько критериев социально преобразующих инвестиций. В разделе С анализируется каждое из четырех направлений инвестиционной деятельности, а также технические и социальные подходы к обеспечению базового уровня услуг. Существуют значительные политические и институциональные препятствия массовому предоставлению услуг малоимущим группам населения, и в частности для обеспечения гендерного равенства или целостности окружающей среды при их предоставлении. В разделе D основное внимание уделяется институциональным условиям, позволяющим изыскать пути устойчивого развития. В разделе подчеркивается актуальность альянсов с гражданским обществом, которые необходимы для поддержки социальных инвестиций соответствующего объема. В разделе E рассматриваются пути и средства финансирования таких инвестиций.

В. Оценка инвестиций с высоким преобразующим потенциалом в ракурсе гендерного равенства

1. Оценка рисков, связанных с инвестициями

270. Инновационные технологии и программы их внедрения всегда сопряжены с риском. Поэтому применительно к каждой категории инвестиций на цели развития важно знать, какого рода риски сопряжены с этим и кто возьмет на себя возможные расходы. В этой связи целесообразно обратиться к опыту Всемирной комиссии по плотинам (World Commission on Dams, 2000), применившей подход с учетом прав и рисков. Этот подход был полезен при разработке механизма ответственного вложения государственных средств в строительство плотин и может быть с пользой применен в других секторах. Всемирная комиссия проводила четкое различие между теми, кто принимает на себя риски, и теми, кто обладает правами, отметив, что те, кто вынужден нести риски, зачастую не обладают правами в части принятия инвестиционных решений, соизмеримых с принятыми ими на себя рисками.

271. Члены Всемирной комиссии по плотинам заявили, что дифференцированные риски и их различающееся восприятие внутри общин и между общинами обуславливают необходимость транспарентных дискуссий со всеми затронутыми и заинтересованными сторонами, признав при этом, что две такие стороны могут не являться одним и тем же субъектом и что всегда возможны непредвиденные последствия. Как наглядно показывают самые разнообразные исследования по проблеме риска с акцентом на технологиях и социальной приемлемости, риск нельзя понимать просто как распределение вероятностей тех или иных результатов. Люди привносят в свою оценку рисков не только атри-

буты технологий, но и свою систему культурных и политических ценностей, а также свои социальные факторы неопределенности и страхи. Такие субъективные и обусловленные рядом факторов точки зрения не сводятся только к более точной передаче технических рисков, а требуют анализа целого набора критериев, на основе которых воспринимаются риски (Stirling, 1998). Когда в контексте устойчивого развития речь идет о масштабных инвестициях необратимого характера, особое значение приобретает парадигма прав и рисков с акцентом на восприятии рисков, их распределении и добровольном или недобровольном характере рисков. Так, в случае крупных плотин, которые находились в центре внимания авторов доклада Всемирной комиссии, было показано, что риски, связанные с созданием таких объектов, нередко выпадали на долю затронутых или переселенных общин, которые, однако, редко когда участвовали в принятии решений или получали новые возможности в плане трудоустройства. Женщины и другие категории населения, не имевшие правоустанавливающих документов на землю, не получили земельных наделов в порядке компенсации за свои участки, оказавшиеся под водой. Как утверждала Всемирная комиссия, такие относительно неблагоприятные с гендерной точки зрения результаты могут иметь место и в случае многих других инвестиционных проектов, помимо строительства плотин (таких, как прокладка дорог), когда те, на ком сказываются риски, не обладают соответствующими правами.

2. Оценка результатов инвестиций

272. Важно иметь возможность оценки потенциальных инвестиций в плане их воздействия на процесс обеспечения гендерного равенства и реализацию местных приоритетов и потребностей беднейших слоев населения. Чтобы сделать выбор в пользу инвестиционного проекта X по сравнению с проектом Y, необходимы четкие критерии для оценки предполагаемого воздействия такого проекта до инвестирования средств или его фактического воздействия уже после вложения средств. В качестве основного критерия инвестиции в интересах устойчивого развития следует оценивать с учетом их потенциала в плане расширения возможностей женщин и девочек. Путь развития не может считаться «устойчивым», если он ведет к ограничению возможностей женщин. Таким образом, если инвестиции в низкоуглеродные и энергоэффективные проекты, осуществляемые в интересах бедных слоев населения, произвольно обуславливают увеличение доли неоплачиваемого труда женщин, то ни о каком устойчивом развитии говорить не приходится. Речь идет не о том, чтобы отрицать явную и настоятельную необходимость деуглеродизации мировой экономики, а о том, что, как было показано в главе II, слишком сосредоточенный на выбросах или общепланетарный подход к устойчивому развитию неприемлем с точки зрения местного развития и гендерного равенства. Подход к оценке инвестиций с точки зрения расширения возможностей требует отказа от использования критерия «доход + воздействие на окружающую среду», при помощи которого чаще всего и оценивается устойчивое развитие. Для оценки методов расширения возможностей был разработан ряд мер.

273. Один из способов оценки расширения возможностей женщин с сохранением практического и избирательного подхода состоит в том, чтобы выбрать показатели, которые уже являются частью расчета индекса развития человеческого потенциала Программы развития Организации Объединенных Наций, та-

кие, как продолжительность жизни и наличие гендерных предрассудков³⁸. Индекс развития человеческого потенциала основан на известной концепции Сена о возможностях и выполнении функций (Sen, 1985) и может рассматриваться в качестве одной из отправных точек практической реализации возможностей. Индекс в целом является довольно общим и масштабным показателем; совершенно очевидно, что определять, какие показатели возможностей являются наиболее актуальными, следует с учетом конкретных социально-экономических обстоятельств и приоритетов. Так, например, для инвестиций в развитие санитарии на уровне общин в качестве критерия следует использовать показатель образования (например, число девочек, обучающихся в средних школах). Для инвестиций в экологически чистые технологии бытового энергообеспечения беднейших слоев населения более подходящим может быть критерий женской и младенческой смертности. Показатели заинтересованности следует измерять применительно не только ко всему населению, но и к низшим квинтилям. Эти показатели можно определять на различных уровнях — для государства в целом или для конкретных мероприятий на местном уровне.

274. В качестве примера для иллюстрации такого подхода можно привести показатель смертности девочек в возрасте до пяти лет и соотношение девочек и мальчиков, обучающихся в средней школе, которые могут рассматриваться в качестве потенциально полезного критерия оценки возможностей в контексте четырех приоритетных областей, анализируемых в настоящей главе (Saith and Harriss-White, 1999; Unterhalter, 2013). Такие показатели релевантны для общин или стран с низким уровнем дохода. Наряду с антропометрическими показателями, касающимися питания, показатели смертности девочек в возрасте до пяти лет и доли девочек среди учащихся средних школ коррелируются с принципиально важными возможностями и являются неизменным условием реализации многих других прав и возможностей человека. Кроме того, они являются реалистичными с учетом того, что детская смертность и охват школьным образованием, какими бы несовершенными показателями они ни были, регулярно отслеживаются в значительном числе стран. Для этой же цели можно использовать и другие показатели.

275. Доли мальчиков и девочек отражают соотношение полов в контингенте учащихся школ и являются прямым показателем паритета; однако простой показатель представленности женщин в системе среднего образования также является надежным критерием оценки возможностей. Показатели, характеризующие контингент учащихся средних школ, предпочтительнее таких же показателей по начальной школе: исследования убедительно свидетельствуют о том, что чем больше лет девочка посещает школу, тем четче может она заявлять о своих правах и лучше защищать себя и свою семью от заболеваний (Unterhalter, 2013).

276. Для оценки положения дел с гендерным равенством в различных областях двух критериев может быть недостаточно. Однако эти критерии предлагаются в качестве пусть и не исчерпывающих, но важных и наглядных показателей устойчивой траектории развития; выбор таких показателей полностью зависит от конкретных условий. Ожидается, что фактические инвестиции будут оцениваться на основе дополнительных экологических и экономических критериев.

³⁸ United Nations Development Programme, Human Development Report, Human Development Index, <http://hdr.undp.org/en/statistics/hdi> (посещение от 27 июня 2014).

Однако избирательность и простота показателей имеют важнейшее значение для их учета при формировании политики. Действительно, даже один показатель может служить неплохим критерием оценки в конкретной обстановке в зависимости от исходных условий, предшествующих инвестициям.

277. Одним из показателей развития с учетом гендерного фактора, который имеет поистине решающее значение, является сокращение объема неоплачиваемой домашней работы. Любая экономика зависит от неоплачиваемой «экономики домашнего труда» (Razavi, 2007), включающего приготовление пищи, уборку, уход за пожилыми родственниками и детьми и добровольная работа в общине. В странах с низким уровнем дохода работа по уходу включает также заготовку воды и топлива, что зачастую сопряжено с необходимостью преодолевать большие расстояния. Неоплачиваемым трудом занимаются в основном женщины, и бремя неоплачиваемой работы может как уменьшиться, так и возрасти как следствие мер, которые, на первый взгляд, являются экологически устойчивыми. Их даже можно квалифицировать в качестве устойчивых именно потому, что они опираются на неучтенный неоплачиваемый труд; на этом основании значительной критике подверглись такие хваленые мероприятия, как сбор дождевой воды и общинное управление ресурсами (Jackson, 1993; Kabeer, 2005). Сокращение доли неоплачиваемого труда по уходу, особенно в низкодоходных домохозяйствах, имеет определяющее значение для того, чтобы женщины и девочки могли реализовать весь спектр своих возможностей. Этот показатель не всегда учитывается при расчете индекса развития человеческого потенциала. Хотя страны все чаще собирают данные об использовании времени, недостаток информации по ряду таких аспектов, как особенности жизни женщин в нищете, выполняемая ими неоплачиваемая домашняя работа, участие женщин в процессе принятия решений на всех уровнях и доступ женщин к активам и производственным ресурсам, права собственности на них и контроль над ними, ограничивает оценку степени гендерного равенства и возможностей женщин. Государствам-членам необходимо принимать более активные меры к обеспечению в приоритетном порядке систематического сбора, представления и анализа данных по минимальному набору гендерных показателей, принятому Статистической комиссией³⁹.

С. Категории инвестиций в устойчивое развитие с учетом гендерного фактора

278. Основные категории инвестиций — это инвестиции в создание надежных систем бытового водоснабжения, экологичные и достойные объекты санитарно-технической инфраструктуры, оснащение более безопасными кухонными плитами и бытовое электроснабжение. Каждому человеку, независимо от возраста, пола или социальной принадлежности, необходимо пить воду, дышать, есть приготовленную пищу, отправлять физиологические потребности и иметь освещение в темное время суток. Инвестиции в эти области влияют на повсе-

³⁹ Минимальный набор гендерных показателей, принятый Статистической комиссией в 2013 году, представляет собой своего рода руководство для подготовки статистических данных по гендерной тематике на национальном уровне и обобщения этих данных на международном уровне. См. Department of Economic and Social Affairs, Statistics Division, *Gender Statistics*, с материалом можно ознакомиться по адресу: <http://unstats.un.org/unsd/gender/default.html> (по состоянию на 16 июля 2014 года).

дневную жизнь любого человека и таким образом способствуют реализации его возможностей и прав. Эти факторы определяют состояние здоровья человека и его средства к существованию и являются краеугольным камнем того, что называют «энвайронментализмом неимущих» (Martínez-Alier, 2002). Такие факторы имеют особое значение для малоимущих женщин с учетом их общественных обязанностей по удовлетворению потребностей других членов домохозяйства и своих собственных. поэтому они должны быть центральным элементом политики по обеспечению устойчивого развития.

279. Для всех четырех категорий инвестиций характерны побочные эффекты, которые идут на пользу как тем, для кого эти инвестиции предназначены, так и другим людям (например, доступ для женщин к безопасной санитарии способствует повышению общего уровня здоровья в общине, а эффективные кухонные плиты способствуют улучшению здоровья членов домохозяйства и обеспечивают экономию средств из его бюджета). Отсутствие пригодной для питья воды и безопасной санитарно-технической инфраструктуры и загрязнение воздуха в помещениях в результате сжигания твердых видов топлива являются причиной около 11 процентов всех смертей в странах с низким уровнем дохода (ВНО, 2009). Все четыре области инвестиций имеют техническую составляющую, однако инвестиции в одни лишь технологии не могут обеспечить масштабных преобразований на основе инноваций. Для всех четырех категорий инвестиций характерны значительные положительные внешние факторы, а это означает, что общественные выгоды от таких вложений, как правило, превышают личную выгоду. Поэтому существует вероятность того, что предложение таких товаров и услуг на рынке будет носить ограниченный характер, в связи с чем возникает необходимость финансирования их за счет государственных инвестиций. Это не исключает участия частного сектора, хотя и требует скоординированных усилий по направлению частных инвестиций на достижение более масштабных социальных целей за счет целевого субсидирования и регулирования. Все четыре категории инвестиций могут направляться по каналам вне сферы устойчивости и могут не способствовать гендерному равенству или же по более устойчивым и справедливым инновационным каналам, задействовав которые можно расширить имеющиеся возможности. Сосредоточенность на таких областях, следовательно, не означает, что усилия неизбежно увенчаются обеспечением гендерного равенства, равно как и то, что не единственные достойные внимания инвестиции в устойчивое развитие. Многие инвестиции могут сыграть трансформирующую роль в плане искоренения нищеты и укрепления гендерного равенства, такие как вложения в создание адекватной инфраструктуры, мобильные технологии в целях развития или финансовые услуги для тех, кто не может пользоваться услугами банков. Основное внимание уделяется тем категориям инвестиций, которые могут непосредственно и конкретно улучшить положение дел с гендерным равенством, особенно в случае малоимущих женщин, поскольку на них в отсутствие таких инвестиций ложится несоразмерное бремя проблем со здоровьем и неоплачиваемого домашнего труда (Antonopoulos and Hirway, 2010).

280. Инвестиции в санитарии в городах Южной Азии или Африки, которые не всегда обеспечивают необходимое соотношение количества туалетов и численности населения, зачастую обуславливают ситуацию, когда женщины не могут пользоваться этими туалетами, поскольку не могут долго стоять в длинных очередях по утрам или ходить пешком к туалетам в ночное время. С другой

стороны, многие инициативы в Африке, которыми руководят сами общины и которые предполагают полноценное обеспечение санитарными услугами, например в Кении и Сьерра-Леоне, показали, что женщины с готовностью берут на себя руководящую роль в содействии сооружению туалетов в общине и в деятельности по мобилизации усилий общин для обеспечения полного охвата населения санитарными услугами (Hickling and Bevan, 2010). Несколько инициатив по установке более современных усовершенствованных кухонных плит в Индии, Кении и Китае одновременно способствовали повышению качества воздуха в домах и, потенциально, улучшению состояния дыхательной системы женщин, хотя последнее не всегда легко оценить. Ниже более подробно рассматривается пример чрезвычайно успешного проекта — национальной программы Китая по замене угольных плит на усовершенствованные модели (Sinton and others, 2004).

1. Водоснабжение

281. Порядка 748 миллионов человек в мире не имеют доступа к улучшенным источникам водоснабжения (WHO/UNICEF, 2014), определяемым ВОЗ как получение воды из защищенных от загрязнения колодцев, ручьев, сборников дождевой воды, скважин или водопроводов. Диарея, вызываемая микробной инфекцией (что возможно даже при пользовании улучшенными системами водоснабжения), ежегодно уносит жизни 1,6 миллиона детей в возрасте до пяти лет (WHO/UNICEF, 2006). Для повышения качества воды разрабатывается и тиражируется целый ряд инновационных методов. Настоящий раздел посвящен вопросу надежного доступа к достаточным и более качественным объемам воды для бытовых нужд. Доступ к элементарным услугам имеет приоритетное значение, в особенности для женщин в развивающихся странах.

282. Социальные установки таковы, что в основном именно женщины и девочки приносят воду для семьи: более чем в 70 процентах домохозяйств, в которых необходимо заготавливать воду, этим занимаются женщины и девочки (WHO/UNICEF, 2012). В сельских районах, где источники воды находятся далеко, женщинам приходится идти пешком порой до двух часов. Когда речь идет о водозаборных колонках общего пользования в городах, женщины могут простоять в очереди более часа (см. Ray, 2007). Данные обследования по 25 странам Африки к югу от Сахары указывают на то, что на заготовку воды женщины затрачивают в общей сложности 16 миллионов часов в день (WHO/UNICEF, 2012); чем дальше расположен источник воды, тем меньше воды использует домохозяйство. Тематические исследования по всему миру свидетельствуют о том, что связанная с заготовкой воды нехватка времени означает для женщин утрату дохода, а для девочек — упущенное школьное образование (UNDP, 2006). Кроме того, отсутствие гарантированного права на воду может стать причиной тяжелого психологического расстройства. А необходимость носить воду на себе в конечном итоге обуславливает излишнюю нагрузку на шею, позвоночник, спину и колени; по сути, тело женщины становится частью системы водоснабжения и выполняет функции водопроводных труб.

283. Во многих развивающихся странах доступ к улучшенным системам водоснабжения в городах обеспечен лучше, чем в сельских районах, а в верхнем квинтиле доступ к этому ресурсу значительно шире, чем в нижнем. Сведения о таких тенденциях соответствуют данным из доклада о развитии человеческого потенциала за 2006 год, в котором однозначно констатируется, что отсутствие

адекватного доступа к воде обусловлено неравенством и отсутствием прав, а не неким обобщенным представлением о ее дефиците (UNDP, 2006), а это согласуется с анализом, проведенным в главе IV по вопросу о праве на питание.

284. Даже в городах, где процентный показатель доступа к воде, как правило, выше, для нижних квинтилей надежный доступ к качественному и недорогостоящему водоснабжению гарантирован отнюдь не всегда. Непрерывное снабжение водопроводной водой обеспечивает максимальную отдачу с точки зрения охраны здоровья и сопряжено с наименьшими трудозатратами, однако в техническом и финансовом плане осуществимо только в густонаселенных районах. Для того чтобы достичь цели в области развития, сформулированной в Декларации тысячелетия, в период с 2000 по 2015 год для создания и эксплуатации системы водопроводов и канализации в развивающихся странах ежегодно требовалась бы сумма в 136 млрд. долл. США; для достижения целевого показателя за счет применения менее дорогостоящих технологий водоснабжения, включая бурение скважин, прокладку недорогих водопроводов и оборудование водосборников на крышах, без монтажа очистных приспособлений в местах потребления воды для улучшения ее качества потребуются, по оценкам, несколько менее 2 млрд. долл. США в год (Hutton, Haller and Bartram, 2007). По данным Совместной программы мониторинга ВОЗ/ЮНИСЕФ в области водоснабжения и санитарии⁴⁰, цель обеспечения глобального доступа к воде была достигнута к 2013 году, но это не означает обеспечения всеобщего доступа к воде и доступа к воде, безопасной для питья, и при этом указанная цель была достигнута, главным образом, благодаря обеспечению доступа к воде в городах, а не в сельской местности, с сохранением проблемы нехватки времени у женщин, высоких издержек обеспечения такого доступа и других атрибутов дефицита воды (например, крайне нестабильного качества воды, ненадежности доступа к источникам воды, физических нагрузок, связанных со сбором и доставкой воды).

285. В сельских районах некоторый объем воды необходим не только для потребления, но и в качестве источника средств к существованию. В работе Zwartveen (1997) утверждается, что, если ограничиться только бытовым водоснабжением при рассмотрении потребностей женщин в воде, то неучтенным останется тот факт, что все больше женщин выступают в роли главы малого семейного фермерского хозяйства, и такой подход будет подчеркивать роль женщины как матери, а не как товаропроизводителя. Сельские системы водоснабжения, которые предполагают многоцелевое использование воды не только для питья, но и для полива небольших наделов земли и поения небольшого поголовья крупного рогатого скота или коз, в большей мере отвечают всей совокупности основных потребностей сельских женщин. У таких систем более высокий коэффициент окупаемости, поскольку они позволяют генерировать доход, особенно если при этом имеется возможность получения кредита. сосре-

⁴⁰ Совместная программа мониторинга в области водоснабжения и санитарии Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) и ЮНИСЕФ представляет собой механизм контроля Организации Объединенных Наций за деятельностью на региональном и национальном уровнях по обеспечению доступа к воде и санитарии. В рамках этого механизма на глобальном и национальном уровнях в качестве основного источника данных используются обследования домохозяйств, и эти сведения считаются наиболее полным массивом данных для отслеживания положения дел с водоснабжением и санитарией в глобальном масштабе.

доточение же усилий только на питьевом водоснабжении, например, за счет устройства скважин с насосом, предполагает затраты на человека в год на протяжении срока службы такой установки в размере от 20 до 60 долл. США, и при этом практически отсутствует возможность возмещения затрат в силу низкого уровня доходов пользователей. С практической, а не правозащитной точки зрения, доноры и правительства в условиях нынешней глобализации экономики в большей степени готовы вкладывать средства в проекты при условии хотя бы частичной их окупаемости.

286. В дополнение к сооружению крупных многоцелевых водосборных объектов существуют и технологии децентрализации расширенного водоснабжения, которые уже в совокупности обеспечили охват многих миллионов людей. Многие из таких технологий по сегодняшней терминологии квалифицируются как «многоцелевые». Некоторые из них представляют собой «модернизацию» традиционных подходов, зачастую используемых на уровне общин. Наиболее известным примером является сбор дождевой воды, чем в настоящее время в массовом порядке занимаются общины в сотрудничестве с правительствами и неправительственными организациями. Другой пример — насосы с ножным приводом, представляющие собой механизм с педальным приводом для выкачивания воды из небольшой глубины для бытовых нужд, а также для мелких фермерских хозяйств и приусадебных участков. Восстановление и модернизация таких методов отчасти обусловлены периодическими засухами и отчасти — стремлением опровергнуть утверждение о том, что строительство крупных плотин является единственным способом гарантировать водоснабжение. Однако отсутствие достаточного финансирования и недостаток политического интереса не позволяют применять эти подходы в таких масштабах, которые обеспечили реальные перемены (см. Sovacool, 2012).

287. Во всем мире вода означает жизнь; доступ к воде неимущих женщин является одним из важнейших приоритетов устойчивого развития. В этом смысле весьма поучительна история неудачных проектов водоснабжения в сельских районах и городах. Часто упоминаемая причина заключается в том, что голоса и мнения женщин игнорировались как до, так и во время осуществления этих проектов, и это при том, что женщины являются потребителями воды и, следовательно, обладают соответствующими знаниями и непосредственно заинтересованы в успехе. Таким образом, способность к действию, мнения и инициативность женщин являются неременным условием создания устойчивой системы водоснабжения с учетом гендерного фактора и их участие в этом процессе должно быть отнюдь не символическим. Хотя было бы наивно утверждать, что инициативность женщин является необходимым или достаточным условием реализации проектов устойчивого водоснабжения на уровне общин, многочисленные тематические исследования, проведенные, в частности, в Индии, Кении, Непале, Объединенной Республике Танзания, Пакистане, Эфиопии и Южной Африке, свидетельствуют о том, что подход, который отводит женщине центральную роль в процессе обеспечения водоснабжения и санитарии, позволял добиваться хороших результатов в плане экономии средств, обеспечивать больше домохозяйств водой и снижению остроты проблемы коррупции в сфере финансирования проектов водоснабжения (Fisher, 2006; Chattopadhyay and Duflo, 2004).

2. Санитария

288. Санитария является одной из основных потребностей, однако миллиарды людей во всем мире не имеют доступа к улучшенной санитарно-технической инфраструктуре. Важно понять, что по социальным, а также биологическим причинам женщины и мужчины сталкиваются с разными рисками и имеют разные потребности с точки зрения санитарии. Так, например, девочки и женщины рискуют подвергнуться сексуальному насилию, когда пользуются общественными туалетами, расположенными вне их дома, а отсутствие надлежащей санитарно-технической инфраструктуры в школах может стать причиной пропуска занятий, особенно в период менструации.

289. «Улучшенная» санитарная инфраструктура, по данным ВОЗ и ЮНИСЕФ, включает в себя туалеты с ручным смывом или механические сливные туалеты, соединенные с накопителем, проветриваемые усовершенствованные туалеты в виде уборных с выгребными ямами и компостные туалеты, использование которых позволяет устранить контакт человека с патогенными отходами. Существует множество конструкций туалетов, которые могли бы использоваться в малоимущих домохозяйствах, начиная с простой выгребной ямы с настилом и заканчивая более сложными конструкциями сухих (экологически чистых) туалетов, изготавливаемых местными производителями (Nelson and Murgay, 2008). Однако более 2,5 миллиарда человек все еще лишены доступа к улучшенным туалетам, причем из них 761 миллион человек пользуется общественными туалетами, которые по классификации Совместной программы ВОЗ и ЮНИСЕФ по мониторингу в области водоснабжения и санитарии не считаются улучшенными. Показатель распространенности открытой дефекации сократился во всех развивающихся странах (WHO/UNICEF, 2013), однако она еще остается нормой для более чем 1 миллиарда человек, 90 процентов из которых составляют сельские жители.

290. Открытая дефекация представляет собой серьезную угрозу для здоровья населения, а также окружающей среды, являясь причиной распространения диарейных заболеваний и загрязнения воды. По сравнению с программами питьевого водоснабжения программам в области санитарии уделяется все больше внимания на фоне бытовавшего ранее игнорирования их, и при этом специалисты в области здравоохранения, правительства в сотрудничестве с местными общинами и международными неправительственными организациями активно поощряют такие программы. Из каждых 4 долл. США, потраченных на программы в области водоснабжения и санитарии, на услуги в области санитарии по-прежнему приходится около 1 долл. США (WHO, 2012). Однако стоит отметить поистине радикальные изменения, произошедшие в последние годы в связи с признанием санитарии как необходимого элемента охраны здоровья и развития.

291. Элементарная санитарно-техническая инфраструктура — экологичная, не требующая больших затрат на сооружение и обслуживание, и с безопасным доступом — представляет собой объект инвестиций с особо преобразующим эффектом в плане расширения возможностей женщин и девочек. В силу общественных норм женщинам необходимо больше приватности по сравнению с мужчинами, когда они пользуются туалетом, им требуется больше времени, чем мужчинам (поскольку они должны сидеть или приседать), им нужна физическая безопасность, когда они вынуждены пользоваться общественной уборной вне своего жилища, а в период менструаций им бывает необходимо посещать туалет по несколько раз в день. По этим причинам доступ к санитарии

является в той же степени неразрывно связан с проблематикой гендерного равенства и человеческого достоинства, как и доступ к воде. Как и в случае доступа к воде, доступ к санитарии в странах с низким уровнем дохода характеризуется существенными различиями: как и в случае водных ресурсов, охват санитарно-техническими услугами в городах значительно лучше, чем в сельских районах (WHO/UNICEF, 2013). Примечательно, что в сельских районах самый низкий показатель доступа отмечается в общинах, удаленных от основных дорог. В целом, согласно оценкам, на детей из беднейших квинтилей в странах с низким уровнем дохода (в Южной Азии и странах Африки к югу от Сахары) ложится почти в 20 раз более тяжелое бремя проблем со здоровьем из-за неадекватной санитарии по сравнению с детьми из верхних квинтилей в тех же странах.

292. Новые направления исследовательско-пропагандистской деятельности в области санитарии и, в основном, касаются расширения доступа за счет разработки новых технологий, поощрения пользования туалетами, развития рынков санитарно-гигиенической продукции, содействия большей активности негосударственных субъектов и предотвращения открытой дефекации (Black and Fawcett, 2008; water.org⁴¹; Bill and Melinda Gates Foundation). Усилия ряда доноров (например, инициатива Фонда Гейтсов “Reinvent the Toilet”) и усилия в рамках государственно-частных партнерств (например, общинные кампании по обеспечению полного охвата населения санитарными услугами) сосредоточены в первую очередь на создании рациональной санитарно-технической инфраструктуры для неимущих. Общинные стратегии обеспечения полного охвата населения санитарными услугами прежде всего направлены на развитие санитарии в сельских районах, поскольку это отражает связь данной концепции с укладом жизни в сельских районах (Kar and Chambers, 2008), а также в силу того, что проблема открытой дефекации характерна, в основном, именно для этих районов. Такой подход к мобилизации усилий общин в области санитарии без субсидирования стимулирует население к тому, чтобы оборудовать собственные туалеты/уборные с выгребными ямами за счет местных ресурсов, с тем, чтобы покончить с практикой открытой дефекации. Общинные стратегии обеспечения полного охвата населения санитарными услугами поощряют женщин принимать на себя ведущую роль, однако при этом важным аспектом являются традиционные представления о женщинах как о хранительницах чистоты и порядка в семье, что может обусловить дополнительную нагрузку для женщин (Mehta and Movik, 2011). Вместе с тем имеются и примеры инициатив по развитию санитарии в городах, осуществляемых под руководством местных общин, и при этом речь идет не только об оборудовании туалетов, но и о своего рода объединяющем общину проекте, примеры чему можно найти в таких регионах, как Южная Азия, Центральная Америка и южная часть Африки. Эти методы, которые некогда опробовались в рамках экспериментальных проектов, а сейчас получают все более широкое распространение, представляют собой существенный отход от ранее применявшихся методов, обусловленных динамикой предложения и наличием инфраструктуры. По-прежнему неясно, можно ли в различных условиях продолжать в долгосрочной перспективе использовать подходы, ориентированные на спрос, или же их можно в достаточной степени адаптировать к особенностям политической экономики различных стран,

⁴¹ Более подробно см. по адресу <http://water.org/>.

с тем чтобы применять уже в больших масштабах (например, Haggis, Kooy and Jones, 2011, о ситуации во Вьетнам.

293. Определение усовершенствованных (или модернизированных) туалетов с выгребными ямами, используемое в рамках всех этих инициатив, по-прежнему основано на том, какие механические средства используются, и при этом почти не учитывается то, как производится обработка сточных вод перед их удалением или как удаляются отходы, если речь идет о туалете без водяного смыва. Неочищенные сточные воды и накопление фекальных масс в выгребных ямах являются сильными и неприемлемыми загрязнителями окружающей среды. Если учесть, что улучшение санитарной инфраструктуры должно также подразумевать обработку сточных вод до их сброса в окружающую среду, то получится, что число людей, не охваченных элементарными санитарными услугами, составляет не 2,6 миллиарда, а 4,1 миллиарда человек (Baum, Luh and Bartram, 2013). Проекты туалетов экологичной конструкции должны предусматривать не только меры по сокращению практики открытой дефекации, но и способы удаления и повторной переработки патогенных отходов (Nelson and Muggau, 2008). Финансирование развития санитарии в требуемом объеме по-прежнему является нерешенной глобальной задачей, и при этом имеется большая неопределенность в отношении существующих смет расходов при практически полном отсутствии оценок расходов частных домохозяйств. В публикации Hutton and Bartram, 2008, отмечено, что ежегодно в течение 10 лет необходимо будет инвестировать, по оценкам, приблизительно 36 млрд. долл. США (в ценах в долл. США 2008 года) для достижения цели развития тысячелетия по сокращению вдвое доли населения, не имеющего доступа к усовершенствованным средствам санитарии (и сохранения достигнутого результата). Если к этой сумме добавить расходы на первичную обработку отходов содержимого туалетов, а также долгосрочные расходы на обслуживание, то затраты на обеспечение «устойчивой санитарии» могут в 5–20 раз превысить стоимость сооружения обычных уборных с выгребными ямами. В настоящее время на экспериментальной основе в городских трущобах осуществляются инновационные социальные инициативы, предполагающие безопасную переработку фекалий в шлам, пригодный для повторного применения или использования в возобновляемой энергетике (например, инициатива “Sanergy”)⁴², и при этом используются возможности возмещения расходов за счет эффективного повторного использования таких отходов, однако эта работа все еще ведется в экспериментальном режиме.

294. Крайне необходимо уделять особое внимание ликвидации практики открытой дефекации. Однако этого недостаточно для обеспечения устойчивой и гендерно обусловленной санитарии. Наличие чистой и безопасной санитарно-технической инфраструктуры может способствовать образованию девочек, мобильности женщин, а также физической и сексуальной безопасности женщин и девочек. Однако гендерное равенство означает, что программы по созданию туалетов не должны ограничиваться только решением проблемы дефекации и борьбой с болезнями: они должны столь же серьезно учитывать необходимость обеспечения приватности, безопасности и гигиены в период менструаций. Проблема гигиены во время менструации зачастую не уделяется должного внимания в национальных и международных инициативах по пропаганде сани-

⁴² Более подробная информация представлена на веб-сайте <http://saner.gy/>.

тарии; только сейчас этот аспект получает признание в качестве критического недостатка программ по достижению целей развития в период после 2015 года (WHO/UNICEF, 2013). Безопасная и приватная санитарно-техническая инфраструктура и санитарно-гигиеническая продукция способствуют тому, чтобы девочки продолжали учебу в школе, причем в таких условиях девочки в меньшей степени испытывают чувство дискомфорта и стыда, когда пользуются туалетом во время менструации. Как показывает опыт Индии, Непала, Нигерии и Объединенной Республики Танзания, отсутствие необходимой санитарно-технической инфраструктуры и чистых тканевых прокладок, необходимых в период менструации, вынуждает девочек пропускать школу, а наличие чистых и безопасных туалетов, а также просвещение в вопросах личной гигиены во время менструаций способствует поддержанию посещаемости среди девочек. Данные других исследований, проведенных в Индии и Кении, показывают, что отсутствие адекватной гигиены во время менструального цикла и отсутствие мест, где можно сменить использованные средства гигиены, ставят девочек в неловкое положение, препятствуют их участию в физической активности на переменах между уроками, вынуждают их сидеть дома, в то время как наличие улучшенных и доступных средств гигиены и обеспечение приватности способствуют комфортной учебе в течение года, а также повышению качества жизни в целом (House, Mahon and Cavill, 2012; McMahon and others, 2011; Shah and others, 2013). Словом, мужчины и женщины по биологическим и социальным причинам имеют весьма различные санитарно-гигиенические потребности. Инвестиционные проекты в этой области должны разрабатываться и осуществляться на условиях приоритетного учета таких физических потребностей и существующих социальных норм, а это означает, что программы в области санитарии не должны быть направлены только лишь на предотвращение практики открытой дефекации.

3. Печки и плиты для приготовления пищи

295. Ежедневное приготовление пищи для семьи остается обычным женским занятием. Это одна из основных составляющих неоплачиваемой работы по уходу. Поэтому женщины и их дети, особенно младшего возраста, которые с ними проводят все время, чрезмерно страдают от воздействия вредного дыма, образующегося при использовании печек, работающих на биомассе. Работа по сбору топливной древесины или древесного угля, которая в развивающихся странах также в основном возложена на женщин, отнимает много времени, является изнурительной и порой опасной и для женщин, и для детей, которые часто ходят вместе с ними. Кроме того, семьям сельских жителей крайне не хватает рабочих рук в разгар сельскохозяйственного сезона, поэтому сбор топливной древесины сопряжен с высокими альтернативными издержками.

296. Женщины по многу часов в день тратят на поиски топлива и приготовление пищи на открытом огне, который является источником вредного дыма. В силу этого они в гораздо большей степени, чем кто-либо еще, страдают от неэкологичных и неэффективных методов приготовления пищи, а также от использования топлива, получаемого из биомассы (Global Alliance for Clean Cookstoves, 2013). Во всем мире почти 3 миллиарда человек используют твердое топливо для приготовления пищи и обогрева помещений; 78 процентов из них, по данным инициативы «Устойчивая энергетика для всех», — это сельские жители (см. www.se4all.org). Главным фактором загрязнения воздуха в

домах являются традиционные печи, работающие на биотопливе (т.е. на дровах, древесном угле, навозе или послеуборочных остатках), особенно когда они работают в помещении. Во всем мире в результате такого загрязнения умерли более 4 миллионов человек, и в настоящее время загрязнение воздуха в домах вместе с загрязнением окружающего воздуха представляют главную опасность с точки зрения санитарного состояния окружающей среды. В Южной Азии и Китае самым серьезным фактором загрязнения воздуха в домах являются печи, работающие на твердом топливе, которые в Индии работают на биомассе, а в Китае главным образом — на угле. Результатом совокупного воздействия заболеваний, технического углерода и вдыхаемых твердых частиц являются респираторные инфекции, воспаление легких, низкий уровень веса при рождении и проблемы с сердцем (Fullerton, Bruce and Gordon, 2008).

297. Те преимущества в плане здоровья, материальной выгоды и экономии времени, которые домашние хозяйства могут получить, перейдя на использование более экологически чистых и более эффективных печей для приготовления еды, имеют большое значение и для общин в целом. Как и в случае водоснабжения и санитарии, это обеспечивает им дополнительные позитивные моменты, которые выгодны уже отнюдь не только отдельным женщинам. Так, в Южной Азии и в странах Африки, расположенных к югу от Сахары, наличие твердых частиц в окружающем воздухе (не только в помещениях) обусловлено приготовлением пищи на/в печах, работающих на твердых видах топлива.

298. Инвестирование достаточных средств в обеспечение населения, особенно в сельских и пригородных районах, эффективными печами и плитами, работающими на твердом топливе, — это вложение капитала с учетом одновременно и гендерных факторов, и задач в области устойчивого развития. В целях охраны здоровья, а также предупреждения загрязнения воздуха в помещениях было бы правильнее вообще перейти на использование более чистых видов топлива, например нефтяного сжиженного газа или природного газа, но это уже более радикальное предложение.

299. По сравнению с данными в отношении водоснабжения и санитарии объем данных о возможностях использования эффективных печей и плит, с разбивкой по странам и квинтилям населения, весьма ограничен (см. Anenberg and others, 2013). Отчасти это объясняется тем, что на обеспечение населения экологически чистыми кухонными печами и плитами только сейчас начинают выделять значительные бюджетные средства и только сейчас начинают на регулярной основе собирать соответствующие данные. В рамках национальной энергетической политики и в документах о стратегии сокращения масштабов нищеты главное внимание зачастую уделяется вопросам электрификации, при этом важная роль энергии для приготовления пищи не находит адекватного отражения. До настоящего времени исключением в этом плане была организованная в Китае массовая национальная программа модернизации печей для приготовления пищи, которая сейчас уже прекращена, но за время осуществления которой на внутренний рынок поступило 180 млн. усовершенствованных печей (Sinton and others, 2004).

300. Хотя на политическом уровне проблеме обеспечения населения более экологически чистыми печами и плитами для приготовления пищи уделяется все больше внимания, объем государственных инвестиций на эти цели по-прежнему недостаточен. Первое, чем определяется степень интереса к ним, —

это результаты соответствующих мер по обеспечению населения такими печами и плитами, которые весьма неоднозначны: в отдельных случаях результативность оценивается как нулевая, в других отмечаются некоторые улучшения в состоянии здоровья людей (которым трудно дать количественную оценку), а также сообщается о меньшем, чем прогнозировалось, улучшении в плане загрязнения воздуха внутри помещений (см. Anenberg and others, 2013). Существуют также самые разные варианты конструкции «экологически чистых» печей и плит и эффективности сжигания топлива в них: от тех, у которых есть труба, чтобы дым вытягивался на улицу, до тех, которым просто может быть нужно меньше топлива, но при этом твердые частицы остаются в воздухе помещений. С материальной точки зрения эффект использования энергоэффективных печей должен быть по большей части положительным: многие усовершенствованные печи сжигают на 30–60 процентов меньше топлива по сравнению с их немодернизированными аналогами; это может означать значительную финансовую экономию для сельских домашних хозяйств, которые тратят на оплату энергии почти 10 процентов своего ежемесячного дохода (Miah and others, 2010).

301. Второе соображение связано с тем, что оказалось далеко не просто обеспечить производство кухонных печей, которыми женщины хотели бы пользоваться, и сбыт таких печей семьям с низким уровнем дохода. Как можно судить по итогам большинства мероприятий, связанных с модернизацией приборов для приготовления пищи, даже в тех случаях, когда сообщается, что печи потребителям нравятся и они ими используются, оказывается, что они одновременно продолжают пользоваться и традиционными печами — для приготовления основных продуктов питания (вкус которых, по всей видимости, в усовершенствованных печах меняется). К тому же, имеются отдельные свидетельства того, что женщины не хотят отказываться от удобства использования двух печек, несмотря на преимущества, которые обеспечивает пользование энергоэффективными приборами. При таком «накоплении» приборов труднее понять соответствующие последствия для здоровья, а также становится сложнее продавать новые печки и плиты. При этом, особенно в плане приготовления пищи, для мужчин и для женщин ценность могут представлять совсем разные аспекты экологически чистых кухонных печей и плит. Гипотетически, женщин, больше чем мужчин, привлекают эстетический вид и отсутствие дыма, а мужчин в первую очередь интересует, чтобы еда была приготовлена вовремя и имела привычный вкус. Это не взаимоисключающие позиции, но из-за них возникают сложности со сбытом продукции. По оценкам, в настоящее время 166 миллионов домашних хозяйств используют относительно недорогие усовершенствованные печи, в том числе 116 миллионов в Китае и 22 миллиона в Южной Азии. Хотя добиться масштабных изменений пока не удастся, обнадеживающие результаты в плане расширения использования таких печей были зарегистрированы многими неправительственными организациями, включая «Практикал экшен» («Практические действия»), работающую в Камбодже Группу по вопросам охраны окружающей среды, использования возобновляемых источников энергии и солидарности (Groupe énergies renouvelables, охраны окружающей среды и Solidarités (GERES)) и «Потенциал энерджи» («Потенциальные энергоресурсы»), работающую в Азии и Африке, а также женщинами, активно участвующими в процессах разработки дизайна, проверки и социального и традиционного маркетинга таких печей (см. Global Alliance for Clean Cookstoves, 2013).

302. Сегодня тема использования экологически чистого оборудования для приготовления пищи красной нитью проходит через все обсуждения, посвященные проблеме изменения климата. Как правило, утверждается, что использование более экологически чистых печей и плит может способствовать расширению прав и возможностей женщин, улучшению состояния здоровья людей и смягчению последствий глобального потепления, и поэтому комплексный учет таких факторов, как климат, энергетика и нищета, является залогом успеха. Сокращение использования твердого топлива приводит к сокращению вредных выбросов, хотя совокупная доля выбросов от всех печей в общем объеме выбросов очень невелика (примерно 1–3 тонны двуокиси углерода в год на каждую печь) (Lee and others, 2013). По сравнению с выбросами углекислого газа более серьезные последствия, возможно, имеют выбросы технического углерода (сажи). Технический углерод — это загрязнитель атмосферного воздуха, способствующий глобальному потеплению и негативно воздействующий на климат регионов, который образуется при использовании для приготовления пищи печей, работающих на биомассе и на угле, и выброс которого в течение короткого времени сопровождается выделением значительного количества тепла. По оценкам, половина всех выбросов технического углерода в Южной Азии образуется при использовании печей, работающих на биомассе; эти выбросы воздействуют на муссоны и поэтому могут представлять опасность для наличия водных ресурсов. При этом следует отметить, что, согласно данным исследований, в рамках которых проводилось подробное изучение источников технического углерода, в целом приготовление пищи в домашних условиях с использованием биотоплива может сопровождаться, а может и не сопровождаться выделением небольшого количества тепла в результате кратковременного выброса загрязнителей, однако масштабы этого явления, если оно и имеет место, являются крайне неопределенными. В результате сжигания угля в домашних условиях кратковременно выделяется несколько большее количество тепла, но, опять же, говорить об этом можно «с высокой степенью неопределенности» (Bond and others, 2013).

303. Наблюдаемые явные изменения климата продиктовали необходимость и сделали возможным обеспечение финансирования и маркетинга программ модернизации печей для приготовления пищи на основе партнерских связей между государственным и частным секторами, с помощью Механизма чистого развития, Ссудного фонда для развития чистых технологий приготовления пищи, а также других новых форм творческого финансирования мер по сокращению выбросов углерода⁴³. Однако имеющаяся информация дает мало оснований для того, чтобы утверждать, что уменьшение количества сжигаемого биотоплива позволит существенным образом смягчить последствия изменения климата в ближайшей перспективе. Так называемые побочные выгоды от смягчения последствий изменения климата благодаря использованию экологически чистых печей, в том числе улучшение состояния здоровья людей, особенно женщин, и сокращение расходов, связанных с топливом (в плане времени, которое требуется для его сбора, и/или финансовых издержек), перекрывают преимущества с точки зрения климата. Уже одни только выгоды в плане улучшения состояния здоровья женщин и детей и сокращения объема выполняемой ими неоплачиваемой работы должны служить весьма убедительными аргументами в пользу

⁴³ Дополнительную информацию можно получить на веб-сайте Глобального альянса за экологически чистые кухонные печи и плиты, <http://carbonfinanceforcookstoves.org>.

инвестирования средств в создание и внедрение экологически чистых технологий приготовления пищи в контексте осуществления повестки дня в области устойчивого развития.

4. Электроэнергия

304. И, наконец, последним примером инвестиций с высоким преобразующим потенциалом является инвестирование средств в производство электроэнергии. Наличие надежного, безопасного и доступного освещения коренным образом меняет жизнь людей. Наличие электроснабжения означает, что мужчины и женщины могут при необходимости работать дольше и по более гибкому графику, дети и взрослые могут по вечерам учиться при хорошем освещении, а мобильные телефоны, которые стали для малоимущих трудящихся важным средством коммуникации, можно зарядить. Электрическое освещение гораздо более безопасно по сравнению с открытым пламенем керосиновых ламп или свечей. При освещении помещения с помощью средств, имеющих фитиль, например, свечей и керосиновых ламп, также образуется много технического углерода, однако в отличие от печей и плит, работающих на биомассе, при горении керосиновой лампы образуется практически чистый технический углерод, а содержание органического углерода при этом незначительно (Lam and others, 2012). Если в доме у семьи нет элементарного света, то она автоматически попадает в категорию «бедных», и если оценивать по этому критерию, то к числу бедняков во всем мире по-прежнему относятся более 1,3 миллиарда человек.

305. Хотя в целях развития тысячелетия цель или задача обеспечения электроснабжения (или энергообеспечения) не предусматривались, наличие доступа к основным услугам в области электроснабжения является необходимым условием не только развития в целом, но и необходимой предпосылкой обеспечения равенства мужчин и женщин (Cabraal, Barnes and Agarwal, 2005). Главная задача в рамках Цели 3, касающейся поощрения равенства мужчин и женщин, заключается в ликвидации неравенства между полами в сфере образования, и, получив доступ к электроэнергии, больше женщин из всех категорий по уровню доходов получили возможности для чтения и просмотра телепередач (Pereira and others, 2011, и цитируемая в нем Программа помощи в области управления энергетическим сектором 2004 года (Energy Sector Management Assistance Program, 2004)). В электроэнергии нуждаются и малые предприятия, которые часто возглавляют женщины. Наличие электроснабжения способствует в целом улучшению инфраструктуры здравоохранения, поскольку в этом случае медицинские учреждения могут работать и после захода солнца, вакцины могут храниться в холодильных камерах, а родовспоможение проводится при освещении. С наличием доступа к электроэнергии особенно тесно связан коэффициент материнской смертности (Sovacool, 2012). Если проанализировать показатели материнской смертности, то среди умерших матерей непропорционально велика доля женщин в возрасте 15–34 лет (United Nations, 2012), а, как известно, во многих случаях причиной заболеваемости и смертности женщин являются именно роды, которые принимались в отсутствие освещения. Поэтому наличие элементарного доступа к электроэнергии имеет существенное значение для расширения возможностей женщин.

306. Прогнозы в отношении стоимости обеспечения современными энергослужбами 1,3 миллиарда человек, которые в настоящее время не имеют воз-

возможности ими пользоваться, весьма различны, однако по оценочным данным, приведенным в докладе «Перспективы мировой энергетики», на эти цели потребуется ежегодно, вплоть до 2030 года, направлять по 49 млрд. долл. США (Международное энергетическое агентство, 2012 год). Диапазон прогнозов зависит от того, как оцениваются капитальные затраты, а также от прогнозов в отношении цен на топливо и эффективности бытовых приборов. Текущие эксплуатационные издержки, как правило, учитываются при оценке расходов на эксплуатацию и ремонт энергосистем, но зачастую не принимаются во внимание при проведении расчетов для небольших электросетей — на уровне домашних хозяйств или местных общин. Расширение централизованной энергосистемы по-прежнему является наиболее эффективным в густонаселенных городских районах проживания населения со средним уровнем дохода, например в Китае или Южной Африке. Однако соображения, связанные с капитальными затратами, а также слабые перспективы с точки зрения получения дохода не позволяют частным коммунальным предприятиям выходить на рынок для обслуживания не густонаселенных сельских районов, жители которых имеют низкий уровень доходов (Bazilian and others, 2012), даже несмотря на то, что многим развивающимся странам приходится — как по соображениям эффективности, так и из идеологических соображений — держаться курса на приватизацию своего сектора энергоуслуг.

307. Важно проанализировать возникшее противоречие между необходимостью обеспечить электроэнергией тех, кто к ней не подключен, и увеличением в этом случае выбросов парниковых газов, поскольку традиционно оказание энергоуслуг осуществляется на базе централизованной системы энергоснабжения, действующей на основе ископаемых видов топлива. В целом, большинство тех, у кого нет электричества, — это сельские жители. Поскольку они имеют низкую платежеспособность, сильно нуждаются, а также с учетом соображений, обусловленных глобальным изменением климата, главной рекомендацией в отношении политики устойчивого развития энергетики — в соответствии с инициативой «Устойчивая энергетика для всех» — стала рекомендация создавать децентрализованные системы, основанные на возобновляемых источниках энергии. В категории децентрализованных, или микроэнергосистем, использующих возобновляемые источники энергии, имеется несколько вариантов. Согласно данным по осуществлению инициативы «Устойчивая энергетика для всех», это могут быть крайне малые системы средней мощностью около 10 Вт (системы «пико»), рассчитанные на поддержку лишь пары лампочек и зарядку сотовых телефонов; либо домашние солнечные электросистемы, обеспечивающие работу вентиляторов, четырех-пяти энергоэффективных источников освещения и одного телевизора, средней мощностью порядка 30–40 Вт — для приборов, находящихся в обычной продаже; или миниэнергосистемы, которые обеспечивают оказание ряда услуг на уровне общин, требуют стартовых инвестиций в большем объеме, но производят электроэнергию с меньшими затратами, чем домашние системы. В отличие от централизованной системы, в общинах с ограниченными ресурсами можно быстрее обеспечить более широкое применение микроэнергосистем и воспроизведение соответствующего передового опыта, однако, как показывают результаты тематических исследований, при анализе затрат и выгод нельзя не учитывать расходы на текущую эксплуатацию и имеющиеся в этом плане возможности. В масштабах одной общины или нескольких общин возможно применение и гибридных энергосистем, работающих как на возобновляемых, так и на традиционных источниках

энергии, которые могут использовать фотоэлектрические технологии в сочетании с энергией ветра или даже с дизельным топливом, обеспечивая надежность по типу энергосетей, а также целый ряд возможностей для их применения в производственных, а не только в чисто бытовых целях (Guruswamy, 2011 год).

308. Базовый доступ к электроэнергии в настоящее время определяется как наличие в доме подвода электричества. Если обеспечить минимальное электроснабжение для 1,3 миллиарда человек, которые в настоящее время его не имеют (с тем чтобы у них было освещение, работали вентилятор, радио и телевизор), то нынешние показатели мирового потребления электроэнергии увеличатся весьма незначительно, но это станет залогом будущих изменений жизни к лучшему. Поэтому обеспечение минимального электроснабжения в интересах бедных слоев населения не представляет непосредственной угрозы для климата, даже если вся электроэнергия, которую они будут потреблять, будет производиться на основе использования ископаемых видов топлива. Однако применение в сети возобновляемых источников энергии и более широкое внедрение в практику децентрализованных вариантов — на базе использования экологически чистых источников энергии, благодаря чему последствия для здоровья местного населения и уровень загрязнения воздуха твердыми частицами сводятся к минимуму, являются важными мерами, которые позволяют не допустить, чтобы новые объекты энергетической инфраструктуры замыкались только на использование ископаемых видов топлива. Обеспечить предоставление базовых услуг — это лишь начало. Для того, чтобы искоренить нищету, потребуется идти дальше (Sovacool, 2012). Как и в случае с печами для приготовления пищи, устойчивость в контексте электроснабжения должна отражать относительные последствия с точки зрения климата и возможностей при различных вариантах — как для централизованных, так и децентрализованных систем, работающих как на традиционных, так и на возобновляемых источниках энергии.

309. Как и при проведении любых мероприятий, осуществление программ электрификации сельских районов на базе децентрализованных систем энергообеспечения в некоторых районах было успешным, а в других — не удалось в силу финансовых, политических и социальных причин. И хотя обеспечение базового электроснабжения по-прежнему имеет исключительное значение для устойчивого развития, ни одна технология, независимо от ее стоимости, устойчивости к последствиям изменения климата или применяемого в ней способа передачи электроэнергии, не может служить гарантией того, что выработка и потребление электроэнергии будет реально способствовать улучшению положения в плане обеспечения гендерного равенства. Как свидетельствуют результаты исследований по проблемам женщин и электроснабжения, когда в домах появляется электричество, женщины имеют возможность больше времени проводить со своими детьми, быстрее справляются со своими обязанностями и могут больше читать. Но когда речь идет об исключительно малых и крайне ограниченных системах, то возникают проблемы в плане того, на какие цели следует использовать ограниченные запасы электроэнергии: на приготовление пищи, обучение или просмотр телепередач (Jacobson, 2007); кто в доме использует энерговатты и в каких целях, — это определяется в зависимости от распределения обязанностей и влияния в семье (см. Agarwal, 1997). Для того чтобы электроснабжение активно способствовало установлению равенства между мужчинами и женщинами, возможно, понадобится использовать системы более

высокой мощности, чем системы «пико», хотя они и являются более дорогостоящими. Если исходить из предложенных в настоящей главе критериев расширения возможностей, то наиболее целесообразным может оказаться использование малых — но не крайне малых («пико») — систем.

D. Институциональный контекст инвестиционной деятельности

310. Институциональный контекст инвестиционной деятельности в целях обеспечения устойчивого развития и возможностей имеет, безусловно, решающее значение. Каждый из четырех намеченных приоритетных секторов зависит от внедрения и применения инновационных и/или доступных технологий, и технологии можно без труда назвать главным компонентом успешного осуществления инвестиций в сферы водо- и электроснабжения, санитарии и развитие экологически чистых технологий приготовления пищи. При этом технология является лишь частью любого инвестиционного проекта, поскольку распространение технологий происходит в определенном институциональном и финансовом контексте: среди пользователей, имеющих свои собственные ценности и взгляды, и в рамках конкретных политэкономических систем. Институциональный контекст в значительной мере определяет, кто имеет доступ к инвестициям и на каких условиях. В рамках многих проектов в области водоснабжения, санитарии и энергетики женщины в настоящее время принимают участие на всех стадиях — от разработки до маркетинга и финансирования. Это особенно верно в отношении мероприятий, в большей степени ориентированных на рыночную конъюнктуру: в частности, речь идет о внедрении экологически чистых технологий приготовления пищи и автономных систем эффективного освещения; то же самое во все большей степени относится к системам водоснабжения и санитарии. Однако институциональные задачи, ставшие актуальными в контексте назревшей необходимости принятия широкомасштабных мер в интересах 1,3 миллиарда человек, живущих без электричества, равно как и 2,5 миллиарда человек, не охваченных санитарным обслуживанием, являются поистине грандиозными.

311. Обеспечение населения услугами в области водо- и электроснабжения и канализации в широких масштабах традиционно осуществляется на основе инвестиций государственного сектора, поскольку сфера коммунальных услуг традиционно являлась монополией государства. С 1980-х годов возможность работать в сфере коммунальных услуг в развивающихся странах получили предприятия частного сектора. Частный сектор начал играть более активную роль, поскольку государственный сектор не предоставлял услуг населению с низким уровнем дохода, а также в силу того, что специалисты в области политэкономии во всем мире стали проявлять больший интерес к рыночной экономике и более скептически относиться к роли государства (см. например, World Bank, 2003). В тот же период важное место в контексте деятельности этих секторов услуг заняли субъекты гражданского общества и децентрализация. Сектор по производству приборов для приготовления пищи никогда не находился полностью в ведении государства. Печи и плиты для приготовления пищи в основном рассматриваются как самостоятельный вид потребительских товаров, несмотря на то, что уже давно (а сейчас все более активно) странами и донорами осуществляются программы в целях модернизации таких печей и производства энергии из биогаза.

312. Результаты партнерского сотрудничества, налаженного между государственным и частным секторами в рамках централизованного либо частично централизованного коммунального обслуживания в интересах развивающихся стран, были неоднозначными (Bazilian and others, 2011). Авторы трудов, выступающие в поддержку партнерских связей между государственным и частным секторами, часто высказывают мнение о том, что такие партнерские отношения представляют собой единственно возможный путь вперед, поскольку государственный сектор не располагает ни средствами, ни возможностями для того, чтобы расширить масштабы оказания соответствующих услуг, и не пользуется доверием населения. Однако, согласно результатам всеобъемлющего исследования опыта финансирования сферы водоснабжения и санитарии, проведенного недавно на базе 17 стран Межучрежденческим механизмом Организации Объединенных Наций по всем вопросам, касающимся запасов пресной воды, включая вопросы санитарии (Механизм Организации Объединенных Наций по водным ресурсам) и ВОЗ, 80 процентов средств (без учета расходов домашних хозяйств) на деятельность этого сектора по-прежнему поступают из бюджетов центральных, региональных и местных органов власти (WHO, 2012). Те, кто выступают против партнерских связей между государственным и частным секторами, в качестве аргумента выдвигают тезис о том, что при приватизации роль государства сводится лишь к выполнению функций защитника частной собственности и гаранта частных контрактов, но при этом не учитывается то обстоятельство, что многие государства не оказывают необходимых услуг бедным слоям населения, и оставляются без внимания соответствующие последствия. На основе имеющейся информации по-прежнему нельзя дать однозначного ответа на вопрос о том, выгодны ли для женщин, имеющих низкий уровень дохода, партнерские отношения между государственным и частным секторами, обеспечивающие надежное и эффективное оказание услуг, за счет чего уменьшается их стоимость и степень неопределенности в отношении возможности их получения, или же такие отношения наносят женщинам ущерб, поскольку за соответствующее обслуживание требуется вносить плату, а также оплачивать необходимые сборы, на что у женщин может не быть необходимых средств.

313. Несмотря на недостатки государственных программ, которым в последние десятилетия уделяется серьезное внимание, а также неадекватность системы государственного управления, имеющиеся данные свидетельствуют о том, что они по-прежнему имеют решающее значение для осуществления крупномасштабных социальных инвестиций. Хорошо известным примером является проект обеспечения жителей сельских районов Китая экологичными печками и плитками для приготовления пищи; благодаря этой программе, в рамках которой более чем 100 млн. домашних хозяйств получили усовершенствованные печки, их жизнь преобразилась; это стало результатом скоординированных усилий целого ряда национальных министерств, органов власти многочисленных уездов и деревень, энергетических компаний, работающих в сельской местности, и местных энергетических предприятий (Sinton and others, 2004). Примером инициированных национальными властями мероприятий по обеспечению электроснабжения сельских районов является осуществление в Южной Африке национальной программы электрификации после ликвидации апартеида. Крупномасштабная программа была успешной в том плане, что число жителей, обеспеченных электроэнергией, в течение короткого периода времени увеличилось вдвое, при этом усилия некоторых концессионеров из частного

сектора были направлены на достижение цели, которая, в принципе, относится к сфере компетенции государственного сектора.

314. Подобные примеры крупномасштабных мероприятий, когда государство не играет центральной роли, редки. Частное предпринимательство, определяемые спросом услуги и финансирование, давление «снизу вверх» со стороны неправительственных организаций и служащих примером опыт осуществления экспериментальных проектов, — все эти факторы имеют огромное значение. Однако во многих трудах, посвященных важности и необходимости инновационного характера деятельности частных субъектов в контексте оказания основных услуг, делается вывод о том, что для обеспечения всеобщего охвата услугами в области водо- и энергоснабжения государство должно создавать и поддерживать благоприятную политическую обстановку, оказывать прямую помощь самым малоимущим и регулировать направление и адресацию коллективных благ. В числе причин, не позволивших развернуть в более широких масштабах осуществление перспективных мероприятий, называются недостаток государственных субсидий, слабая инфраструктура, слабость системы управления и отсутствие надлежащего регулирования (Zhang and Smith, 2007; Bailis and others, 2009; Pereira and others, 2011; Harris, Kooy and Jones, 2011; Sovacool, 2012). Субъекты частного сектора не могут получать побочных выгод, предоставлять услуги кругу пользователей, живущих в крайней нищете, либо гарантировать удовлетворение основных потребностей или сохранение экологической целостности. Их мандатом это не предусмотрено.

315. В то же время характер участия частного сектора в сферах водоснабжения, санитарии и энергетики быстро меняется, особенно для частных предприятий обслуживания, которые работают с населением, относящимся к квинтилям с наиболее низким уровнем доходов. Это вовсе не крупные корпоративные структуры, а малые, полужформальные предприятия, иногда чисто коммерческие, в других случаях — социальные и коммерческие, и по большей части отличающиеся динамичностью и предприимчивостью. Крайне важно, чтобы государственный сектор взаимодействовал с частным сектором (частными секторами) в контексте усилий в области устойчивого развития, а также регламентировал его деятельность, одновременно задействуя его потенциал в плане оказания услуг и создания рынков. Однако не очень большие государства могут не иметь надлежащего потенциала в вопросах регулирования и надзора, особенно по сравнению с хорошо финансируемыми корпорациями, с которыми они иногда вынуждены вести переговоры. Поэтому регулирование деятельности частного и государственного секторов и осуществление соответствующего надзора также относятся к сфере ответственности представителей гражданского общества и общественных движений. Хотя эти организации могут быть весьма неоднородными, они часто являются группами, эффективно оказывающими давление и/или отстаивающими интересы неохваченного услугами населения и маргинализированных общин.

316. В такой сложной институциональной обстановке, где бок о бок работают самые разные поставщики услуг, крупномасштабные инвестиции на цели деятельности в интересах устойчивого развития могут иметь место лишь тогда, когда все партнеры по деятельности в области развития действуют сообща, образуя единый альянс. Предпринимаемые в настоящее время усилия свидетельствуют о том, что создание таких альянсов в сферах водоснабжения, санитарии и энергетики действительно возможно. Организация «Грамин Шакти» является

одним из основных субъектов частного (некоммерческого) сектора в сфере внесетевого электроснабжения в Бангладеш, и ею было установлено более 1 миллиона домашних гелиосистем. На основе финансирования, которое обеспечивают Международная финансовая корпорация и правительство Бангладеш, организация предоставляет микрокредиты своим покупателям на весьма выгодных условиях (Pachauri and others, 2012). В настоящее время при поддержке правительства, а в некоторых случаях и по его предписанию, после сотен успешных демонстраций, активно развивается обширная сеть систем для сбора дождевой воды в Индии, впервые разработанная и опробованная такими группами, как «Тарун Бхарат Сангх» и «Гравис», (Индия, министерство водных ресурсов, 2012 год). Масштабы работ по созданию надлежащих санитарных условий для всех под руководством общин, которые осуществляются без субсидирования, но на основе широкого участия населения в целях строительства и обеспечения использования уборных, быстро расширяются в странах Африки к югу от Сахары при поддержке международных структур и национальных правительств (например, Rukuni, 2010). В рамках проектов по обеспечению населения экологически чистыми приборами для приготовления пищи женские группы, общинные группы, социальные предприятия и коммерческие производители таких приборов проводят работу с миллионами потребителей в Африке, Центральной Америке, а также Южной и Юго-Восточной Азии. Эти примеры доказывают, что создание альянсов, способствующих преобразованиям, возможно, что такие альянсы существуют и что новые формы взаимодействия между государством, деловыми кругами и гражданским обществом могут содействовать устойчивому развитию с учетом гендерного аспекта.

317. Несмотря на недостатки многих организуемых государствами мероприятий, исторический опыт показывает, что государства должны заключать договоры со своим народом и выполнять эти договоры, по меньшей мере некоторые их положения. Такие государства называют «государствами развития», в которых государственные органы, действующие совместно с другими социальными субъектами, полностью подотчетны всем женщинам и мужчинам (Evans, 1995). Это равносильно призыву к странам выполнять их обязательства в области прав человека, включая обязательства в отношении обеспечения гендерного равенства и надлежащих условий жизни. Без активного и ответственного государства невозможно устойчивое и широкомасштабное развитие, сопровождающееся раскрытием потенциала людей.

Е. Финансирование инвестиций в устойчивое развитие

318. Финансирование инвестиций в интересах малоимущих слоев населения и с учетом гендерных аспектов в области устойчивого водоснабжения, санитарии и энергетики представляет собой сложную задачу, особенно для стран с низким ВВП на душу населения. Следует признать, что финансировать такие инвестиции в широких масштабах будет трудно и что при этом бюджетные ассигнования потребуются также и в других секторах, включая здравоохранение, оборону, образование, погашение задолженности и сельское хозяйство. Финансирование инвестиций в улучшение условий жизни наиболее беднейших слоев населения требует создания благоприятных условий как в развитых, так и в развивающихся странах. Следующий перечень отнюдь не является исчерпывающим, а приводится лишь для того, чтобы показать как традиционные, так и нетради-

ционные источники финансирования услуг в области водоснабжения, санитарии и энергетики, которые можно использовать и задействовать в интересах достижения устойчивости и гендерного равенства:

a) мобилизация внутренних ресурсов центрального правительства (на основе, например, прогрессивного налогообложения доходов корпоративного сектора) является главным компонентом любого нового социального договора, учитывающего интересы малоимущих слоев населения и направленного на достижение гендерного равенства;

b) финансирование по линии местных и муниципальных органов власти;

c) государственное финансирование инфраструктуры при обеспечении надзора и мониторинга со стороны центрального правительства или местных органов власти, но за счет заключения рыночных контрактов или использования рыночных сил для поставок или снабжения;

d) переориентация международных кредитов в области развития от крупных проектов в области инфраструктуры на другие цели;

e) финансирование за счет выпуска облигаций и акционерного капитала (такая практика все чаще применяется при финансировании крупных объектов инфраструктуры, что позволяет мобилизовывать средства на национальном или международном уровнях);

f) общинное финансирование развития или социальные фонды (они могут иметь ограниченные возможности для роста);

g) выполнение развитыми странами целевого показателя, предусматривающего выделение 0,7 процента их валового национального продукта на официальную помощь в целях развития развивающимся странам (и выделение в обязательном порядке в рамках этих 0,7 процента средств на такие приоритетные секторы, как водоснабжение и санитария);

h) мобилизация ресурсов за счет налогообложения глобальных финансовых операций;

i) сокращение большого количества и зачастую законных способов уклонения от уплаты налогов;

j) отмена субсидирования ископаемых видов топлива в странах Группы 20 и в новых промышленно развитых странах;

k) перенаправление средств из военных бюджетов на другие цели;

l) сокращение ведущих к торговым диспропорциям сельскохозяйственных субсидий и экспорта в развитых странах, которые ограничивают конкурентоспособность фермеров в бедных странах, как на это указывается в главе IV;

m) финансирование мер по борьбе с изменением климата в соответствии с обязательствами по Рамочной конвенции Организации Объединенных Наций об изменении климата, которое будет отчасти осуществляться по линии Зеленого климатического фонда;

п) другие более мелкие, но потенциально ключевые категории финансирования, например финансирование мер по адаптации к изменению климата и смягчению его последствий, включая Программу сотрудничества Организации Объединенных Наций по сокращению выбросов в результате обезлесения и деградации лесов в развивающихся странах и связанные с ней процессы (СВОД и СВОД+), микрофинансирование экологически чистых проектов и, возможно, налогообложение выбросов углерода в будущем (памятуя о том, что такие инструменты являются важными, но не идеальными и что они могут служить интересам малоимущих или учитывать гендерные аспекты не в большей степени, чем традиционные инструменты государственного финансирования).

319. В осуществлении и мониторинге таких режимов финансирования должны играть свою роль многие субъекты, в том числе правительство, многосторонние кредиторы, региональные банки развития, подразделения Организации Объединенных Наций, учреждения, традиционно занимающиеся оказанием помощи в целях развития, и частный сектор. По мере расширения государственно-частных партнерств и участия частного сектора в процессе развития возникает потребность в более строгих системах подотчетности, которые использовались бы для обеспечения соблюдения правозащитных стандартов, особенно в связи с тем, что государственные деньги зачастую используются для привлечения (или «пополнения») частных инвестиций. Важно уделять особое внимание роли субсидий в сравнении с ролью кредитов в деле обеспечения общинного водоснабжения, санитарии и чистой энергетики и осуществления мер по адаптации в более широком плане. Когда бедные страны и, возможно, бедные общины берут кредиты, они обязаны их погашать. Когда погашение кредитов вызывает сокращение расходов на социальный сектор, это может приводить к увеличению объема неоплачиваемого труда для женщин. Изложенные в настоящей главе критерии свидетельствуют о том, что такое финансирование не подходит для устойчивого развития.

320. Таким образом, чтобы устойчивое развитие осуществлялось на основе соблюдения международно признанных правозащитных норм, гендерное равенство должно быть одним из компонентов любого выбранного варианта или вариантов. Инвестиции в процесс развития, ведущие к социальным преобразованиям, должны осуществляться с учетом того, что раскрытие потенциала женщин, особенно женщин из беднейших групп населения, является целью, не подлежащей обсуждению. Это означает, что усилия в области устойчивого развития на глобальном или региональном уровнях должны быть сосредоточены на таких ключевых секторах, в которых главными бенефициарами являются малоимущие женщины. В этой связи было установлено, что обеспечение водоснабжения, санитарии, поставок кухонных плит и электроэнергии является приоритетной областью для инвестиций, которая может способствовать устойчивому развитию с учетом гендерных аспектов. Каждый из этих секторов может иметь решающее значение для охраны здоровья и укрепления чувства собственного достоинства у женщин и девочек, особенно из более бедных семей. Для этого нельзя, чтобы инвестиции имели нейтральный гендерный характер, поскольку они должны учитывать конкретные потребности женщин и девочек, включая условия, в которых они учатся, работают и живут.

321. Инвестиции в четырех отобранных областях являются по сути инвестициями в здравоохранение и раскрытие потенциала. Крайне важно, чтобы были

выбраны практические, сфокусированные и актуальные показатели, например показатель сокращения неоплачиваемой работы по уходу, чтобы можно было оценить то, в какой степени эти конкретные инвестиции способствуют раскрытию потенциала женщин и девочек. Можно также выбрать дополнительные параметры оценки, например качество воды, объем выбросов углерода или рост дохода малоимущих слоев населения, или аналогичные показатели, имеющие отношение к конкретным социальным инвестициям. Однако этот подход к инвестированию не согласуется с таким подходом к удовлетворению потребностей неимущего населения в области водоснабжения, санитарии и энергетики, который ориентирован в первую очередь на сокращение выбросов углерода и должным образом не учитывает другие аспекты устойчивого развития.

322. Следует признать, что эффективные масштабные инвестиции имеют сложный и неопределенный характер и зависят от учета гендерных аспектов и контекста при их разработке и финансировании (Скалатек, 2012 год). Более того, такие инвестиции требуют создания способных к преобразованию союзов между директивными органами, донорами, государством и частным и гражданским секторами. Масштабным инвестициям (имеющим устойчивый или иной характер) необходимы охват и организующая сила государства; а государству необходимы мобилизующая сила и бдительность коллективов и социальных движений для обеспечения того, чтобы оно выполняло свои договорные обязательства. Неправительственные организации, доноры и частный сектор могут инициировать, демонстрировать и стимулировать процесс устойчивого развития, но никак не могут его возглавлять. Для того чтобы базовое, но ведущее к преобразованиям инвестирование имело устойчивый характер, ему мало одних лишь инновационных технологий и инновационного финансирования. Более того, оно должно опираться на организационные структуры и руководящую роль женщин и девочек при принятии решений, которые имеют принципиально важное значение для их жизнедеятельности, средств к существованию и общин, стремящихся к устойчивому развитию.

VII. Выводы и стратегические рекомендации

323. В настоящем *Мировом обзоре* прослеживается важная взаимосвязь между гендерным равенством и устойчивостью. Обзор публикуется в критический момент, когда международное сообщество признало, что доминирующие модели развития и роста являются неустойчивыми в экономическом, социальном и экологическом плане, и посвящен выработке будущей повестки дня в области устойчивого развития. Рабочая группа открытого состава Генеральной Ассамблеи по целям в области устойчивого развития, создать которую было поручено в итоговом документе Конференции Организации Объединенных Наций по устойчивому развитию, за прошедшее время занималась разработкой предложения относительно будущих целей в области устойчивого развития. В ходе обсуждений Рабочей группе открытого состава основной и повторяющейся темой являлось крайне важное значение гендерного равенства и расширения прав и возможностей женщин как одного из основных элементов повестки дня в области развития на период после 2015 года.

324. В наблюдающихся тенденциях в сферах роста, занятости, продовольствия, народонаселения, водоснабжения и санитарии, а также энергетики

можно найти примеры того, как неустойчивое развитие и гендерное неравенство взаимно усиливают друг друга. Модели экономического роста продолжают способствовать сохранению гендерного неравенства, обрекая женщин трудиться на низкооплачиваемых должностях и основываться на неоплачиваемом труде женщин по уходу за членами семьи; в то же время такие модели опираются на эксплуатацию природных ресурсов и наносят ущерб экосистемам и биоразнообразию. Делая акцент на показателях совокупного производства, политика в области продовольствия не только не позволяет уделять должное внимание насущным проблемам, порождаемым изменением климата, но и не учитывает вопросы доступности питания и права на него для всех, а также сложную динамику на местных и глобальных рынках продовольствия, которая обусловлена гендерными факторами, проблемы распределения продовольствия и систем производства между членами семей, порождающие голод и недоедание. В рамках политики, узко сфокусированной на демографических проблемах, могут приниматься меры принудительного характера, которые призваны добиться снижения рождаемости и которые могут иметь существенные последствия для осуществления женщинами своих прав человека. Кроме того, преобладающая демографическая модель отвлекает внимание от проблем потребления и производства, которые в большей степени обуславливают ухудшение состояния окружающей среды, нежели демографические факторы. Отсутствие всеобщего доступа к экологически устойчивым и высококачественным услугам в области водоснабжения, санитарии и энергетики серьезно сказывается на правах человека и возможностях женщин и девочек.

325. Неравенство между мужчинами и женщинами в связи с осуществлением прав, доступом к ресурсам и контролем над ними, а также в связи с участием в принятии решений остается серьезным препятствием на пути к тому, чтобы женщины имели возможность вносить полноценный и равный вклад в устойчивое развитие и пользоваться его благами. В свете принятия повестки дня в области развития на период после 2015 года усилия по достижению гендерного равенства и устойчивого развития должны основываться на правах человека и опираться на принципы равенства и справедливости в интересах нынешнего и будущих поколений. Таким образом, устойчивое развитие — это экономическое, социальное и экологическое развитие, которое позволяет обеспечить благополучие и достоинство человека, экологическую стабильность, гендерное равенство и социальную справедливость в настоящем и будущем.

326. Все стратегические и политические рамочные основы устойчивого развития на глобальном, региональном, национальном и местном уровнях должны включать в себя четкое обязательство относительно обеспечения гендерного равенства и осуществления прав человека женщин и девочек и реализации их возможностей. Для этого необходимо устранять проблемы гендерного неравенства, дискриминации и неравного положения и учитывать взаимосвязь этих проблем с другими видами неравенства. Следует содействовать коллективной деятельности женщин и их полноценному и равноправному участию во всех аспектах принятия решений по вопросам, касающимся разработки и контроля политики, поскольку это имеет центральное значение для достижения результатов.

327. Крайне важно заниматься комплексным решением проблем устойчивого развития и гендерного равенства, что позволит обеспечить взаимодействие в достижении обеих целей. Обеспечение гендерного равенства может оказать каталитическое влияние на достижение целей устойчивого развития. Признание того, что женщины обладают знаниями, свободой выбора и способностью к коллективным действиям, открывает возможности для повышения результативности и эффективности использования ресурсов, лучшего сохранения и устойчивого использования экосистем и для создания таких систем в области продовольствия, энергетики, водоснабжения и санитарии, а также охраны здоровья, которые были бы в большей степени экологически рациональными, низкоуглеродными и устойчивыми к изменению климата. Женщины играют и должны и впредь играть центральную роль в деле содействия переходу к устойчивому и экологически чистому развитию. Однако подходы, в рамках которых ставка делается на знания женщин и фактор времени без наделения женщин правами и возможностями пользоваться благами устойчивого развития, могут способствовать еще большему закреплению гендерных стереотипов и гендерного неравенства.

328. Обеспечение устойчивого развития означает согласование целей и задач в экономической, социальной и экологической областях. При этом неизменно будут возникать трения, что потребует выработки компромиссных решений в ходе переговоров и обсуждений. Некоторые варианты развития ставят своей целью достижение экологической устойчивости, не принимая в полной мере во внимание проблему гендерного равенства, другие — способствуют обеспечению гендерного равенства, игнорируя при этом ключевые аспекты устойчивости. Любые пути развития будут устойчивыми только в том случае, если они будут обеспечивать расширение возможностей, уважение и защиту прав женщин и сокращение масштабов и перераспределение неоплачиваемого женского труда.

329. Урегулирование сложных политических вопросов в целях достижения устойчивого развития и гендерного равенства требует налаживания массового обучения и обсуждения, а также разработки механизмов отслеживания неохваченных этим процессом лиц, выработки компромиссных вариантов и поиска новых возможностей. В этой связи исключительно важную роль играют активное участие, инициативность и творческий подход со стороны женщин, гражданского общества и женских организаций, общества в целом и всех вовлеченных в эти процессы лиц.

330. Необходимы новые социальные договоры между государствами и всем населением, согласно которым государства выполняют возложенные на них обязательства, а обладатели прав требуют соблюдения этих прав и пользуются ими. Государства играют центральную роль в том, что касается выполнения обязательств по обеспечению гендерного равенства, установления стандартов и норм, регулирующих использование ресурсов, предоставления общественных услуг и инвестирования в устойчивое развитие. Инвестирование со стороны государств необходимо для расширения масштабов реализации важнейших инноваций в области предоставления таких гендерно ориентированных общественных благ, как организация водоснабжения, строительство соответствующих санитарных сооружений и предоставление современных услуг в сфере энергетики. Важнейшую

роль призвано также играть взаимодействие между государствами, частным сектором и организациями гражданского общества, направленное на обеспечение гендерного равенства и устойчивого развития. В частности, источником альтернативных вариантов достижения в будущем устойчивого развития, опирающегося на принципы гендерного равенства и права человека, могут стать нестандартные мнения и инициативы; необходимо внимательно относиться к таким мнениям и инициативам, прислушиваться к ним и действовать должным образом.

331. В настоящем *Мировом обзоре* предлагаются три критерия для оценки того, согласуется ли устойчивое развитие с соблюдением принципа гендерного равенства и прав человека женщин: во-первых, насколько соблюдаются стандарты в области прав человека и насколько реализуются возможности женщин; во-вторых, насколько уделяется внимание проблеме неоплачиваемой работы по уходу за членами семьи, осуществляемой женщинами и девочками, особенно женщинами и девочками из малоимущих и маргинализированных домохозяйств и общин; и в-третьих, обеспечивается ли полное и равноправное участие женщин и девочек во всех областях устойчивого развития.

332. Для того чтобы усилия по достижению устойчивого развития отвечали этим критериям, государства-члены должны полностью выполнить обязательство в части достижения гендерного равенства и расширения прав и возможностей женщин, которое зафиксировано в Пекинской платформе действий и итоговом документе двадцать третьей специальной сессии Генеральной Ассамблеи. Государства — участники Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин должны в полной мере выполнять свои обязательства по Конвенции.

333. В этих целях государства, международные организации, включая Организацию Объединенных Наций, механизмы в области прав человека, представители частного сектора, неправительственные организации, профсоюзы и другие заинтересованные стороны могут рассмотреть возможность принятия следующих мер:

а) в связи с обеспечением устойчивого развития и гендерного равенства:

i) разработать и осуществлять стратегии в отношении экономических, социальных и экологических аспектов устойчивого развития, согласующиеся с международными нормами и стандартами в области гендерного равенства, недискриминации и прав человека;

ii) содействовать переходу к экологически безопасным низкоуглеродным и устойчивым к изменению климата моделям потребления и производства при обеспечении гендерного равенства;

iii) обеспечить права женщин на удовлетворительный уровень жизни путем расширения доступа к достойной работе, а также путем предоставления — с учетом гендерной проблематики — общедоступных и высококачественных услуг, мер социальной защиты и объектов инфраструктуры, в том числе в сфере образования, здравоохранения, водоснабжения и санитарии и энергетики;

iv) содействовать заключению обновленного социального договора между государством и населением, обеспечивающего финансирование и достижение целей устойчивого развития при всеобщем доступе к благам и услугам общего пользования и совместно используемым ресурсам, прежде всего беднейших женщин и девочек;

v) признать, сократить и перераспределить между женщинами и мужчинами бремя неоплачиваемой деятельности по уходу в семьях, а также между домохозяйствами и государством путем расширения сферы доступных для всех основных услуг и числа объектов инфраструктуры;

vi) уважать, защищать и поощрять сексуальное и репродуктивное здоровье и права всего населения, особенно женщин и девочек, на протяжении всей жизни;

vii) отстаивать право на общественное пользование и предотвращать присвоение и эксплуатацию природных ресурсов представителями частного и государственного секторов посредством осуществления государством соответствующего надзора и регуляторской деятельности с вовлечением в нее представителей разных сторон;

viii) обеспечивать полноценное и равноправное участие женщин и девочек в выработке политики и инициатив в области устойчивого развития в качестве действующих лиц, лидеров и лиц, принимающих решения;

b) «зеленая» экономика, гендерное равенство и уход:

ix) обеспечить, чтобы макроэкономическая политика была направлена на создание достойных рабочих мест и стабильных источников дохода и на сокращение неравенства, которое обусловлено такими факторами, как пол, возраст, уровень дохода, географическое местонахождение и другие характеристики, в зависимости от конкретных обстоятельств;

x) разработать в приоритетном порядке направления гендерно ориентированной политики, которая должна быть нацеленной на создание достойных рабочих мест и в рамках которой особое внимание должно уделяться проблеме сегрегации на рынке труда, различиям в заработной плате мужчин и женщин и неравному распределению неоплачиваемой деятельности по уходу между членами домохозяйств и между домохозяйствами и государством;

xi) обеспечить, чтобы в стратегиях «зеленого» роста учитывались гендерные факторы и чтобы эти стратегии носили устойчивый характер с социальной, экономической и экологической точек зрения;

xii) обеспечить, чтобы политика «зеленого» роста способствовала расширению доступа женщин, особенно из бедных и маргинализированных слоев населения, к рабочим местам высокого качества в экологически чистых и низкоуглеродных отраслях экономики;

xiii) инвестировать средства в развитие навыков и повышение уровня образования женщин в целях расширения их доступа к «зеленым»

рабочим местам, в том числе принимать целенаправленные меры в интересах повышения образования, занятости и руководящей роли женщин среди научных и инженерно-технических работников и математиков;

xiv) преобразовать трудовую деятельность в секторе услуг и неформальном секторе, включая оплачиваемый труд по уходу в семьях, в источники стабильных доходов и достойные рабочие места путем принятия конкретных стратегических мер и норм, призванных обеспечить соблюдение стандартов достойной трудовой деятельности;

xv) поощрять и защищать права домашних работников путем ратификации Конвенции Международной организации труда о достойном труде для домашних работников 2011 года (Конвенция № 189) и путем разработки и осуществления политики в области занятости и деятельности на рынке труда в целях обеспечения достойного уровня заработной платы и условий труда домашних работников;

c) продовольственная безопасность:

xvi) разработать и совершенствовать глобальные стандарты и нормы для содействия обеспечению продовольственной безопасности и поддержки мелких фермеров из числа женщин и мужчин в таких областях, как справедливые правила торговли, регулирование рынков товаров и крупномасштабные капиталовложения в земельные ресурсы, в том числе в рамках проектов производства биотоплива;

xvii) разработать и проводить всеобъемлющую гендерно ориентированную и правозащитную политику, обеспечивающую справедливый и устойчивый доступ к адекватному, безопасному, доступному и полноценному питанию для всех и решение конкретных проблем отдельных лиц и домашних хозяйств в связи с приобретением продовольствия за счет собственного производства, обмена заработной платы и социальных выплат;

xviii) обеспечить продовольственную безопасность для всех, в частности путем организации снабжения продовольствием высокого качества за счет создания государственных запасов продовольствия, выплаты продовольственных субсидий и/или реализации программ школьного питания, в целях ослабления давления на домашние хозяйства, сталкивающиеся с проблемой нехватки продовольствия, и в целях уменьшения гендерного неравенства при распределении продовольствия среди членов семей;

xix) работать над искоренением дискриминационных взглядов и поведенческих установок, особенно в связи с реализацией права женщин и девочек на питание и распределением продуктов питания среди членов семей, путем принятия конкретных и долгосрочных мер;

xx) повышать устойчивость сельскохозяйственной и продовольственной систем к изменению климата с опорой на знания фермеров, особенно мелких фермеров из числа женщин, и содействовать обмену знаниями и передовой практикой в сфере управления растениеводческой деятельностью и земельными ресурсами для смягчения воздей-

ствия климатических изменений и других факторов окружающей среды и адаптации к ним;

xxi) устранять институциональные препятствия, с которыми сталкиваются мелкие фермеры из числа женщин, в частности ликвидировать гендерную дискриминацию на законодательном, политическом и практическом уровнях в связи с доступом к земельным ресурсам, ресурсам, находящимся в общественной собственности, кредитам, исходным ресурсам, сельскохозяйственной технике и домашнему скоту, финансовым услугам и услугам по распространению передового опыта, обращая особое внимание на потребности маргинализированных групп женщин, посредством оказания ценовой поддержки и работы в приоритетном порядке в рамках закупочной деятельности государства с мелкими фермерами из числа женщин;

xxii) содействовать обеспечению достойной занятости и надлежащей оплаты труда работников сельского хозяйства и неформального сектора, особенно женщин, посредством регулирования рынка труда и принятия политики в области занятости, обеспечивающей достойные условия занятости для всех и предотвращающей дискриминацию в отношении женщин;

d) население:

xxiii) обеспечить, чтобы в основе устойчивой демографической политики лежала защита сексуального и репродуктивного здоровья и прав, в том числе предоставление общедоступных и качественных услуг в области сексуального и репродуктивного здоровья, распространение информации и просвещение на протяжении всей жизни, в частности по вопросам, касающимся безопасных и эффективных современных методов контрацепции, охраны материнского здоровья, всестороннего сексуального просвещения и производства безопасных абортов;

xxiv) обеспечивать наличие, доступность, приемлемый уровень и надлежащее качество услуг по охране здоровья для всех женщин и девочек;

xxv) разработать и проводить демографическую политику, предусматривающую принятие целого комплекса мер, касающихся фертильности женщин, включая меры по расширению доступа к высококачественному образованию и доступа к достойной работе;

xxvi) обеспечивать участие и голос женщин в принятии на всех уровнях решений в области народонаселения и устойчивого развития;

e) инвестиции, способствующие ускорению достижения гендерного равенства:

xxvii) оценивать инвестиции в сфере услуг и инфраструктуры с точки зрения гендерно ориентированных расходов, а также выгод и рисков, которые они влекут для обеспечения прав и возможностей женщин и девочек, с уделением особого внимания беднейшим слоям населения;

xxviii) инвестировать в приоритетном порядке в проекты по обеспечению всеобщего доступа к водным ресурсам, обращая особое внимание на проблемы удаленности, качества, доступности, а также на способы использования водных ресурсов женщинами, с задачей сократить объемы неоплачиваемой деятельности по уходу в семьях;

xxix) обеспечить всем женщинам и девочкам доступ к чистым, частным и безопасным услугам в области санитарии, которые учитывали бы гендерные особенности, такие как гигиена в период менструаций и устранение опасности подвергнуться насилию при пользовании санитарными услугами;

xxx) инвестировать достаточные средства в обеспечение населения, особенно в сельских и пригородных районах, экономичными кухонными плитами, работающими на твердом топливе, и технологиями приготовления пищи с использованием более экологически чистых видов топлива и содействовать внедрению кухонных плит путем вовлечения женщин в их разработку, тестирование и социальный маркетинг;

xxxi) инвестировать достаточные средства в инициативы по предоставлению базового и недорогостоящего энергоснабжения тем частям населения, которые не получают или в недостаточной степени получают эти услуги, особенно проживающим в сельской местности, с целью обеспечить функционирование медицинских учреждений, содействовать созданию источников дохода и росту образовательного уровня и сократить объемы выполняемой женщинами неоплачиваемой работы по уходу за членами семьи, с тем чтобы у них было бы больше свободного времени;

xxxii) обеспечить полноценное и равноправное участие и руководящую роль женщин в связи с принятием на всех уровнях решений, касающихся инвестирования в проекты в области водоснабжения, санитарии и энергетики, а также использования результатов осуществления этих проектов в домашних хозяйствах на местном, национальном, региональном и глобальном уровнях;

xxxiii) развивать связи между государственным сектором, частным сектором и гражданским обществом, позволяющие инвестировать в необходимом объеме средства в проекты по обеспечению всеобщего доступа к основным услугам и созданию объектов инфраструктуры для всех, соблюдая при этом стандарты в области прав человека;

f) Меры в связи с финансированием:

xxxiv) увеличить объем финансовых ресурсов на цели устойчивого развития и гендерного равенства посредством: достижения развитыми странами показателя выделения средств на официальную помощь развивающимся странам в целях развития в объеме 0,7 процента своего валового национального продукта; введения налога на финансовые операции; сокращения возможностей для уклонения от уплаты налогов; отказа государствами, являющимися членами «Группы двадцати», и новыми индустриализирующимися странами от субсидирования ископаемых видов топлива; и сокращения приводящего к дис-

пропорциям в торговле субсидирования и экспорта сельскохозяйственной продукции в развитых странах;

xxxv) мобилизовать внутригосударственные ресурсы на цели устойчивого развития и гендерного равенства посредством прогрессивного налогообложения доходов и прибылей корпораций, борьбы с уклонением от уплаты налогов и незаконными финансовыми потоками и перераспределения средств военных бюджетов;

xxxvi) создать в развитых и развивающихся странах благоприятные условия для финансирования «зеленых» проектов, осуществляемых с учетом гендерных аспектов в интересах бедных слоев населения, на национальном и международном уровнях;

g) Данные и статистическая информация:

xxxvii) посредством предоставления финансовой и технической помощи и наращивания потенциала совершенствовать практику систематического сбора, распространения и анализа гендерной статистики, а также данных и информации в разбивке по полу и возрасту, касающихся участия женщин в принятии решений в семье, роли женщин в производстве и распределении продовольствия, доступа женщин к земельным и другим ресурсам, а также использования времени и неоплачиваемого труда, связанного с уходом;

xxxviii) обеспечить сбор, анализ и использование точных и полных данных в разбивке по полу и возрасту на индивидуальном уровне и на уровне домашних хозяйств, касающихся продовольственной безопасности и безопасности питания, в том числе показателей голода и недоедания, а также устойчивости и адаптации к изменению климата;

xxxix) заниматься сбором и распространением статистических данных на регулярной основе и представлять отчетность по минимальному набору гендерных показателей, который был согласован Статистической комиссией;

xl) разработать международные стандарты и методологии для совершенствования данных, касающихся неоплачиваемой работы, по уходу за членами семьи, участия женщин в принятии решений на всех уровнях, а также владения и распоряжения женщинами имуществом и производственными ресурсами.

Библиография

- Abe, A. (2010). The changing shape of the care diamond: the case of child and elderly care in Japan. Gender and Development Programme Paper, No. 9. Geneva: United Nations Research Institute for Social Development.
- Adams, V., M. Murphy and A. E. Clarke (2009). Anticipation: technoscience, life, affect, temporality. *Subjectivity*, vol. 28, No. 1, pp. 246–265.
- Adams, W. M. (2004). *Against Extinction: The Story of Conservation*. London: Earthscan.
- Agarwal, B. (1992). The gender and environment debate: lessons from India. *Feminist Studies*, vol. 18, No. 1, pp. 119–158.
- _____ (1997). Environmental action, gender equity and women's participation. *Development and Change*, vol. 28, No. 1, pp. 1–44.
- _____ (2002). Gender inequality, cooperation and environmental sustainability. SFI working paper. Santa Fe, New Mexico: Santa Fe Institute.
- _____ (2010). *Gender and Green Governance: The Political Economy of Women's Presence Within and Beyond Community Forestry*. Oxford: Oxford University Press.
- _____ (2012). Food security, productivity, and gender inequality. IEG Working Paper, No. 320. New Delhi: Institute of Economic Growth.
- _____ (2014). Food sovereignty, food security and democratic choice: critical contradictions, difficult conciliations. *Journal of Peasant Studies* (опубликовано в Интернете).
- Anand, S., and A. Sen (2000). Human development and economic sustainability. *World Development*, vol. 28, No. 12, pp. 2029–2049.
- Anenberg, S. C., and others (2013). Cleaner cooking solutions to achieve health, climate and economic cobenefits. *Environmental Science and Technology*, vol. 47, No. 9, pp. 3944–3952.
- Antonopoulos, R., and I. Hirway, eds. (2010). *Unpaid Work and the Economy: Gender, Time Use and Poverty in Developing Countries*. New York: Palgrave Macmillan.
- Arza, C. (2014). The gender dimensions of pension systems. Background paper prepared for the United Nations Entity for Gender Equality and the Empowerment of Women. New York.
- Bailis, R., and others (2009). Arresting the killer in the kitchen: the promises and pitfalls of commercializing improved cookstoves. *World Development*, vol. 37, No. 10, pp. 1694–1705.
- Bain, C. (2010). Structuring the flexible and feminized labor market: GlobalGAP standards for agricultural labor in Chile. *Signs: Journal of Women in Culture and Society*, vol. 35, No. 2, pp. 343–370.
- Barrientos, S., and B. Evers (2014). Gendered production networks: push and pull on corporate responsibility? In *New Frontiers in Feminist Political Economy*, S. M. Rai and G. Waylen, eds. New York: Routledge.

- Baum, R., J. Luh and J. Bartram (2013). Sanitation: a global estimate of sewerage connections without treatment and the resulting impact on MDG progress. *Environmental Science and Technology*, vol. 47, No. 4, pp. 1994–2000.
- Bazilian, M., and others (2011). Interactions between energy security and climate change: a focus on developing countries. *Energy Policy*, vol. 39, No. 6, pp. 3750–3756.
- Bazilian, M., and others (2012). Energy access scenarios to 2030 for the power sector in sub-Saharan Africa. *Utilities Policy*, vol. 20, No. 1, pp. 1–16.
- Benería, L., and M. Roldán (1987). *The Crossroads of Class and Gender: Industrial Homework, Subcontracting, and Household Dynamics in Mexico City*. Chicago: University of Chicago Press.
- Bernanke, B.S. (2011). Global imbalances: links to economic and financial stability. Statement to the Banque de France Financial Stability Review Launch Event. Paris, 18 February.
- Black, M., and G. Fawcett (2008). *The Last Taboo: Opening the Door on the Global Sanitation Crisis*. London: Earthscan.
- Blecker, R. (2012). Global imbalances and the U.S. trade deficit. In *After the Great Recession: The Struggle for Economic Recovery and Growth*, B. Cynamon, S. Fazzari and M. Setterfield, eds. New York: Cambridge University Press.
- Blecker, R.A., and S. Seguino (2002). Macroeconomic effects of reducing gender wage inequality in an export-oriented, semi-industrialized economy. *Review of Development Economics*, vol. 6, No. 1, pp. 103–119.
- Blumberg, R. (1991). Income under female versus male control: hypotheses from a theory of gender stratification and data from the third world. In *Gender, Family and Economy: The Triple Overlap*, R. Blumberg, ed. Newbury Park, California: Sage.
- Bond, T.C., and others (2013). Bounding the role of black carbon in the climate system: a scientific assessment. *Journal of Geophysical Research: Atmospheres*, vol. 118, No. 11, pp. 5380–5552.
- Borras, S.M., Jr. (2004). La vía campesina: an evolving transnational social movement. TNI Briefing Series, No. 2004/6. Amsterdam: Transnational Institute.
- Borras, S.M., Jr., and others (2011). Towards a better understanding of global land grabbing: an editorial introduction. *Journal of Peasant Studies*, vol. 38, No. 2, pp. 209–216.
- Boyce, J.K. (2011). The environment as our common heritage. Acceptance speech for the Fair Sharing of the Common Heritage Award of the Media Freedom Foundation and Project Censored. 8 February.
- Boyce, J.K., S. Narain and E.A. Stanton, eds. (2007). *Reclaiming Nature: Environmental Justice and Ecological Restoration*. London: Anthem Press.
- Boyce, J.K., and M. Riddle (2007). Cap and dividend: how to curb global warming while protecting the incomes of American families. Working Paper, No. 150. Amherst, Massachusetts: Political Economy Research Institute.

- Braunstein, E. (2013). Economic growth and social reproduction: gender inequality as cause and consequence. Background paper prepared for United Nations Entity for Gender Equality and the Empowerment of Women (UN–Women). New York.
- Braunstein, E., I. van Staveren and D. Tavani (2011). Embedding care and unpaid work in macroeconomic modeling: a structuralist approach. *Feminist Economics*, vol. 17, No. 4, pp. 5–31.
- Braunstein, E., and J. Heintz (2008). Gender bias and central bank policy: employment and inflation reduction. *International Review of Applied Economics*, vol. 22, No. 2, pp. 173–186.
- Braunstein, E., and M. Brenner (2007). Foreign direct investment and gendered wages in urban China. *Feminist Economics*, vol. 13, Nos. 3–4, pp. 213–237.
- Buckingham–Hatfield, S. (2002). Gender equality: a prerequisite for sustainable development. *Geography*, vol. 87, No. 3, pp. 227–233.
- Budig, M., and J. Misra (2010). How care–work employment shapes earnings in cross–national perspective. *International Labour Review*, vol. 149, No. 4, pp. 441–460.
- Budlender, D. (2010). What do time use studies tell us about unpaid care work? Evidence from seven countries. In *Time Use Studies and Unpaid Care Work*, D. Budlender, ed. New York: Routledge.
- Cabraal, R. A., D. F. Barnes and S. G. Agarwal (2005). Productive uses of energy for rural development. *Annual Review of Environment and Resources*, vol. 30, pp. 117–144.
- Carson, R. (1962). *Silent Spring*. Boston: Houghton Mifflin.
- Cecelski, E. (1984). *The Rural Energy Crisis, Women’s Work and Family Welfare: Perspectives and Approaches to Action*. World Employment Programme Research Working Paper, WEP 10/WP.35. Geneva: International Labour Organization.
- Cela, B., I. Dankelman, and J. Stern, eds. (2013). *Powerful Synergies: Gender Equality, Economic Development and Environmental Sustainability*. New York: United Nations Development Programme.
- Chai, J., I. Ortiz and X. Sire (2010). Protecting salaries of frontline teachers and health workers. Working Brief. United Nations Children’s Fund.
- Chan, C. K–C., and M. Ching Lam (2012). The reality and challenges of green jobs in China: an exploration. *International Journal of Labour Research*, vol. 4, No. 2, pp. 189–207.
- Chattopadhyay, R., and E. Duflo (2004). Women as policy makers: evidence from a randomized policy experiment in India. *Econometrica*, vol. 72, No. 5, pp. 1409–1443.
- Chen, M., and others (2005). *Progress of the World’s Women 2005: Women, Work and Poverty*. New York: United Nations Development Fund for Women.

- Coleman–Jensen, A., M. Nord and A. Singh (2013). *Household Food Security in the United States in 2012*. Economic Research Report No. 155. Washington, D.C.: United States Department of Agriculture.
- Connelly, M. (2008). *Fatal Misconception: The Struggle to Control World Population*. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press.
- Secretariat of the Convention on Biodiversity and Women’s Environment and Development Organization (2012). *Gender equality and the Convention on Biological Diversity: a compilation of decision text*.
- Corbera, E., and H. Schroeder (2010). Governing and implementing REDD+. *Environmental Science and Policy*, vol. 14, No. 2, pp. 89–99.
- Corbera, E., and K. Brown (2008). Building institutions to trade ecosystem services: marketing forest carbon in Mexico. *World Development*, vol. 36, No. 10, pp. 1956–1979.
- Cripps, F., A. Izurieta and A. Singh (2011). Global imbalances, under–consumption and over–borrowing: the state of the world economy and future policies. *Development and Change*, vol. 42, No. 1, pp. 228–261.
- Crola, J. D. (2011). Preparing for thin cows: why the G20 should keep buffer stocks on the agenda. Oxfam Briefing Note. Oxford: Oxfam International.
- Dankelman, I., and J. Davidson (1988). *Women and the Environment in the Third World: Alliance for the Future*. London: Earthscan.
- De Benoist, B., and others, eds. (2008). *Worldwide Prevalence of Anaemia 1993–2005: WHO Global Database on Anaemia*. Geneva: World Health Organization.
- _____ (2011). *Preventing Gender–biased Sex Selection: An Interagency Statement OHCHR, UNFPA, UNICEF, UN Women and WHO*. Geneva.
- De Schutter, O. (2011). The World Trade Organization and the post–global food crisis agenda: putting food security first in the international trade system. Activity Report. November.
- Deere, C., and others (2013). Women’s land ownership and participation in agricultural decision–making: evidence from Ecuador, Ghana and Karnataka, India. Research Brief Series, No. 2. Bangalore: Indian Institute of Management.
- Deininger, K., and D. Byerlee (2011). *Rising Global Interest in Farmland: Can It Yield Sustainable and Equitable Benefits?* Washington, D.C.: World Bank.
- Demeke, M., and others (2012). Stabilizing price incentives for staple grain producers in the context of broader agricultural policies: debates and country experiences. ESA Working Paper, No. 12–05. Rome: Food and Agriculture Organization of the United Nations.
- Doss, C. (2011). If women hold up half the sky, how much of the world’s food do they produce? ESA Working Paper No. 11–04. Rome: Food and Agriculture Organization of the United Nations.
- Doss, C., and others (2011). The gender asset and wealth gaps: evidence from Ecuador, Ghana, and Karnataka, India. Bangalore: Indian Institute of Management.

- Doyle, T. (2005). *Environmental Movements in Minority and Majority Worlds: A Global Perspective*. New Brunswick, New Jersey: Rutgers University Press.
- Doyle, T., and S. Chaturvedi (2011). Climate refugees and security: conceptualizations, categories and contestations. In *The Oxford Handbook of Climate Change and Society*, J. Dryzek, R. Norgaard and D. Schlosberg, eds. Oxford: Oxford University Press.
- Dressler, W., and others (2010). From hope to crisis and back? A critical history of the global CBNRM narrative. *Environmental Conservation*, vol. 37, No. 1, pp. 5–15.
- Drèze, J., and A. Sen (1991). *Hunger and Public Action*. Oxford: Oxford University Press.
- Dryzek, J. S. (1997). *The Politics of the Earth: Environmental Discourses*. Oxford: Oxford University Press.
- Dyson, T. (2010). *Population and Development: The Demographic Transition*. London: Zed Books.
- Elson, D. (1996). Gender-aware analysis and development economics. In *The Political Economy of Development and Underdevelopment*, 6th ed., K.P. Jameson and C. K. Wilber, eds. New York: McGraw–Hill.
- _____ (1998). The economic, the political and the domestic: businesses, States, and households in the organisation of production. *New Political Economy*, vol. 3, No. 2, pp. 189–208.
- _____ (2002). Gender justice, human rights, and neo-liberal economic policies. In *Gender Justice, Development, and Rights*, M. Molyneux and S. Razavi, eds. Oxford: Oxford University Press.
- _____ (2011). Economics for a post-crisis world: putting social justice first. In *Harvesting Feminist Knowledge for Public Policy*, D. Jain and D. Elson, eds. New Delhi: Sage Publications India.
- _____ (2014). Redressing socio-economic disadvantage: women's economic and social rights and economic policy. Background paper prepared for the United Nations Entity for Gender Equality and the Empowerment of Women 2015 report on progress of the world's women. New York.
- England, P., M. Budig and N. Folbre (2002). Wages of virtue: the relative pay of care work. *Social Problems*, vol. 49, No. 4, pp. 455–473.
- European Institute for Gender Equality (2012). *Review of the Implementation in the EU of Area K of the Beijing Platform for Action: Women and the Environment — Gender Equality and Climate Change*. Luxembourg: Publications Office of the European Union.
- Evans, P. (1995). *Embedded Autonomy: States and Industrial Transformation*. Princeton, New Jersey: Princeton University Press.
- Fairhead, J. (2001). International dimensions of conflict over natural and environmental resources. In *Violent Environments*, N. L. Peluso and M. Watts, eds. Ithaca, New York: Cornell University Press.

- Fairhead, J., and M. Leach (1996). *Misreading the African Landscape: Society and Ecology in a Forest–Savanna Mosaic*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Fairhead, J., M. Leach and I. Scoones (2012). Green grabbing: a new appropriation of nature? *Journal of Peasant Studies*, vol. 39, No. 2, pp. 237–261.
- Feng, W., Y. Cai and B. Gu. (2013). *Population, policy and politics: how will history judge China’s one-child policy?* *Population and Development Review*, vol. 38, Suppl. 1, pp. 115–129.
- Fieldman, G. (2011). Neoliberalism, the production of vulnerability and the hobbled state: systemic barriers to climate adaptation. *Climate and Development*, vol. 3, No. 2, pp. 159–174.
- Fine, B. (2012). Financialization and social policy. In *The Global Crisis and Transformative Social Change*, P. Utting, S. Razavi and R. Varghese Buchholz, eds. Basingstoke, United Kingdom: Palgrave Macmillan.
- Fischer, A.M. (2014). The social value of employment and the redistributive imperative for development. Occasional Paper. New York: United Nations Development Programme, Human Development Report Office.
- Fischer–Kowalski, M., and others. (2011). *Decoupling Natural Resource Use and Environmental Impacts from Economic Growth: A Report of the Working Group on Decoupling to the International Resource Panel*. United Nations Environment Programme.
- Fisher, J. (2006). For her, it’s the big issue: putting women at the centre of water supply, sanitation and hygiene. Evidence Report. Geneva: Water Supply and Sanitation Collaborative Council.
- Folbre, N. (1994). *Who Pays for the Kids? Gender and the Structures of Constraint*. New York: Routledge.
- _____ (2001). *The Invisible Heart: Economics and Family Values*. New York: New Press.
- _____ (2006). Demanding quality: worker/consumer coalitions and “high road” strategies in the care sector. *Politics and Society*, vol. 34, No. 1, pp. 11–33.
- Folke, C., and others (2011). Reconnecting to the Biosphere. *Ambio*, vol. 40, No. 7, pp. 719–738.
- Food and Agriculture Organization of the United Nations (2006). *The Double Burden of Malnutrition: Case Studies from Six Developing Countries*. FAO Food and Nutrition Paper 84. Rome.
- _____ (2011). *The State of Food and Agriculture 2010–2011: Women in Agriculture — Closing the Gender Gap for Development*. Rome.
- _____ (2012). *Voluntary Guidelines on the Responsible Governance of Tenure of Land, Fisheries and Forests in the Context of National Food Security*. Rome.
- _____ (2013a). Food security indicators. Available from www.fao.org/economic/ess/ess-fs/ess-fadata/en/#.U4yStPldXy0. Accessed 2 June 2014.

- _____ (2013b). *The State of Food and Agriculture 2013: Food Systems for Better Nutrition*. Rome.
- _____ (2013c). *The State of Food Insecurity in the World: The Multiple Dimensions of Food Security*. Rome.
- Food and Agriculture Organization of the United Nations, International Fund for Agricultural Development and International Labour Office. (2010). *Gender Dimensions of Agricultural and Rural Employment: Differentiated Pathways Out of Poverty — Status, Trends, Gaps*. Rome.
- Fukuda-Parr, S., J. Heintz and S. Seguino. (2013). Critical perspectives on financial and economic crises: heterodox macroeconomics meets feminist economics. *Feminist Economics*, vol. 19, No. 3, pp. 4–31.
- Fullerton, D., N. Bruce and S. B. Gordon. (2008). Indoor air pollution from biomass fuel smoke is a major health concern in the developing world. *Transactions of the Royal Society of Tropical Medicine and Hygiene*, vol. 102, No. 9, pp. 843–851.
- Galbraith, J. K. (2012). *Inequality and Instability: A Study of the World Economy Just Before the Great Crisis*. New York: Oxford University Press.
- Gereffi, G. (2014). Global value chains in a post–Washington Consensus world. *Review of International Political Economy*, vol. 21, No. 1, pp. 9–37.
- Ghosh, J. (2010). The unnatural coupling: food and global finance. *Journal of Agrarian Change*, vol. 10, No. 1, pp. 72–86.
- _____ (2011). Cash transfers as the silver bullet for poverty reduction: a sceptical note. *Economic and Political Weekly*, vol. 46, No. 21, pp. 67–71.
- Gillespie, S., J. Harris and S. Kadiyala (2012). The agriculture–nutrition disconnect in India: what do we know? IFPRI Discussion Paper 1187. International Food Policy Research Institute.
- Global Alliance for Clean Cookstoves. (2013). *Scaling Adoption of Clean Cooking Solutions through Women’s Empowerment: A Resource Guide*.
- Gough, I. (2011). *Climate Change, Double Injustice and Social Policy: A Case Study of the United Kingdom*. Occasional Paper No. 1. Geneva: United Nations Research Institute for Social Development.
- GRAIN. (2008). Seized: the 2008 landgrab for food and financial security. GRAIN Briefing. Barcelona.
- Greenhalgh, S. (2005). *Globalization and population governance in China*. In *Global Assemblages: Technology, Politics, and Ethics as Anthropological Problems*, Aihwa Ong and Stephen J. Collier, eds. Malden, Massachusetts: Blackwell Publishing.
- Grown, C., D. Elson and N. Cagatay. (2000). Introduction. Special issue: growth, trade, finance, and gender inequality. *World Development*, vol. 28, No. 7, pp. 1145–1156.
- Guerrero, N. M., and A. Stock. (2012). Green economy from a gender perspective. Policy paper.

- Guruswamy, L. (2011). Energy poverty. *Annual Review of Environment and Resources*, vol. 36, pp. 139–161.
- Haddad, L.J., J. Hoddinott and H. Alderman, eds. (1997). *Intrahousehold Resource Allocation in Developing Countries: Models, Methods, and Policy*. Baltimore: Johns Hopkins University Press.
- Hammerton, S., ed. (2013). *Decent work for domestic workers: Toward the ratification of ILO Convention 189 in Kenya, Namibia, Zambia and Zimbabwe*. Brussels: Solidar and International Federation of Workers' Education Associations.
- Hammouya, M. (1999). *Statistics on Public Sector Employment: Methodology, Structures and Trends*. Working Paper SAP 2.85/WP.144. Geneva: International Labour Office.
- Harcourt, W., ed. (2012). *Women Reclaiming Sustainable Livelihoods: Spaces Lost, Spaces Gained*. Basingstoke, United Kingdom: Palgrave Macmillan.
- Hardin, G. (1968). The tragedy of the commons. *Science*, vol. 162, No. 3859, pp. 1243–1248.
- Harris, D., M. Kooy and L. Jones. (2011). *Analysing the Governance and Political Economy of Water and Sanitation Service Delivery*. Working Paper 334. London: Overseas Development Institute.
- Harriss, B. (1995). The intrafamily distribution of hunger in South Asia. In *The Political Economy of Hunger: Selected Essays*, J. Drèze, A. Sen and A. Hussain, eds. Oxford: Clarendon Press.
- Harriss–White, B., and N. Gooptu (2001). Mapping India's world of unorganized labour. *Socialist Register*, vol. 37.
- Hartmann, B. (1995). *Reproductive Rights and Wrongs: The Global Politics of Population Control*. Boston: South End Press.
- _____ (2010). Rethinking the role of population in human security. In *Global Environmental Change and Human Security*, R. A. Matthew and others, eds. Cambridge, Massachusetts: MIT Press.
- Heintz, J. (2006). Low–wage manufacturing and global commodity chains: a model in the unequal exchange tradition. *Cambridge Journal of Economics*, vol. 30, No. 4, pp. 507–520.
- Hernández Castillo, R. A. (2002). National law and indigenous customary law: the struggle for justice of indigenous women in Chiapas, Mexico. In *Gender Justice, Development, and Rights*, M. Molyneux and S. Razavi, eds. Oxford: Oxford University Press.
- Herren, H., and others. (2012). *Green Jobs for a Revitalized Food and Agriculture Sector*. Rome: Food and Agriculture Organization of the United Nations.
- Hesketh, T., L. Lu and Z. Wei Xing. (2005). The effect of China's one–child family policy after 25 years. *New England Journal of Medicine*, vol. 353, No. 11, pp. 1171–1176.
- Hickling, S., and J. Bevan. (2010). Scaling up CLTS in sub–Saharan Africa. *Participatory Learning and Action*, vol. 61, pp. 51–62.

- High-level Panel of Experts on Food Security and Nutrition. (2011). *Price Volatility and Food Security: A Report by the High Level Panel of Experts on Food Security and Nutrition of the Committee on World Food Security*. Rome.
- _____ (2012). *Food Security and Climate Change: A Report by the High Level Panel of Experts on Food Security and Nutrition of the Committee on World Food Security*. Rome.
- Hildyard, N. (2010). “Scarcity” as political strategy: reflections on three hanging children. In *The Limits to Scarcity: Contesting the Politics of Allocation*, L. Mehta, ed. London: Earthscan.
- Hoang, D., and B. Jones. (2012). Why do corporate codes of conduct fail? Women workers and clothing supply chains in Vietnam. *Global Social Policy*, vol. 12, No. 1, pp. 67–85.
- Hoddinott, J. (1999). Operationalizing household food security in development projects: an introduction. Technical Guide No. 1. Washington, D.C.: International Food Policy Research Institute.
- Hodgson, D. (1983). Demography as social science and policy science. *Population and Development Review*, vol. 9, No. 1, pp. 1–34.
- Hossain, N., R. King and A. Kelbert. (2013). *Squeezed: Life in a Time of Food Price Volatility, Year 1 Results*. Oxford: Institute of Development Studies and Oxfam International.
- House, S., T. Mahon and S. Cavill. (2012). *Menstrual Hygiene Matters: A Resource for Improving Menstrual Hygiene Around the World*. WaterAid.
- Hutton, G., and J. Bartram. (2008). Global costs of attaining the Millennium Development Goal for water supply and sanitation. *Bulletin of the World Health Organization*, vol. 86, No. 1, pp. 13–19.
- Hutton, G., L. Haller and J. Bartram. (2007). Global cost–benefit analysis of water supply and sanitation interventions. *Journal of Water and Health*, vol. 5, No. 4, pp. 481–502.
- India, Ministry of Water Resources. (2012). National Water Policy 2012.
- Intergovernmental Panel on Climate Change. (2013). Summary for policymakers. In *Climate Change 2013: The Physical Science Basis — Contribution of Working Group I to the Fifth Assessment Report of the Intergovernmental Panel on Climate Change*, T. F. Stocker and others, eds. Cambridge: Cambridge University Press.
- International Energy Agency. (2012). *World Energy Outlook 2012*. Paris.
- International Food Policy Research Institute. (2013). Global Hunger Index database. Available from www.ifpri.org/book-8018/node/8058. Доступно по состоянию на 2 июня 2014 года.
- International Institute for Labour Studies. (2008). *World of Work Report 2008: Income Inequalities in the Age of Financial Globalization*. Geneva: International Labour Office.
- International Labour Foundation for Sustainable Development. (2009). Green jobs and women workers: employment, equity, equality — draft report.

- International Labour Organization. (2007). *ABC of Women Workers' Rights and Gender Equality*, 2nd ed. Geneva: International Labour Office.
- _____ (2012). *Working Towards Sustainable Development: Opportunities for Decent Work and Social Inclusion in a Green Economy*. Geneva: International Labour Office.
- _____ (2013). *Domestic Workers Across the World: Global and Regional Statistics and the Extent of Legal Protection*. Geneva: International Labour Office.
- _____ (2014). *World Social Protection Report 2014/2015: Building Economic Recovery, Inclusive Development and Social Justice*. Geneva: International Labour Office.
- International Social Science Council, and United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization. (2013). *World Social Science Report 2013: Changing Global Environments*. Paris: OECD Publishing and UNESCO Publishing.
- Jackson, C. (1993). Doing what comes naturally? Women and environment in development. *World Development*, vol. 21, No. 12, pp. 1947–1963.
- Jackson, T. (2011). *Prosperity without Growth: Economics for a Finite Planet*. London: Earthscan.
- Jacobs, M. (2013). Green growth. In *The Handbook of Global Climate and Environmental Policy*, R. Falkner, ed. Oxford: Wiley–Blackwell.
- Jacobs, S. (2010). *Gender and Agrarian Reforms*. London: Routledge.
- Jacobson, A. (2007). Connective power: solar electrification and social change in Kenya. *World Development*, vol. 35, No. 1, pp. 144–162.
- Johnsson–Latham, G. (2007). *A Study on Gender Equality as a Prerequisite for Sustainable Development*. Stockholm: Ministry of the Environment, Environment Advisory Council.
- Kabeer, N. (2005). Gender inequality and women's empowerment: a critical analysis of the third Millennium Development Goal 1. *Gender and Development*, vol. 13, No. 1, pp. 13–24.
- _____ (2007). Marriage, motherhood and masculinity in the global economy: reconfigurations of personal and economic life. IDS Working Paper, No. 290. Brighton: Institute of Development Studies.
- Kabeer, N., and L. Natali. (2013). Gender quality and economic growth: is there a win–win? IDS Working Paper, No. 417. Brighton: Institute of Development Studies.
- Kar, K., and R. Chambers. (2008). *Handbook on Community–Led Total Sanitation*. London: Plan UK; Brighton: Institute of Development Studies.
- Khan, A. (2014). Paid work as a pathway of empowerment: Pakistan's Lady Health Worker Programme. In *Feminisms, Empowerment and Development: Changing Women's Lives*, A. Cornwall and J. Edwards, eds. London: Zed Books.
- King Dejardin, A. (2009). *Gender (In)equality, Globalization and Governance*. Working Paper No. 92. Geneva: International Labour Office.

- Lam, N. L., and others. (2012). Household light makes global heat: high black carbon emissions from kerosene wick lamps. *Environmental Science and Technology*, vol. 46, No. 24, pp. 13531–13538.
- Leach, M. (1992). Gender and the environment: traps and opportunities. *Development in Practice*, vol. 2, No. 1, pp. 12–22.
- Leach, M., R. Mearns and I. Scoones. (1999). Environmental entitlements: dynamics and institutions in community-based natural resource management. *World Development*, vol. 27, No. 2, pp. 225–247.
- Lee, C. M., and others. (2013). Assessing the climate impacts of cookstove projects: issues in emissions accounting. Working Paper No. 2013–01. Stockholm Environment Institute.
- Lee, Ching Kwan. (2005). *Livelihood Struggles and Market Reform: (Un)making Chinese Labour after State Socialism*. Occasional Paper No. 2. Geneva: United Nations Research Institute for Social Development.
- Levien, M. (2012). The land question: special economic zones and the political economy of dispossession in India. *Journal of Peasant Studies*, vol. 39, Nos. 3–4, pp. 933–969.
- _____ (2014). Gender and land dispossession: a comparative survey. Background paper prepared for the United Nations Entity for Gender Equality and the Empowerment of Women. New York.
- Li, T. M. (2011). Centering labour in the land grab debate. *Journal of Peasant Studies*, vol. 38, No. 2, pp. 281–298.
- Longhurst, R. (1988). Cash crops, household food security and nutrition. *IDS Bulletin*, vol. 19, No. 2, pp. 28–36.
- Lund, F. (2010). Hierarchies of care work in South Africa: nurses, social workers, and home-based care workers. *International Labour Review*, vol. 149, No. 4, pp. 495–510.
- Martínez-Alier, J. (2002). *The Environmentalism of the Poor: A Study of Ecological Conflicts and Valuation*. Cheltenham: Edward Elgar.
- May, A., and G. Summerfield. (2012). Creating a space where gender matters: Elinor Ostrom (1933–2012) talks with Ann Mari May and Gale Summerfield. *Feminist Economics*, vol. 18, No. 4, pp. 25–37.
- McAfee, K. (2012). The contradictory logic of global ecosystem services markets. *Development and Change*, vol. 43, No. 1, pp. 105–131.
- McMahon, S., and others. (2011). “The girl with her period is the one to hang her head”: reflections on menstrual management among schoolgirls in rural Kenya. *BMC International Health and Human Rights*, vol. 11.
- McMichael, P. (2009). Food sovereignty, social reproduction and the agrarian question. In *Peasants and Globalization: Political Economy, Rural Transformation and the Agrarian Question*, A. H. Akram-Lodhi and C. Kay, eds. London: Routledge.
- Meadows, D., and others. (1972). *The Limits to Growth: A Report to the Club of Rome’s Project on the Predicament of Mankind*. New York: Universe Books.

- Mehta, L., and S. Movik, eds. (2011). *Shit Matters: The Potential of Community-led Total Sanitation*. Rugby, Warwickshire: Practical Action Publishing.
- Mehta, L., G. J. Veldwisch and J. Franco. (2012). Water grabbing? Focus on the (re)appropriation of finite water resources. *Water Alternatives*, vol. 5, No. 2, pp. 193–207.
- Mellor, M. (2009). Ecofeminist political economy and the politics of money. In *Eco-Sufficiency and Global Justice: Women Write Political Ecology*, A. Salleh, ed. London: Pluto Press.
- Miah, M. D., and others. (2010). Rural household energy consumption pattern in the disregarded villages of Bangladesh. *Energy Policy*, vol. 38, No. 2, pp. 997–1003.
- Millennium Ecosystem Assessment. (2005). *Ecosystems and Human Well-being: Synthesis*. Washington, D.C.: Island Press.
- Minns, R., and S. Sexton. (2006). Too many grannies? Private pensions, corporate welfare and growing insecurity. The Corner House Briefing No. 35. Sturminster Newton, Dorset: The Corner House.
- Mkandawire, T. (2005). Targeting and universalism in poverty reduction. Social Policy and Development Programme Paper, No. 23. Geneva: United Nations Research Institute for Social Development.
- Muro, M., and others. (2011). *Sizing the clean economy. A national and regional green jobs assessment*. Washington, D.C.: Brookings Institution, Metropolitan Policy Program.
- Murtaugh, P. A., and M. G. Schlax. (2009). Reproduction and the carbon legacies of individuals. *Global Environmental Change*, vol. 19, No. 1, pp. 14–20.
- Myers, N., and J. Kent (1995). *Environmental Exodus: An Emergent Crisis in the Global Arena*. Washington, D.C.: Climate Institute.
- Natural Capital Committee. (2013). The state of natural capital: towards a framework for measurement and valuation.
- Nelson, G. C., and others. (2009). *Climate Change: Impact on Agriculture and Costs of Adaptation*. Washington, D.C.: International Food Policy Research Institute.
- Nelson, K., and A. Murray. (2008). Sanitation for unserved populations: technologies, implementation challenges, and opportunities. *Annual Review of Environment and Resources*, vol. 33, pp. 119–151.
- Neumayer, E., and T. Plümper. (2007). The gendered nature of natural disasters: the impact of catastrophic events on the gender gap in life expectancy, 1981–2002. *Annals of the Association of American Geographers*, vol. 97, No. 3, pp. 551–566.
- Nussbaum, M. (2000). *Women and Human Development: The Capabilities Approach*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Odum, E. (1953). *The Fundamentals of Ecology*. Philadelphia: W. B. Saunders.

- O'Neill, B. C., and others. (2010). Global demographic trends and future carbon emissions. *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America*, vol. 107, No. 41, pp. 17521–17526.
- Oostendorp, R. H. (2009). Globalization and the gender wage gap. *World Bank Economic Review*, vol. 23, No. 1, pp. 141–161.
- Organization for Economic Cooperation and Development. (2012). *Closing the Gender Gap: Act Now*. Paris: OECD Publishing.
- Ortiz, I., and M. Cummins. (2013). The age of austerity: a review of public expenditures and adjustment measures in 181 countries. Working paper. New York: Initiative for Policy Dialogue; Geneva: South Centre.
- Ostrom, E. (2000). Collective action and the evolution of social norms. *Journal of Economic Perspectives*, vol. 14, No. 3, pp. 137–158.
- Otzelberger, A. (2011). Gender-responsive strategies on climate change: recent progress and ways forward for donors. Brighton: Institute of Development Studies, BRIDGE.
- Pachauri, S., and others. (2012). Energy access for development. In *Global Energy Assessment: Toward a Sustainable Future*, T. B. Johansson and others, eds. Cambridge: Cambridge University Press; Laxenburg, Austria: International Institute for Applied Systems Analysis.
- Peng, I. (2012). The boss, the worker, his wife and no babies: South Korean political and social economy of care in a context of institutional rigidities. In *Global Variations in the Political and Social Economy of Care: Worlds Apart*, S. Razavi and S. Staab, eds. New York: Routledge.
- Pereira, M. G., and others. (2011). Evaluation of the impact of access to electricity: a comparative analysis of South Africa, China, India and Brazil. *Renewable and Sustainable Energy Reviews*, vol. 15, No. 3, pp. 1427–1441.
- Quisumbing, A., and others (2008). Helping women respond to the global food price crisis. IFPRI Policy Brief, No. 7, Washington, D.C. International Food Policy Research Institute.
- Raupach, M. R., and others. (2007). Global and regional drivers of accelerating CO₂ emissions. *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America*, vol. 104, No. 24, pp. 10288–10293.
- Raworth, K. (2012). A safe and just space for humanity: Can we live within the doughnut? Oxfam Discussion Paper. Oxford: Oxfam International.
- Ray, I. (2007). Women, water and development. *Annual Review of Environment and Resources*, vol. 32, pp. 421–449.
- Razavi, S. (2007). The political and social economy of care in a social context: conceptual issues, research questions and policy options. Gender and Development Programme Paper, No. 3. Geneva: United Nations Research Institute for Social Development.
- _____ (2009). Engendering the political economy of agrarian change. *Journal of Peasant Studies*, vol. 36, No. 1, pp. 197–227.

- Razavi, S., and others. (2012). Gendered impacts of globalization: employment and social protection. Research and Policy Brief, No. 13. Geneva: United Nations Research Institute for Social Development.
- Razavi, S., and S. Hassim, eds. (2006). *Gender and Social Policy in a Global Context: Uncovering the Gendered Structure of "the Social"*. Basingstoke, United Kingdom: Palgrave Macmillan.
- Razavi, S., and S. Staab. (2010). Underpaid and overworked: a cross-national perspective on care workers. *International Labour Review*, vol. 149, No. 4, pp. 407–422.
- Rival, L. (2012). *Sustainable Development Through Policy Integration in Latin America: A Comparative Approach*. Occasional Paper No. 7. Geneva: United Nations Research Institute for Social Development.
- Robertson, T. (2012). *The Malthusian Movement: Global Population Growth and the Birth of American Environmentalism*. New Brunswick, New Jersey: Rutgers University Press.
- Rocheleau M., D. (1988). *Gender, resource management and the rural landscape: implications for agroforestry and farming systems research*. In *Gender Issues in Farming Systems Research and Extension*, S. V. Poats, M. Schmink and A. Spring, eds. Boulder: Westview Press.
- Rockström, J.W., and others (2009). Planetary boundaries: exploring the safe operating space for humanity. *Ecology and Society*, vol. 14, No. 2.
- Rodda, A. (1991). *Women and the Environment*. London: Zed Books.
- Roe, E. M. (1995). Except–Africa: postscript to a special section on development narratives. *World Development*, vol. 23, No. 6, pp. 1065–1069.
- Rukuni, S. (2010). Challenging mindsets: CLTS and government policy in Zimbabwe. *Participatory Learning and Action*, vol. 61, pp. 141–148.
- Saith, A. (2011). Inequality, imbalance, instability: reflections on a structural crisis. *Development and Change*, vol. 42, No. 1, pp. 70–86.
- Saith, R., and B. Harriss–White (1999). The gender sensitivity of well–being indicators. *Development and Change*, vol. 30, No. 3, pp. 465–497.
- Samson, M., ed. (2009). *Refusing to Be Cast Aside: Waste Pickers Organising Around the World*. Cambridge, Massachusetts: Women in Informal Employment: Globalizing and Organizing.
- Satterthwaite, D. (2009). The implications of population growth and urbanization for climate change. *Environment and Urbanization*, vol. 21, No. 2, pp. 545–567.
- Satterthwaite, D., D. Mitlin and S. Patel (2011). Engaging with the urban poor and their organizations for poverty reduction and urban governance. Issues paper. New York: United Nations Development Programme.
- Say, L., and others (2014). Global causes of maternal death: a WHO systematic analysis. *The Lancet Global Health*, vol. 2, no. 6, pp. e323–e333.

- Sayre, N. F. (2008). The genesis, history and limits of carrying capacity. *Annals of the Association of American Geographers*, vol. 98, No. 1, pp. 120–134.
- Schalatek, L. (2013). The post–2015 framework: merging care and green economy approaches to finance gender–equitable sustainable development. Washington, D.C.: Heinrich Böll Stiftung.
- Seguino, S. (2000). Gender inequality and economic growth: a cross–country analysis. *World Development*, vol. 28, No. 7, pp. 1211–1230.
- _____ (2010). Gender, distribution, and balance of payments constrained growth in developing countries. *Review of Political Economy*, vol. 22, No. 3, pp. 373–404.
- Seguino, S., and C. Grown. (2006). Gender equity and globalization: macroeconomic policy for developing countries. *Journal of International Development*, vol. 18, No. 8, pp. 1081–1104.
- Sen, A. (1982). *Poverty and Famines: An Essay on Entitlement and Deprivation*. Oxford: Oxford University Press.
- _____ (1985). Well–being, agency and freedom: the Dewey Lectures 1984. *Journal of Philosophy*, vol. 82, No. 4, pp. 169–221.
- _____ (1990). More than 100 million women are missing. *New York Review of Books*, vol. 37, No. 20 (20 December).
- _____ (1999). *Development as Freedom*. New York: Knopf.
- Sen, G., and A. Nayar. (2013). Population, environment and human rights: a paradigm in the making. In *Powerful Synergies: Gender Equality, Economic Development and Environmental Sustainability*, B. Cela, I. Dankelman and J. Stern, eds. New York: United Nations Development Programme.
- Sepúlveda, M., and C. Nyst. (2012). *The Human Rights Approach to Social Protection*. Helsinki: Ministry for Foreign Affairs of Finland.
- Shah, S. P., and others. (2013). Improving quality of life with new menstrual hygiene practices among adolescent tribal girls in rural Gujarat, India. *Reproductive Health Matters*, vol. 21, No. 41, pp. 205–213.
- Sidner, S. (2011). Solar panels power profit in Bangladesh. CNN.com, 12 April. Accessed 25 January 2014. Available from <http://edition.cnn.com/2011/BUSINESS/04/11/bangladesh.solar.power.kalihati>.
- Sinton, J.E., and others (2004). An assessment of programs to promote improved household stoves in China. *Energy for Sustainable Development*, vol. 8, No. 3, pp. 33–52.
- Skinner, E. (2011). *Gender and Climate Change: Overview Report*. BRIDGE Cutting Edge Pack Series. Brighton: Institute of Development Studies.
- Sovacool, B.K. (2012). The political economy of energy poverty: a review of key challenges. *Energy for Sustainable Development*, vol. 16, No. 3, pp. 272–282.
- Statistics South Africa. (2013). *General Household Survey 2012*. Pretoria.
- Stern, N. (2006). What is the economics of climate change? *World Economics*, vol. 7, No. 2.

- Stiglitz, J. E. (2012). *The Price of Inequality: How Today's Divided Society Endangers Our Future*. New York: W. W. Norton and Company.
- Stirling, A. (1998). Risk at a turning point? *Journal of Risk Research*, vol. 1, No. 2, pp. 97–109.
- Stockhammer, E. (2013). *Why Have Wage Shares Fallen? A Panel Analysis of the Determinants of Functional Income Distribution*. Conditions of Work and Employment Series No. 35, Geneva: International Labour Office.
- Strietska-Ilina, O., and others. (2011). *Skills for Green Jobs: A Global View — Synthesis Report Based on 21 Country Studies*. Geneva: International Labour Office.
- Szreter, S. (1993). The idea of demographic transition and the study of fertility change: a critical intellectual history. *Population and Development Review*, vol. 19, No. 4, pp. 659–701.
- Tiba, Z. (2011). Targeting the most vulnerable: implementing input subsidies. In *Safeguarding Food Security in Volatile Markets*, A. Prakash, ed. Rome: Food and Agriculture Organization of the United Nations.
- Tomlinson, I. (2013). Doubling food production to feed the 9 billion: a critical perspective on a key discourse of food security in the UK. *Journal of Rural Studies*, vol. 29, pp. 81–90.
- United Nations. (1975). *Report of the World Food Conference*, Rome 5–16 November 1974. Sales No. E.75.II.A.3.
- _____ (1999). *The World at Six Billion*. ESA/P/WP.154.
- _____ (2001). *World Population Prospects: The 2000 Revision*, vol. I, *Comprehensive Tables*, vol. II, *Sex and Age*, vol. III, *Analytical Report*. Sales No. E.91.XIII.8, E.01.XIII.9 and E.01.XIII.20.
- _____ (2002). *Abortion Policies: A Global Review*, vol. I, *Afghanistan to France*, vol. II, *Gabon to Norway* and vol. III, *Oman to Zimbabwe*. Sales Nos. E.01.XIII.10, E.01.XIII.18 and E.02.XIII.5.
- _____ (2009). *World Survey on the Role of Women in Development: Women's Control over Economic Resources and Access to Financial Resources, including Microfinance*. Sales No. E.09.IV.7.
- _____ (2010). *The World's Women: Trends and Statistics*. Sales No. E.10.XVII.11.
- _____ (2013a). *Цели развития тысячелетия: доклад за 2013 год*. В продаже под № R.13.I.9.
- _____ (2013b). *Report on the World Social Situation 2013: Inequality Matters*. Sales No. E.13.IV.2.
- _____ (2013c). *World Population Ageing 2013*. Sales No. E.14.XIII.6.
- _____ (2013d). *World Population Prospects: The 2012 Revision — Key Findings and Advance Tables*. Working Paper No. ESA/P/WP.227.
- United Nations Children's Fund. (2008). *The State of the World's Children 2009: Maternal and Newborn Health*. Sales No. E.09.XX.1.

- _____ (2013). *Improving Child Nutrition: The Achievable Imperative for Global Progress*. Sales No. E.13.XX.4.
- United Nations Children's Fund, and Central Institute for Fiscal Studies (ICEFI). (2011). Protecting the new harvest: an analysis of the cost of eradicating hunger in Guatemala 2012–2021. Bulletin, No. 4. Guatemala.
- United Nations Conference on Trade and Development. (2010). *Trade and Development Report 2010: Employment, Globalization and Development*. Sales No. E.10.II.D.3.
- _____ (2013a). *Trade and Development Report 2013: Adjusting to the Changing Dynamics of the World Economy*. Sales No. E.13.II.D.3.
- _____ (2013b). *World Investment Report 2013: Global Value Chains — Investment and Trade for Development*. Sales No. E.13.II.D.5.
- United Nations Development Programme. (1995). *Human Development Report 1995: Gender and Human Development*. New York: Oxford University Press.
- _____ (2006). *Human Development Report 2006: Beyond Scarcity — Power, Poverty and the Global Water Crisis*. Basingstoke, United Kingdom: Palgrave Macmillan (Доклад о развитии человека за 2006 год «Что кроется за нехваткой воды: власть, бедность и глобальный кризис водных ресурсов»).
- _____ (2011). *Human Development Report 2011: Sustainability and Equity — A Better Future for All*. Basingstoke, United Kingdom: Palgrave Macmillan (Доклад о человеческом развитии 2011 года. Устойчивое развитие и равенство возможностей: лучшее будущее для всех).
- _____ (2013a). *Human Development Report 2013: The Rise of the South — Human Progress in a Diverse World*. New York. (Доклад о человеческом развитии 2013 года. Возвышение Юга: человеческий прогресс в многообразном мире).
- _____ (2013b). *Humanity Divided: Confronting Inequality in Developing Countries*. New York.
- United Nations Entity for Gender Equality and the Empowerment of Women and Mary Robinson Foundation—Climate Justice. (2013). The full view: advancing the goal of gender balance in multilateral and intergovernmental processes. New York and Dublin.
- United Nations Environment Programme. (2009). Global green new deal: policy brief. Nairobi.
- _____ (2011). *Towards a Green Economy: Pathways to Sustainable Development and Poverty Eradication — A Synthesis for Policy Makers*. Nairobi.
- United Nations Environment Programme, and others. (2008). *Green Jobs: Towards Decent Work in a Sustainable, Low Carbon World*. Nairobi: United Nations Environment Programme.
- United Nations International Strategy for Disaster Reduction (secretariat). (2009). *Global Assessment Report on Disaster Risk Reduction*. Geneva. United Nations Entity for Gender Equality and the Empowerment of Women. (2014). Gender equality and the global economic crisis. Research paper. New York.

- United Nations Millennium Project, Task Force on Hunger (2005). *Halving Hunger: It Can Be Done*. London: Earthscan.
- United Nations Office for Disaster Risk Reduction (2009). *Global Assessment Report on Disaster Risk Reduction*. Geneva.
- United Nations Research Institute for Social Development. (2010). *Combating Poverty and Inequality: Structural Change, Social Policy and Politics*. Sales No. E.10.III.Y.1.
- _____ (2012a). Inequalities and the post-2015 development agenda. Research and Policy Brief, No. 15. Geneva.
- _____ (2012b). Social dimensions of green economy. Research and Policy Brief, No. 12. Geneva.
- Unmüßig, B. (2014). On the value of nature: the merits and perils of a new economy of nature. Berlin: Heinrich Böll Stiftung.
- Unmüßig, B., W. Sachs, and T. Fatheuer (2012). *Critique of the Green Economy: Toward Social and Environmental Equity*. Publication Series on Ecology, No. 22, Berlin: Heinrich Böll Stiftung.
- Unterhalter, E. (2013). The MDGs, girls' education and gender equality. Paper prepared for the expert group meeting on structural and policy constraints in achieving the Millennium Development Goals for women and girls. Mexico City: October.
- Urdal, H. (2012). A clash of generations? Youth bulges and political violence. Expert Paper, No. 2012/1. New York: Department of Economic and Social Affairs, Population Division.
- Vanek, J., and others. (forthcoming). *Statistics on the Informal Economy: Definitions, Regional Estimates and Challenges*. WIEGO Working Paper (Statistics), No. 2. Cambridge, Massachusetts: Women in Informal Employment: Globalizing and Organizing.
- Vaughan, G., ed. (2007). *Women and the Gift Economy: A Radically Different Worldview is Possible*. Toronto: Inanna Publications and Education.
- Vizard, P., S. Fukuda-Parr and D. Elson. (2011). Introduction: the capability approach and human rights. *Journal of Human Development and Capabilities*, vol. 12, No. 1, pp. 1–22.
- Vogt, W. (1948). *Road to Survival*. New York: W. Sloane Associates.
- Von Braun, J. (2014). Aiming for food and nutrition security in a changed global context: strategy to end hunger. In *Alternative Development Strategies in the Post-2015 Era*, J. A. Alonso, G. A. Cornia and R. Vos, eds. New York and London: Bloomsbury Academic.
- Von Grebmer, K., and others. (2013). *2013 Global Hunger Index: The Challenge of Hunger — Building Resilience to Achieve Food and Nutrition Security*. Bonn: Welthungerhilfe; Washington D.C.: International Food Policy Research Institute; Dublin: Concern Worldwide.

- White, J., and B. White. (2012). Gendered experiences of dispossession: oil palm expansion in a Dayak Hibun community in West Kalimantan. *Journal of Peasant Studies*, vol. 39, Nos. 3–4, pp. 995–1016.
- World Health Organization. (2009). *Global Health Risks: Mortality and Burden of Disease Attributable to Selected Major Risks*. Geneva.
- _____. (2012). *UN–Water Global Annual Assessment of Sanitation and Drinking–Water (GLAAS) 2012 Report: The Challenge of Extending and Sustaining Services*. Geneva.
- World Health Organization, and United Nations Children’s Fund. (2006). *Meeting the MDG Drinking–Water and Sanitation Target: The Urban and Rural Challenge of the Decade*. Geneva and New York.
- _____. (2012). *Progress on Drinking Water and Sanitation: 2012 Update*. Geneva and New York.
- _____. (2013). *Progress on Sanitation and Drinking–Water: 2013 Update*. Geneva and New York.
- _____. (2014). *Progress on Drinking Water and Sanitation: 2014 update*. Geneva and New York.
- Wichterich, C. (2012). *The Future We Want: A Feminist Perspective*. Publication Series on Ecology, No. 21. Berlin: Heinrich Böll Stiftung.
- Wider Opportunities for Women. (2012). WANTO: Women in Apprenticeship and Nontraditional Occupations Act. Fact Sheet. Washington, D.C.
- Williams, G. (1995). Modernizing Malthus: the World Bank, population control and the African environment. In *Power of Development*, J. Crush, ed. London: Routledge.
- Wiltshire, R. (1992). Environment and development: grassroots’ women’s perspectives. Barbados: Development Alternatives with Women for a New Era.
- Women Organizing for Change in Agriculture and Natural Resource Management, and others. (2013). Scoping study of good practices for strengthening women’s inclusion in forest and other natural resource management sectors: joint regional initiative for women’s inclusion in REDD+.
- Women’s Major Group. (2013). *Gender Equality, Women’s Rights and Women’s Priorities: Recommendations for the Proposed Sustainable Development Goals (SDGs) and the Post–2015 Development Agenda*.
- Wong, S. (2009). Climate change and sustainable technology: re–linking poverty, gender, and governance. *Gender and Development*, vol. 17, No. 1, pp. 95–108.
- World Bank. (2003). *World Development Report 2004: Making Services Work for Poor People*. Washington, D.C.: World Bank; Oxford: Oxford University Press.
- _____. (2011). *Gender and Climate Change: Three Things You Should Know*. Washington, D.C.
- _____. (2012). *World Development Report 2012: Gender Equality and Development*. Washington, D.C.

-
- _____ (2014). *World Development Indicators 2014*. Washington, D.C.
- World Commission on Dams. (2000). *Dams and Development: A New Framework for Decision-making — The Report of the World Commission on Dams*. London: Earthscan.
- Wright, B. D. (2012). International grain reserves and other instruments to address volatility in grain markets. *World Bank Research Observer*, vol. 27, No. 2, pp. 222–260.
- Xing, Li. (2009). Population control called key to deal. *China Daily*. Available from www.chinadaily.com.cn/china/2009-12/10/content_9151129.htm.
Доступно по состоянию на 22 июня 2014 года.
- Yamin, A. E., and V. M. Boulanger. (2013). Embedding sexual and reproductive health and rights in a transformational development framework: lessons learned from the MDG targets and indicators. *Reproductive Health Matters*, vol. 21, No. 42, pp. 74–85.
- Zhang, J., and K. R. Smith. (2007). Household air pollution from coal and biomass fuels in China: measurements, health impacts, and interventions. *Environmental Health Perspectives*, vol. 115 No. 6, pp. 848–855.
- Zwarteveen, M. (1997). Water: from basic need to commodity: a discussion on gender and water rights in the context of irrigation. *World Development*, vol. 25, No. 8, pp. 1335–1349.
-